

СЕРГЕЙ ФОМИЧЁВ

ТВАРИ ИМПЕРИИ

В оказавшуюся на грани разорения страховую контору славного города Альпорта приходит странный клиент и делает предложение, от которого трудно отказаться.

Глава 1. Вердикт

— Невиновен!

Удар молотка.

— Иск отклоняется!

Удар молотка.

— Дело закрыто!

Изыгнув вердикт, Их Честь ударил молотком в третий раз, да так приложился, что у чернильницы захлопнулась крышка, а молодому мастеру Дамматрику, представителю истца, показалось, будто с судейского парика на стол посыпалась пудра. Противный скрип секретарского пера, под аккомпанемент которого оглашалось решение, сменился осторожным гулом толпы. В нём легко угадывалось разочарование, и даже некоторое недовольство, заглушёванное, впрочем, привычной опаской. Открыто показывать отношение к юстиции Альпорта, тем более к одной из сторон процесса, рисковали немногие из простых горожан. Но и эти слабые отголоски недовольства смолкли, когда судья Атайрис обвёл зал мрачным тяжёлым взглядом.

Публика сразу же присмирела и пошла на попятную. Застучали складные кресла, затопали, зашаркали по разошедшемуся неровному паркету ботинки, туфли, сапоги. Народ повалил к выходу, вполголоса делясь впечатлениями от процесса. Деталей для пересудов и разговоров хватит теперь на неделю.

Судебные тяжбы считались одним из немногих доступных развлечений для черни. Место на ипподроме стоило дорого, к тому же после запрета тотализатора бега привлекали лишь аристократию, знатоков лошадей и верблюдов, а немногочисленные театры застряли на репертуаре доимперской эпохи, сохраняя тяжёлый для восприятия слог и ещё менее понятные нынешнему горожанину мифологические аллюзии. Оставались ещё состязания в риторике. Но и они хоть и проходили открыто на форумах, требовали от слушателя некоторой образованности, интереса к нюансам политики или философии, чем могли похвастаться немногие из низших слоёв.

Уголовные и гражданские процессы казались народу ближе к жизни, понятней, а в зал суда пускали любого желающего, причём пускали бесплатно, лишь бы желающий этот твёрдо стоял на ногах, был опрятно одет и не дышал сивухой. Подробности кровавых преступлений, зачитываемые обвинителем, воспринимались как хороший рассказ, драматизм допроса свидетелей, показания корнера, адвокатские выкрутасы во время прений, неожиданные повороты сюжета от предъявляемых сторонами фактов, держали публику в напряжении. А суровые вердикты, длящиеся точно вычурные пасьянсы, в конце которых выпадала виселица или костёр, эти и вовсе слушались при полном молчании зала. Так что если не считать ярмарочных балаганов и полулегальных азартных игр в кабаках, только суды и позволяли разнообразить унылую жизнь бедного горожанина.

Разумеется, итог большинства процессов был обычно известен заранее. Судейское племя в Альпорте хоть и избиралось самими жителями, считалось таким же ходовым товаром как, скажем, породистые жеребцы, изумруды или амбра. Не каждому и не всякий раз по карману, но все же при определенном напряжении сил, повернуть ход процесса в свою пользу могли даже люди средних сословий. Честно судили разве что двух спорящих нищих, у которых за душой не имелось ни гроша.

Однако на этот раз дело с самого начала обещало интригу. Во-первых, схлестнулись между собой состоятельная страховая контора, имеющая реноме жесткой фирмы с большими связями, и известный всему городу гангстер Жук Лейсон, с репутацией не менее серьёзной. Народ возбудился в предчувствии настоящего зрелища. Тем более, что, во-вторых, и судья оказался под стать спорящим сторонам. Атайрис относился к той небольшой когорте неподкупных и бесстрашных судей, которых горожане избирали без затрат и усилий со стороны кандидата. Ни предложение мзды, ни угрозы не могли сбить его с праведного пути и убедить в том, что не подтверждено уликами или показаниями свидетелей. Обычно такого судью приглашали для арбитража, причём заранее вписывали в контракт. Он сам по себе являлся гарантией честной сделки.

Праведного судьи оказалась, однако, мало для торжества справедливости. Разбирательство тянулось полтора месяца, но большинство свидетелей, которых ценой огромных затрат и усилий удалось отыскать работникам страховой конторы, под тяжёлым взглядом Лейсона успешно запутались в показаниях. А те двое, на которых Дамматрик особенно рассчитывал — старый рыбак, видевший разгрузку корабля на острове Волнений и портовый работник, утверждавший, что "Молот Горного Тролля" вышел в рейс с ветхой оснасткой, хотя за две недели до отплытия на склады Лейсона поступила новая парусина и канаты — эти двое не явились вовсе. Возможно, ими уже лакомились крысы в поганных оврагах за городской стеной; возможно их кости, оставшиеся после акул,

догрызали крабы на дне большого лимана; возможно также, что, получив на руки вознаграждение, оба скрывались в каком-нибудь мелком городке Южного Побережья. Так или иначе, концы оказались обрубленными, а Жук Лейсон в который раз вышел сухим из воды.

"Молот" сгинул, погубив капитана Ники Торадо и дюжину его матросов. Весь город знал, что это мошенничество. Что ценный груз Жук снял с корабля загодя, на острове Волнений, и как только страсти улягутся, табак, кокосовая мякоть, пряности, а также кое-что из контрабанды неизменно появятся на рынках Альпорта. Весь город знал, но косвенных улик было мало и доказать в суде правду у страхового товарищества не вышло. И теперь конторе предстояло выплатить десять тысяч золотых монет за потерянный груз, тысячу монет за корабль и по пятьдесят семье каждого из матросов. Судебные издержки округляли сумму потерь до пятнадцати тысяч, что ставило их бизнес на грань банкротства.

Но вовсе не золото сейчас было главным, не страх перед разорением тяготил мысли молодого мастера Дамматрика. Капитан Торадо был их компаньоном. Они потеряли товарища, а Дамматрик не смог добиться возмездия.

Он тяжело вздохнул.

Собственно в ловушку они сунулись сами. Попав несколько раз на крючок Лейсона, они не отступили, как наверняка сделали бы на их месте здравомыслящие коллеги. Нет, они держали марку лучшего в городе страхового товарищества и решили вывести Жука на чистую воду. Заключая последнюю сделку, они настояли на присутствии в команде корабля своего компаньона. И Жук Лейсон согласился, мало того, он согласился, чтобы сам Торадо и повёл судно. Так что всё было под контролем. Но судно сгинуло вместе с грузом и командой, свидетели разбежались. Товарищество проиграло процесс.

Толпа утекала из зала через дефиле выхода, как песок из верхнего конуса склянок в нижний. Бывший обвиняемый не тронулся с места. Стоял, упёршись руками в ограждение, и смотрел на оппонента. Смуглое скуластое лицо, чёрные жёсткие волосы. Он был настоящим южанином, этот Лейсон, чистопородным жителем побережья, смотрящим с долей презрения на тех, в чьих жилах текла хотя бы небольшая примесь имперской крови. В то время как потомки переселенцев кичились бледностью, завезённой предками из скудного солнцем сердца империи, среди простого люда больше ценилась не порода, но сила. И вот силы у Лейсона имелось в избытке. Взгляд южанина порождал арктический холод.

Дамматрику так захотелось съездить кулаком по непроницаемой роже, что он даже испугался неожиданного порыва. Благо головорезы не позволяли приближаться к боссу, спасая тем самым не столько Жука, сколько возможного психопата от самоубийственного шага.

— Придёт время, и я наколю тебя на булавку! — крикнул в сердцах Дамматрик и тут же выбранил себя за несдержанность.

Как не чуждый философии человек, он знал, что всякая угроза — суть проявление слабости. Что толку в пустых угрозах, если они пусты? А если угрозы серьёзны, то зачем предупреждать противника? Не лучше ли нанести удар, когда его не ожидают? А теперь вышло так, что он попросту сотрясал воздух.

Телохранители Лейсона даже не шевельнулись. Настоящие профессионалы, не шпана какая-нибудь с окраины. Слова — всего лишь слова, если они конечно не часть колдовского заклинания, а защита от оскорблений не входит в обязанность телохранителей. Сам Лейсон также не снизошёл до ответа. Он молчал, но продолжал морозить оппонента ледяшками глаз, словно в мыслях уже наматывал его кишки на вертел.

— У вас три дня на выплату по страховому случаю, — напомнил судебный пристав. — В противном случае мы вынуждены будем дать ход уже иску господина Лейсона.

Дамматрик кивнул, шагнул назад и ещё раз оглядел публику, пытаясь в который раз обнаружить знакомое лицо. Но нет. Ильми на суд не пришла. А ведь погибший капитан был её отцом. "Она с самого начала не верила в затею, — догадался Дамматрик. — Предвидела исход процесса и не захотела добавлять к горю унижение".

— Мастер Дамматрик? — с трудом преодолев встречный людской поток, в зал проник паренёк.

Мальчишка протянул записку и, получив стотинку, исчез в утекающем хвосте толпы. Не выпуская из поля зрения бандитов, Дамматрик распечатал послание. Он сразу узнал корявый, но разборчивый почерк хозяина. Толстяк вызывал в контору, назначив странное время для общего сбора. Полночь.

В другой день Дамматрик удивился бы сей оказии, не преминул бы хорошенько обмыслить, а то и навести заранее справки о причинах. Он предпочитал появляться на совещаниях подготовленным, ибо ни шефу, ни компаньонам не доверял до конца. Но сегодня ему было тошно даже думать о делах конторы.

До полуночи оставалось ещё три часа. Недостаточно, чтобы отыскать Ильми, которая, как выясняется, и без того придёт на совещание, но вполне хватит для захода в кабак. Выпить чего-нибудь сейчас представлялось ему не лишним, хотя куда больше хотелось побродить по набережной, подышать морской свежестью. Однако поздний вечер плохой час для прогулок.

Заведение популярное у стряпчих, судейских клерков и вообще всей той стаи стервятников, что кормится благодаря запутанному имперскому законодательству, усугублённому поздними городскими уложениями и поправками, располагалось в подвале соседнего дома. Переступив порог и пробираясь неспешно к излюбленному месту, Дамматрик последовательно увидел судью Атайрису, его секретаря, нескольких знакомых адвокатов и, наконец, нотариуса Загнера с какой-то дамой, настолько старой, что беседа у них могла идти только о завещании. Впрочем, дама глушила абсент в изрядных порциях и, похоже, собиралась циррозом утереть нос старости.

Знакомые лица с картинками из их жизни возникали на миг и пропадали из поля зрения с каждым следующим шагом — заведение сплошь состояло из уголков и укромных местечек, образованных массивными колоннами и низкими сводами, а хитро размещённые в нишах свечи давали глубокие тени, укрывающие посетителей от посторонних глаз. Возможно, именно за этот интимный уют люди состоятельные и предпочитали подвальчик всем прочим значным местам, несмотря на царившие здесь кусачие цены. Но тут хозяин был в своём праве. Он справедливо полагал, что раз уж законники обирают людей до нитки, то не будет большим грехом слегка пощипать их самих. И ведь что любопытно, последние не особенно возражали против такой постановки вопроса.

Дамматрик привычно устроился в небольшом закутке между кирпичными сводами и заказал тотчас возникшей девушке стопку вишнёвой наливки. Заказы в подвальчике выполняли быстро, и уже через минуту девушка поставила на стол бронзовый подсвечник с горящей свечой, блюдец с орешками и маленькую серебряную стопку.

Выпив наливку залпом, Дамматрик прикрыл глаза. Нынешнее судебное заседание съело целый год его жизни. По крайней мере, если измерять жизнь истечением пота и напряжением мозга. Он здорово вымотался сегодня. Хотя, если подумать, вся его жизнь состояла из подобных деньков.

Кто бы знал, чего ему стоила эта работа, чудесным образом совмещающая смертельную тоску и смертельный риск. Прежняя, впрочем, была не лучше. Добывание информации, причём такой, какую сильные мира сего желают скрыть — работёнка более чем опасная, а потому тихая на слух должность — помощник стряпчего — являлась на самом деле чем-то сродни профессии канатоходца с той лишь разницей, что канатоходец рисковал ради себя, а Дамматрик трудился на чужую мощь и славу. Он чувствовал себя дрессированной обезьянкой, таскающей хозяину каштаны из огня или гладиатором имперской эпохи. Он слишком часто рисковал жизнью, получая в награду гроши. И низкие гонорары волновали его куда меньше высокого риска.

Существуют, наверное, люди, для которых игры со смертью являются наслаждением. Но Дамматрику всякий раз приходилось переступать через протестующее нутро. Даже имея за спиной серьёзный опыт работы, он так и не смог привыкнуть к обычным для неё опасностям. Шкуру спасало самообладание, умение прятать страх и натягивать маску спокойствия, даже равнодушия в самых критических ситуациях. Он безбожно блефовал и мог, как вот только что, бросить угрозу в лицо главарю преступного мира, скрывая, что на самом деле дрожит от страха каждой частичкой тела. Как актёр, играющий Келли в классической трагедии Холмы Чименто Ар, он флиртовал со Смертью, но в отличие от актёра ему противостоял не собрат по ремеслу, а в отличие от самого Келли, если такой вообще когда-нибудь существовал, Дамматрик не смог бы перейти с улыбкой от флирта к жестокой схватке. Ему недоставало сноровки, какая у людей бойцового склада, по всей видимости, вырабатывается с детства, а то и наследуется. Но главное — ему не хватало духу. И если боевые навыки Дамми пытался накопить, беря анонимные уроки у отставных стражников, потомков имперских легионеров или забавляясь метанием ножей с приятелем Оборном, то откуда взять дух? И что вообще за штука этот самый дух?

Тем не менее, благодаря разнообразным трюкам окружающие почитали его за крутого парня, с каким лучше не связываться. Репутация хранила Дамматрика от мелких случайных стычек, а слухи, в том числе инициированные им самим, расчищали дорогу в трущобах Альпорта. Но он вряд ли выдержал бы настоящей проверки. Только запредельная осторожность и звериная интуиция позволяли ему до сих пор избежать ловушки.

Однако, сохраняя лицо на людях, дома Дамматрик часами приходил в себя. Вот тогда его накрывала тьма и сотрясала дрожь. Тогда его нервная система отыгрывалась за фальшивую невозмутимость, а холодная якобы кровь начинала кипеть. Мышцы сводило судорогой, затем отпускало, превращая тело в грудку мяса, которая отказывалась повиноваться мозгу. Приходил страх. Дамматрику чудилось, будто его враги, наконец, решили поквитаться, и наёмные убийцы вот-вот вломятся в дом. Страх приходилось вытеснять.

У него хватало здравого смысла и воли отказаться от наркотиков, но алкоголь он потреблял бочками. Иногда напивался в стельку и проводил в тумане день или два. Правда в кабаках и вообще на людях, он старался держать себя в руках, поэтому когда предстояла ночная работа или важное дело назавтра, попросту не появлялся вечером дома. Чтобы не сорваться.

— Принеси ещё, — крикнул он корчмарю, и, не надеясь только на слух хозяина, поднял доньшком вверх пустую чашку.

Только тут Дамматрик увидел человека, сидящего напротив вероятно уже с минуту. Судя по ветхой одежде — обычный завсегдагой припортовых кабаков, вытягивающий из клиентов угощение за интересный рассказ. Таких

типов в подвальчик обычно не допускали, но кто знает все их уловки. Правда, этот выглядел слишком молодым и полным сил для попрошайки, да и ветхость его одежды почему-то сразу показалась опытному сыщику маскировкой. Едва задумавшись, он понял, в чём дело — настоящая нищета воняет, а от парня если и разило, то не самым дешёвым вином.

— Можно? — спросил тот.

— Нет, — отрезал Дамматрик, решив играть роль до конца.

— У вас есть деньги, у меня есть информация.

Дамматрик вздохнул.

— Вы ошибаетесь по обоим пунктам, милейший, — произнес он устало. — У меня нет денег, а у вас нет такой информации, что заинтересовала бы меня сегодня.

— Даже если это касается Лейсона? — ухмыльнулся парень.

— В особенности если это касается Лейсона, — он попытался зевнуть для убедительности. — У меня сейчас отпуск, а он потому так и называется, что возвращаться к делам я не намерен.

Бесшумно подошла служанка, поставила серебряную стопку и, забрав пустую, исчезла. Не желая показывать собеседнику, что находится в разобранном состоянии, Дамматрик на этот раз не стал пить наливку залпом, а лишь слегка пригубил.

— Как знаете, — сказал непрошенный собеседник и махнул рукой. — Признаюсь, на счёт Лейсона я соврал. Хотел привлечь внимание и ошибся.

— Кто соврал один раз, может соврать и дважды, — стараясь придать голосу суровости, произнёс Дамматрик.

Суровый голос — всё, что у него теперь осталось. Неурядицы последних дней иссушили его до состояния древней литийской мумии.

— Верно, — согласился парень. — Но быть может, вы измените мнение, узнав, что некая дама наводит о вас справки?

— Нашей фирме нечего скрывать, — Дамматрик фальшиво улыбнулся. — Мы работаем абсолютно легально, и если кто-то надеется накопать груды компрометирующих материалов, препятствовать не станем — пусть тратит время и средства на бестолковое занятие и отвлекается от действительно важных дел.

— Грешки есть у всех, — не согласился парень. — Но я имею в виду не славную контору мастера Шохальца, а лично вас, мастер Дамматрик, — он улыбнулся не менее фальшиво. — Согласитесь, внимание прекрасной и судя по всему обеспеченной дамы стоит пары монет.

— Пары монет? — стоило сразу оговорить гонорар.

Заинтересовал ли его парень? Пожалуй. Немного. Но виду подавать было нельзя.

— Не медных, конечно, — пожал тот плечами.

Парень и так уже выложил информации на четвертак. Во-первых, он сказал главное — о Дамматрике собирают информацию. Некая дама или кто-то с её помощью, не столь важно. Остальное при должном желании он мог бы выяснить самостоятельно. Вот только желания начинать ещё одно расследование с непонятной целью и результатом у него пока что не возникало. Проще заплатить.

— Что ж, я дам вам четверть пальмы за имя и ещё четверть за точный адрес. Но только послезавтра, приятель. Сегодня я и правда на мели, а завтра буду весь день отсыпаться.

— Вы дадите мне два четвертака за адрес, — предложил парень. — Фальшивое имя стоит такой же фальшивой монеты, а я предпочитаю вести честный бизнес.

— Послезавтра. И вы покажете мне даму. Издали.

— Встретимся здесь же? В котором часу?

— В полдень вас устроит? Здесь будет не так много людей.

— Вполне.

Парень поднялся и, коротко оглядев подвал, точно прикидывая, нет ли здесь ещё кого-то, кого можно раскрутить на пару монет, отправился к выходу.

Дамматрик задумался. Да, он слыл красавчиком, если иметь в виду определённый тип внешности, присущий скорее отпрыскам имперской знати, чем местным уроженцам. Более резкие черты лица и более светлая кожа иной раз сами по себе открывают двери великих домов. Он также слыл крутым парнем, не боящимся никого и ничего. Поэтому аристократки или богатые мещанки, что ищут развлечений на стороне, могли бы пожалуй им заинтересоваться. Но вряд ли такого рода дамы станут городить огород с разведкой. Куда проще заслать лакея с запиской или даже прийти самой. Нравы в Альпорте не отличались строгостью даже во времена империи, а уж теперь сравнялись с любым портовым городком побережья.

Он сделал плоток побольше. Теперь не перед кем стало играть кругыша. Однако незванный информатор невольно снял боль от проигранного процесса и затронул иные струны. Боль вытесняется болью, не так ли?

Женщины в жизни Дамматрика слишком часто означали именно боль. Матушка отдала его в частный приют.

Ему тогда исполнилось шесть лет, и больше он не видел собственной матери. Всё что запомнилось — красивое лицо и слёзы. Всё, что существовало до того момента, будто отрезало. Нет, он помнил смутно свои детские игры, какие-то лица сверстников, воспитателей, даже булочника, но вот матушки вспомнить не смог. Горе прощания и ужас перед неизвестностью будущего вытеснили прежние образы. А были ли они вообще?

Приют не стал вторым домом. Правда не стал он и дорогой в криминальный мир, как можно было бы предположить, имея в виду распространённость подобного пути. Здешние воспитатели строго следили за подопечными. Такого понятия как личная жизнь у воспитанников просто не существовало. И только книги в библиотеке позволяли остаться наедине с собственными мыслями.

В отличие от многих сверстника в конце его ждала сравнительно обеспеченная жизнь. Он получил небольшое наследство и вложил его в дальнейшее образование.

С детства он видел себя книжником. Каким-нибудь держателем лавки в букинистических рядах, а лучше хранителем библиотеки. Городской или частной без разницы. Но судьба распорядилась иначе. Литературу, словесность преподавали в Академии искусств, куда с его средствами не попасть. Он пошёл в юридическое училище.

Считалось, что выпускники училища получают работу соответственно набранным баллам. Но жизнь постоянно передергивает карты. Детки богатых родителей садились на хлебные места без испытательных сроков, становились помощниками прокурора, судейскими чиновниками, адвокатами, а таким как Дамматрик предстояло таскать из огня каштаны для всей этой банды. На хлебушек пришлось зарабатывать в поте лица.

А потом в его жизни появилась ещё одна женщина. Из тех, кого принято называть роковыми. Она появилась ненадолго, но каждую ночь проведённую с ней Дамматрик запомнил до мельчайших деталей.

Он отмахнулся от наваждения и разом допил наливку.

В конце концов, он спустил на даму все накопления. И, наверное, не жалел бы об этом, если бы не узнал что все её чувства оказались притворством. Боль преследовала его вместе с воспоминаниями о наслаждении.

Самолюбие пострадало, однако, финансовой катастрофы не случилось. Дамматрик вполне успел осознать, на каком краю оказался, но по-настоящему познать нищету не успел. Удача улыбнулась почти сразу. Ему предложили стать компаньоном одного из самых удачливых букмекеров Альпорта, а заодно проницательного страхового агента, мастера Шохальца. А компаньон, следует заметить, не то же самое, что мальчик на посылках. Хотя на самом деле хрен оказался не слаще редьки.

Суть работы почти не изменилась. Риск не уменьшался от более высокого статуса. Бандитская заточка одинаково резала и банкира и последнего нищего. Разве что гонорар новоиспеченного мастера Дамматрика стал больше и он мог с полным правом относить себя к обеспеченным людям.

До последнего времени. Теперь же призрак катастрофы вновь появился на его горизонте.

Глава 2. Полночный клиент

Чтобы попасть с Набережной в район, где располагалась страховая контора, следовало пересечь весь Старый город по Шраму. Из конца в конец. Эту "перспективу" прорубили некогда через три линии Ривьеры и кривые улочки старого города по велению шестого императора из династии Воинов, которому хотелось лицезреть тропу к морю из окна зимней резиденции. В резиденции Шестой Воин так и не появился, а вскоре скончался от гнойной опухоли в ухе, но приказ оставался в силе и проспект всё же прорубили. Недовольства, как говорят, было много, местные богатеи потеряли дома, которые служили их семьям веками, но гвардия тогда была в силе, так что бунта не случилось. Однако в Альпорте этот проспект называли не иначе как Шрамом. И даже письма из других городов давно надписывали примерно так: "Альпорт, Шрам, Винные погреба Фойши".

Горожане не любили селиться здесь. Для бедняков выходило слишком дорого, для богачей — слишком шумно. По проспекту днём и ночью носились легкие экипажи, отстукивали дробь копытами лошадей верховые курьеры, передвигались со скрипом тяжелые повозки с грузами в порт и из порта. Поэтому большинство зданий занимали магазины и лавки, гостиницы и рестораны, мебелирашки и официальные учреждения. Один из немногих старых уцелевших особняков заняло страховое товарищество "Шохальц и компаньоны".

— Привет, Хойти, — кивнул Дамматрик худому как трость слуге. — Не знаешь, чего это хозяин чудит?

— Никак нет, мастер Дамматрик.

Старый слуга достался конторе вместе с домом, где до этого проживал последний отпрыск древнего аристократического рода. Отпрыск спился и закончил жизнь в кабаке с ножом под рёбрами, успев заложить и пропить имущество. Оно пошло с молотка и было приобретено страховым товариществом вместе с мебелью и прочей обстановкой, а Хойти остался доживать свой век при новых хозяевах.

— Все собрались? — Дамматрик расстался с плащом и шляпой, которые заняли положенное место на вешалке. Слуга в подобных вопросах придерживался крайней щепетильности.

— Дожидаются вас и господина Оборна, мастер Дамматрик.

Из просторной прихожей лестница вела на второй этаж. Там располагались комнаты, где компаньоны иногда

ночевали, но никогда не жили, и каминный зал, отведенный под кабинет босса. В него Дамматрик и поднялся.

Кабинет почти полностью сохранил обстановку прежних хозяев. Слева от входа, занимая всю стену, стояли книжные шкафы. Стена справа оставалась голой, если не считать камина. Несколько буковых поленьев лениво горели в нём, хотя время холодных ночей ещё не пришло. Дамматрик с грустью подумал, что это догорают остатки их высокого статуса. Напротив входа между двумя оконцами-амбразурами, закрытыми чугунными решётками, висела карта Альпорта. Скорее произведение искусства, чем полезная в обиходе вещь. В те времена, когда её писали, представление о масштабах и пропорциях оставляло желать лучшего. Да и город с тех пор сильно вырос. Здесь ещё не был прочерчен Шрам, не обозначен район Бенойских Новобранцев, а портовые трущобы выглядели не такими обширными.

Над панорамой, подобно девизу на дворянском гербе, развевалась лента с одним из наиболее популярных изречений известного философа Бейсхолла — "Город — цветок, Империя лишь ветер, разносящий семя".

И древний мудрец, и художник, подобравший цитату, оказались правы. Очередной напор империи, в конце концов иссяк, а цветок Альпорта до сих пор продолжал источать аромат, пусть некоторым он и казался запахом отбросов. Насколько помнил Дамматрик из рассказов учителя, книги Бейсхолла (между прочим уроженца Альпорта), почти при всякой власти находились или под запретом, или не рекомендовались к распространению, а значит, поставить изречение на карту художник мог скорее всего в эпоху Гонцов, когда искусство и литературу объявили свободными от надзора чиновников. Все три императора династии Гонцов обладали силой, популярностью и здравым смыслом и по этой причине могли себе позволить не притеснять инакомыслие. Однако, как ни странно, их эпоха не породила ничего любопытного, своего, уникального, а лишь растиражировала разнообразные творения предыдущих времён. "Им не хватило времени, чтобы вырастить что-то своё" — решил когда-то Дамматрик.

Единственным предметом обстановки, привезённым в особняк новыми владельцами, являлся чёрный овальный стол. Вокруг него стояло шесть кресел. Пять предназначались для компаньонов и занимали своё место всегда, шестое появилось только сегодня. Из чего Дамматрик сделал вывод, что хозяин ожидает гостя. Хорошо бы клиента, но возможно какого-нибудь чиновника, а то и покупателя, если толстяк разуверился в бизнесе. Босс имел право продать свой пай только с согласия компаньонов, что и могло объяснить общий сбор в неурочное время. Возможно остальным тоже предложат какую-то цену за их пай, в таком случае завтра окажутся без работы. Но Дамматрика в связи с этим обеспокоила не собственная судьба, а опять же тот факт, что они бросят дело Торадо. Не отомстят.

Он произнес дежурное приветствие, обведя взглядом собравшихся. Рив погрузился в излюбленное занятие — полировку ногтей, которые как и всякий колдун отрачивал с особой тщательностью. Маленький наглый змеёныш даже не кивнул Дамматрику в ответ. Колдун занимался в конторе особыми делами и к коллегам относился с некоторым пренебрежением. Его огромный уродливый нос, слюнявый рот, манера размахивать руками вызывали на первых порах омерзение у всякого собеседника. Только проработав бок о бок несколько лет, товарищи перестали замечать уродство и отсутствие привычного воспитания. Дамматрик где-то слышал или читал, что из обиженных богами людей как раз и выходят превосходные колдуны. Уродство или скорее переживания от осознания своей безобразности каким-то образом дают человеку силу. Возможно, боги возмещают тем самым физические недостатки, подобно тому, как слепца наделяют превосходным слухом.

Впрочем Ривси превосходным колдуном не являлся. И даже колдуном второго порядка его назвать было сложно. Статус колдуна в Альпорте определялся просто. Двенадцать самых мощных чародеев создали Картель, куда новичок мог попасть лишь взамен выбывшего. Картель снимал все сливки с колдовского промысла. Его члены купались в золоте. Но горожане традиционно не признавали монополий. Поэтому почти сразу же после создания Картеля возникло ещё два объединения. Ассоциация магов Южного Берега и Коллегия практикующих магов Альпорта. Их конкурентным преимуществом была работа небольшими группами, так что некоторые задания, вроде охраны поместий или проводки караванов они выполняли даже лучше отдельного члена Картеля, у которого просто не хватило бы на всё рук, глаз, заклинаний и амулетов. Так вот. Ривси не взяли ни в одну из этих организаций. Он был частью аморфного сословия колдунов, что занимались мелкой практикой или подвизались консультантами в небольших компаниях. Как правило они влачили жалкое существование и редко кому из них удавалось обеспечить достойную старость, если вообще дожить до преклонных лет.

"Деньги к деньгам", — любил говаривать по этому поводу Ривси. — "Природные способности являются не самым значимым фактором. Если бы, допустим, у меня были средства на мощные артефакты, я бы мог выполнять более сложные заказы, за которые платили бы ещё больше денег".

Напротив Ривси сидела Ильми и смотрела мимо колдуна на огонь. Дамматрика она не заметила или, скорее, не захотела заметить. Девушке наверняка уже стал известен вердикт, который означал для неё одно — отец отомщён не будет. Для дочери капитана это стало личной трагедией, для товарищества кроме того ещё и серьёзным ударом по бизнесу. Ники Торадо поставлял компании клиентов из судовладельцев и торговцев. Он был

на короткой ноге со многими из их цеха, и только его усилиями товарищество держалось на плаву. Ильми, разумеется, не могла заменить отца. Она унаследовала пай (вернее унаследует, когда будут представлены доказательства гибели или пройдет определенный законами срок), но за полтора месяца, прошедшие с гибели капитана, так и не стала для них коллегой. Она и раньше довольно часто принимала участие в заседаниях, подменяя отца, но все попытки толстяка приобщить девушку к страховому делу оказывались тщетными.

Туша хозяйина закупоривала старое кресло. Когда-то этот троюродный родственник императорского трона приходился заднице Шохальца как раз впору, но за последние пару лет толстяк прибавил в весе. Он мало двигался, предпочитая работать в кабинете, а возможно делать вид, что работает. За глаза компаньоны называли босса Пузырём. Старый скряга дал им работу и место под солнцем, но этими деяниями его добрая сторона, кажется, полностью исчерпывалась.

Вялым взмахом пухлой руки Шохалец поприветствовал Дамматрика, заодно дав понять, что не проронит ни слова, пока не соберутся все. Для полного комплекта не хватало лишь Оборна, а тот редко приходил вовремя. Поэтому Дамматрик, вздохнув, уселся на место.

— Мне очень жаль, Ильми, — сказал он девушке. — Но обещаю, мы рано или поздно доберёмся до негодяя.

Она отвлеклась от камина и, словно похитив оттуда частичку огня, полыхнула чёрными глазами.

— Проще его прирезать, чем пытаться поймать на мошенничестве, — сказала Ильми. — Поверь, я когда-нибудь так и сделаю.

— Свернёшь голову, девочка. Не так-то просто подобраться к нему исподтишка, а пробиться в открытую сквозь его головорезов и вовсе дохлый номер.

— Не поможешь ты, попрошу Оби, — её взгляд погас и она вернулась к созерцанию камина.

— Этот кусок свинины пожалуй поможет, — буркнул Дамматрик. — На одном вертеле и поджаритесь.

Лёгко на помине, явился Оборн. В конторе он выполнял самую грязную работу. Конечно, если под грязью подразумевать кровь и насилие. Имея хорошие связи в уголовном мире Альпорта, где его знали под прозвищем Упс, он прикрывал фирму от большинства проблем с должниками и рэкетом. Если не считать группировку Лейсона, пару раз нагревшую их на страховом мошенничестве, остальные шайки не рисковали связываться с товариществом. Даже напротив, принимая за равных, доверяли средства именно им. Что явно не относилось к добродетелям громилы, так это пунктуальность. Но сегодняшний день оказался исключительным — Оборн явился за пять минут до полуночи.

— Что за дела, босс? — проворчал он, усаживаясь. — Этой ночью я должен находиться в районе Старой дамбы. И не со шлюхами веселиться, а следить за домом Тайрика. Прошёл слух, будто он собирается пережечь собственность на уголья и разыграть из себя покойника. А нам это совсем ни к чему. Пришлось передоверить слежку парням, но ты же знаешь их интеллектуальные способности. Так что если ты собрал нас среди ночи, просто чтобы поделить дивиденды за год, то шутка вышла неудачная.

— Дивиденды будут невелики, — скрипучим голосом ответил Шохалец. — Дамми проиграл тяжбу с Лейсоном, и нам придётся потуже затянуть пояса.

Толстяк теребил конверт, что получалось довольно ловко для его пальцев-сарделек и, наконец, соизволил прояснить ситуацию.

— Мы ожидаем клиента. Он прислал письмо, в котором попросил меня собрать всех компаньонов.

— В полночь? — слегка удивился Оборн.

— Таково условие.

— К тому же сегодня полнолуние, — заметил Рив, проверяя одним ногтем гладкость другого. — Полнолуние, вы понимаете? Надеюсь, он не потребовал заправить чернильницу кровью? Да, вот именно кровью.

— Просто мурашки по коже, — без малейшего оттенка страха заметила Ильми.

Она на миг забыла о печали, восприняв предостережение Ривси как шутку. Дамматрик улыбнулся. Ребята отличались здоровым цинизмом и подобными разговорами просто дразнили Пузыря, который в отличие от них слыл жутко суеверным типом.

— Он выложит сотню палм только за то, что мы выслушаем его предложение, — ворчливо проговорил толстяк.

Оборн присвистнул. Сто палм — пусть и не состояние, но изрядная сумма. Никто из них не смог бы вспомнить клиента с такой платой за первый визит. Тут пахло тяжелой работенкой и риском. Причём риском прежде всего для Оборна и Дамматрика. Сам-то Пузырь страхованием почти не интересовался и доходы от официальной деятельности считал лишь приварком. Он чаще использовал фирму для прикрытия старых, весьма сомнительных делишек.

— Когда написано письмо, и когда отправлено? — поинтересовался Рив.

Толстяк медленно осмотрел листок и конверт. Наверняка он это уже не раз проделывал, а теперь просто тянул время.

— Здесь не указаны даты, — ответил, наконец, Шохальц. — Около месяца письмо пролежало у Загнера, который получил его в другом конверте с сопроводительной запиской и гонораром. Нотариусу предлагалось доставить конверт по назначению сегодня утром, что он и выполнил с присущей ему аккуратностью. Почему ты спросил? Это что-то меняет?

— Не знаю, — Ривси задумался. — Полагаю, скоро увидим.

В этом был он весь — болтал, когда сказать нечего, молчал, когда что-то унюхал.

То, что в контору пожаловал колдун, стало ясно, как только ночной визитёр коснулся дверного звонка. Ещё до первого проворота бронзовой головки, над камином замерцал оберег, а Рив, обладая даром, почувствовал коллегу мгновением раньше.

Пятеро компаньонов напряглись.

— Типун тебе на язык, Рив, — прошептал Оборн. — Громадный типун, сраный ты колдунишка.

Хойти встретил клиента у входа и, предприняв неудачную попытку добавить его плащ и шляпу к гардеробу сотрудников, препроводил в кабинет одетым. При этом слуга сохранил достоинство и невозмутимость. С той же невозмутимостью он принял бы, наверное, и председателя городского Сената. Впрочем, наверняка принимал. И дом, и слуга повидали на веку всякого.

С одной стороны, ночной гость выглядел вполне обыкновенно для Альпорта: широкополая шляпа, бросающая тень на лицо; длинный плащ, скрадывающий фигуру; сапоги без металлических набоек, чтобы не производить лишний шум при ходьбе. Всё неброских цветов, без блеска пуговиц, фибул или пряжек. После захода солнца даже богатые горожане предпочитали носить скромные одеяния, дабы роскошью не привлечь внимание ночного братства. С другой стороны, Дамматрику вовсе не показалось, чтобы их ночной гость мог кого-нибудь испугаться. Скорее сам мог вселить страх в любого душегуба. Его силу смог почувствовать даже он, не имеющий способности к магии.

Дамматрик не взялся бы по чертам лица определить происхождение гостя. Тот точно не был местным. Таких серьезных людей в городе Дамматрик знал всех. Но откуда он явился? Массивная челюсть напоминала газетную карикатуру на сержантов городского ополчения. Кожа не выглядела слишком бледной, хотя её коричневый оттенок являлся скорее загаром, чем природной смуглостью. Такой типаж можно встретить в любом углу Ойкумены. Возраст? Ну, о возрасте колдунов по внешности не судят. Солидный мужчина средних лет. Вот и всё.

Гость уселся в единственное свободное кресло и мазнул тяжёлым взглядом по лицам компаньонов, так, что пламя свечей дрогнуло, словно от сквозняка. Взор остановился на председателе.

Стопка монет вывалилась из рукава ночного визитёра, словно кинжал убийцы. Придерживая большим пальцем всю стопку, мизинцем он с ловкостью метателя смертоносных снежинок, одну за другой переправил монеты под пухлую ладонь толстяка. Это были старые золотые империалы достоинством в десять палм каждый. Монета серьёзная, вызывающая доверие. Такую обычно берегут для крупных сделок или откладывают на чёрный день.

— Что ж. Я выполнил изложенную в письме просьбу, — отчитался босс, сдвинув империалы на край стола. — Здесь и сейчас собрались все совладельцы страхового товарищества. Или лица их замещающие, — добавил он после некоторой паузы.

Посетитель удовлетворённо кивнул.

— Разрешите представить, — продолжил Шохальц. — По правую от меня руку Ильметра Торадо, Дамматрик Лавирин... — пока гость поворачивал голову, следуя за представлением, Пузырь незаметно и проворно для его толстых пальцев потёр одну из монет о металлический выступ кресла. — По левую руку Ривси Павлин и Оборн Верт.

— Отлично, — густому баритону клиента позавидовал бы лучший демагог с городского форума. — Что ж, пора перейти к делу, не так ли? Я хотел бы заключить сделку.

Дамматрик отметил, что представиться в ответ клиент посчитал лишним.

— Страховую сделку? — уточнил Пузырь.

— Более чем.

В голосе визитёра появились едва слышные весёлые нотки. Но Пузыря веселье с толку не сбило.

— И что же является предметом страхования? — осведомился он.

— Я хотел бы застраховать мир.

Вот так. Простенько и со вкусом.

— Мир? — переспросил Шохальц. — В каком смысле? Или вы имеете в виду архаичное название сельской общины?

— Мир в смысле мир, — спокойно пояснил гость. — Ойкумену, планету, цивилизацию. Причём я бы хотел застраховать её целиком.

— Всё же я не вполне понимаю, — терпеливо продолжил Шохальц. — Вы что, хотите получить полис на всех людей, и всю собственность нашего мира?

— Нет, — так же терпеливо ответил потенциальный клиент. — Люди и собственность меня не волнуют. Каждую минуту в Киере умирает в среднем четыре человека и сгорает один дом. Этого не остановить даже богам. Нет. Я желаю застраховать мир, как таковой.

— На какой же случай можно застраховать целый мир?

— На случай конца света, разумеется, — гость усмехнулся.

Дамматрик едва удержался, чтобы не вздрогнуть. Сказалось выработанное за годы работы умение взять себя в руки. Он заметил, как прищурился Ривси, а Оборн незаметно прикрыл одной ладонью другую и наверняка сложил пальцы в оберегающий знак.

— Что? — переспросил Шохальц слегка подсевшим голосом.

— Постараюсь объяснить понятнее. Я хотел бы застраховать этот мир от гибели. Не от метафоричной гибели, вроде предостережений ваших моралистов, а ровно от той самой, о какой предупреждают культы и религиозные книги. От настоящего конца света. Всеобъемлющего. Окончательного. Такого, за которым следует сплошная тьма или в лучшем случае перерождение в нечто иное.

Да, ему вполне удалось смутить свору отпетых циников. Вообще-то страхование было не единственным занятием товарищества. Можно даже сказать, что оно являлось прикрытием основного бизнеса Пузыря. После запрета азартных игр, букмекерские конторы закрылись. Многие приятели толстяка ушли в подполье или занялись другими делами. И только Пузырь нашёл лазейку в законе. Он принялся страховать те самые результаты, на которые прежде заключались пари.

Обычно его переговоры с клиентом выглядели так: "Я хотел бы застраховаться от неприятного для меня результата скачек", — заявлял посетитель. "От какого именно?" — вопрошал толстяк. "От победы Розочки в шестом заезде на завтрашних скачках". "На какую сумму?" "На две сотни монет". Пузырь держал в голове характеристики большинства лошадей из конюшен южного побережья. "В таком случае страховая премия составит семьдесят пять монет".

Попадались и более экзотические дела. Страховки заключали на пол новорождённого, на сроки прибытия в порт кораблей и цены на рынке. Но с таким предложением, как страхование на случай конца света, мировая практика страхового дела столкнулась впервые.

— Однако! — прервал паузу Рив. — Предположим это не розыгрыш, а десять империалов достаточно весомый аргумент в пользу такого предположения. Предположим это не розыгрыш, но как вы себе представляете сделку? Чем скромная страховая контора может её обеспечить? Да всех капиталов города не хватит для возмещения "ущерба". А мы едва наскребём сотню тысяч золотых, даже если старина Шох заложит все свои бирюльки.

Толстяк нахмурился. Он не любил разговоров о своём состоянии.

— Ответ лежит на поверхности, — загадочно произнес гость.

— Возможно, это какая-то другая поверхность, — пробурчал Дамматрик, чиркнув ладонью по столу, словно смахивая пылинку. — Потому что на этой я ничего не вижу.

Ничего умного в его голову не приходило. Он взглянул на Ривси, тот пожал плечами. Толстяк молчал.

— Это что же, игра по-крупному? — Оборн фыркнул. — Знатное пари может выйти, скажу я вам. Вот только если нас мочканут вместе со всем остальным миром, какой смысл в выигрыше?

— А какой вообще смысл в подобной сделке? — улыбнулся гость.

— Быть может, уважаемый гость желает получить не деньгами, а душами? — ехидно спросил Ривси

При этих словах толстяк вздрогнул. Он всё ещё не вмешивался в разговор и это настораживало Дамматрика едва ли не больше, чем неожиданное предложение посетителя. Обычно Шохальц хватал наживку, как голодный бычок у Восточного пирса, без раздумий, даже если на крючке блестела медная стотинка. Сейчас пахло куда большими деньгами, огромными деньжищами, каких им не получить и за десять лет, но босс лишь насупился и молчал.

— Как я понимаю, суть дела состоит не в том, чтобы получить с нас выплаты в случае наступления конца света, — заметила Ильми. — Суть в том, чтобы мы предотвратили его.

— Верно, — улыбнулся гость.

— Разумно, — признал Рив. — Разумно. Но тогда возникает законный вопрос: почему вы обратились именно к нам? Не к иерархам церкви, не к сильнейшим колдунам Большой дюжины, не к властям? Или кто там сможет сражаться с силами зла? Почему мы? И кстати что это за силы зла, и зла ли вообще, и что будет собой представлять эта самая вселенская катастрофа? Падёт огонь с небес? Полезут мёртвые из могил? Каким образом маленькая компания может противостоять играм богов?

— Слишком много вопросов.

— Они все по делу, не так ли? Все по делу.

Гость немного подумал и кивнул.

— Проблема заключается в том, что мне неведомы обстоятельства. Знаю только одно — этот мир стоит на краю катастрофы. С большой вероятностью конец света может наступить в течение нескольких лет. Хотя это может произойти и через месяц, и через пять-десять лет, а возможно и через двадцать-тридцать.

— Но может и не произойти? — прищурил глаз Ривси.

— Без вашего вмешательства? — уточнил гость. — Может, хотя это менее вероятно. Навскидку я бы оценил шанс на благополучный исход, как один из пятнадцати.

Толстяк поморщился. С такими шансами он обычно не играл.

— А есть ли какие-то признаки надвигающегося конца света? — спросил посетителя Дамматрик.

— Признаки есть, — согласился клиент. — Вам они ни о чем не скажут. Но они есть. А вот те, что могут дать подсказку, вам следует отыскать самим. И только потом думать, как предотвратить катастрофу.

— Отыскать где, чёрт возьми? — воскликнул Оборн.

— Не знаю. В массе суеверий, религий, пророчеств. За многие века люди записали множество предостережений. Ещё больше осталось в качестве устных сказаний. Таким образом, мне нужны сыщики. А где их взять? Ваша полиция способна только мелочь у пьянчуг выгребать, а судебные приставы защищают того, кто больше золота положит на весы правосудия. И те и другие не блещут способностями.

— Вы просто не встречались с парнями из пригородов, — проворчал Дамматрик. — В сравнении с ними наша полиция воплощение добродетели.

— Под "вашим", я подразумеваю не Альпорт, а весь этот мир. Включая Хелт, Киеру, Халиар, Великую Тарсию, морские острова и все прочие изведанные территории. Много земель, много городов, а полиция всюду точно из одного яйца вылупилась. Короче говоря, мне нужны настоящие сыщики, умеющие, что называется рыть землю.

— Оставьте, — Дамматрика утомили авансы. — Судейские ищайки и правда немного стоят, но любой сенатор имеет на службе настоящих профессионалов. Я уж не говорю о криминальных структурах. Мы по сути дилетанты, заполняющие узкую нишу весьма рискованного бизнеса.

— Я не могу просто взять и прийти к сенатору, чтобы нанять его на работу, а у бандитов особые представления о чести и честности. Поверьте, я обратился к вам не потому что прочел объявление на тумбе, а после длительных раздумий. Очень длительных. — Гость коснулся пальцами шляпы. — Но мне почему-то кажется, вы тянете время и попросту ищете способ избежать сделки.

Дамматрик хотел было возразить, как вдруг толстяк прервал молчание.

— Нам необходимо обсудить ваше предложение с глазу на глаз, — заявил Шохальц.

— Пожалуйста, я могу выйти и прогуляться. Сколько времени вам потребуется?

— Нохотомир укмор, — быстро проговорил Рив.

Колдун перешёл на коммерческий язык товарищества. Простенький, основанный на подмене согласных букв, он позволял делиться небольшими секретами и мнениями при посторонних. На бумаге такую примитивную хитрость расколлот бы в два счёта даже гимназист, но уловить суть шифровки на слух могли только свои.

Фраза колдуна означала "Поговорим утром".

— Ношеру? — спросил босс. Что переводилось как "Почему?"

— Носпосуипе! — пояснил Рив, вызвав улыбку Ильми.

Остальным было не до улыбок, это смешное слово означало "Полнолуние". Понятно, Рив не доверял гостю и, полагая, что Ночь Обратной выбрана клиентом не случайно, хотел избавиться от возможных его преимуществ.

— Нам требуется три дня, — сообщил толстяк гостю. — Приходите в пятницу, и мы дадим вам ответ. Кстати, как нам вас величать?

— Величать, полагаю, лишнее. Зовите просто Вайхель. Что до пятницы, то увы. Я не смогу быть здесь через три дня. Скажем так, у меня много дел в другом месте. Довольно далеко отсюда. Вот что, я дам вам четыре недели. Думайте. А чтобы лучше думалось и чтобы сразу отсечь сомнения в серьёзности предложения, вот аванс.

Человек положил на стол мешочек и отправил его по полированной столешнице под уже готовую к ловле ладонь толстяка.

Серебро или золото? — гадали компаньоны, наблюдая за скольжением тяжёлого мешочка, точно голодный кот за мышью. Уж всяко не медь. Скорее всего золото. Десять империалов доказали платёжеспособность клиента, а раз золото, то игра стоит свеч при всей нелепости предложения и непременном риске.

Они не угадали. Толстяк запустил руку внутрь и выудил камушек. Затем высыпал на ладонь целую пригоршню алмазов. Нет, даже не алмазов, а бриллиантов. Очень точной и красивой огранки. Чистейшего голубого цвета. Мечта каждого ювелира. За один такой камушек можно выручить до пяти тысяч монет. А камушков в мешке было не меньше сотни. Полмиллиона! Сумма невиданная.

Толстяк покраснел, часто задышал. Дамматрик примерно догадывался, что пронеслось в голове босса. Тот

наверняка пожалел, что посетитель обратился не к нему одному, а потребовал созыва всех. Иначе мошенник легко присвоил бы половину аванса, а то и вовсе скрылся бы с ним. На такое богатство в какой-нибудь из бывших центральных провинций Империи можно набрать армию, купить титул и жить в роскоши и уважении окрестной черни до конца своих дней. Наверняка толстяк посетовал на судьбу, что заставила его некогда обзавестись компаньонами.

Остальные, похоже, обкатывали в голове мысль попроще, подсчитывая в уме свои пятнадцать процентов и прикидывая куда их можно употребить.

— Это аванс, — повторил посетитель. — На первое так сказать время. Я появлюсь через четыре недели. Если вы решите принять предложение, то надеюсь приступите к работе сразу же. При необходимости добавлю ещё. Я оплачу любые текущие расходы.

Он подумал и повторил:

— Любые.

— Если это аванс, то какова сумма всей сделки? — усмехнулся Рив.

— Назовите любое число, — в тон ему ответил клиент. — Только не подорвите местную экономику. Бриллианты, знаете ли, ценятся когда их трудно добыть.

Глава 3. Пасьянс

Старый слуга расстроился, что не пришлось выдавать гостю шляпу и плащ. Ведь нельзя вернуть то, что не забирал. Хойти лишь открыл входную дверь и проводил посетителя до последней ступеньки крыльца. На тротуар он на памяти Дамматрика не ступал ни разу. Даже за продуктами и необходимыми в хозяйстве вещами бегали мальчишки-посыльные.

— До утра никаких разговоров о деле, — заявил Рив и вернулся к полировке ногтей. — Никаких разговоров.

— Ты веришь в эти сказки о Конце Света? — Дамматрик пропустил предупреждение мимо ушей. — По-моему это главный вопрос, от которого зависят и все остальные.

— Да. Последнее время я и сам чувствую приближение какой-то смуты. Нет. Это не главный вопрос.

— А какой главный? — тут же спросил Дамматрик.

— До утра никаких разговоров, — крысёныш оценил полировку ногтя, подставив его под свет свечи, остался доволен и перешел к следующему.

Они помолчали несколько минут.

— В картишки никто не желает сыграть? — Оборн достал колоду.

— Иди сыграй с упырями, — посоветовал Рив. — Они сейчас на лестнице городского Сената тусуют.

Дамматрик шутки не понял. Оборн пожал плечами и принялся раскладывать пасьянс. Он утверждал, что знает три сотни разновидностей этого бессмысленного занятия. Бессмысленного для тех, кому не приходится коротать ночи в засаде, под дверями клиента или торчать в кабаках, собирая слухи.

Теоретически компаньоны могли бы сейчас разойтись, чтобы собраться днём и обсудить дело на свежую голову. В конце концов, они получили целых четыре недели на раздумья. Но никто не предложил перенести собрание и никто не попытался уйти. Все терпеливо ждали рассвета.

Дамматрик покинул кресло и прошелся вдоль книжного шкафа, исследуя корешки книг. С тех пор как здание перешло в собственность страхового общества, библиотека почти не пополнялась. Толстяк добавил несколько книг о лошадях, а Рив регулярно притаскивал подшивки популярных альманахов, которые видимо уже не помещались в его каморке на улице Погасших Свечей. Пару десятков томов к библиотеке добавил Дамматрик, в основном они касались искусства и литературы. Что до Оборна и Ники Торадо, то они не слишком тяготели к чтению. Большая же часть собрания принадлежала даже не прежнему владельцу, который слыл хлыщом и человеком глуповатым, а его далёкому предку — первому хозяину дома, что по утверждению Хойти, служил портовым чиновником Империи. Поэтому многие книги не открывали десятилетиями.

Пузырь время от времени порывался навести в библиотеке ревизию. Он готов был заработать на всём, что только попадет ему в руки, и среди книг могли оказаться довольно редкие, а значит дорогие экземпляры. К счастью, пока ни один том особняка не покинул. Дамматрик поначалу хотел взять что-нибудь лёгкое, вроде "Фривольных, но правдивых историй почтенного гончара Инжо из Эльсура", но потом подумал, что книги по истории и естествознанию могут содержать множество намеков или даже прямых указаний на их нынешнее дело. На закате Империи философы и писатели много и пространно размышляли о конце света. Упадок экономики и мелочность политиков странным образом соседствовал с расцветом литературы. Почему бы не начать поиск нужных зацепок прямо сейчас?

Выбор был огромен. В то время как в северных провинциях бывшей Империи из книг слагали костры, здесь на юге самые дерзкие сочинения спокойно пережили смуту на полках мелких имперских чиновников в одночасье ставших властителями цветущего города. После некоторых колебаний Дамматрик выудил скромных размеров томик Лотта Молчаливого под заглавием "Твари Империи".

Кто знает, по каким соображениям литераторы прошлого брали себе псевдонимы? Может в жизни автор сочинений и слыл молчуном, но перо его в свое время звучало во всех концах Ойкумены. К сожалению, звучание это соответствовало только своей эпохе. Прodrаться сквозь витиеватый язык того времени оказалось сложно даже искусённому в литературе Дамматрику.

"Время ускоряется и никчемный слуга Императора, жалкая тень великих мудрецов прошлого, принеся положенные жертвы Арту, покровителю литераторов и писцов, спешит закончить скромный труд, которому посвятил последние десять лет жизни, начав его с небольших поисков в Императорской библиотеке Чименто и продолжив затем во всех четырёх частях Света".

Дамматрик быстро пролистал несколько страниц довольно обширного предисловия, состоявшего наполовину из самоуничтожения автора, а наполовину из превознесения всех, кого он только смог вспомнить, и перешел собственно к тексту.

"Анналы Первой Империи упоминали семь великих тварей или монстров, или чудовищ, или зверей, которых мудрецы считали самостоятельными и наделёнными волей сущностями, при этом не относящимися к какому-либо виду или типу биологических или магических существ, и которые не имели ни своего племени, стаи, ни даже пары, чтобы продолжить род. О некоторых из них уже тогда сохранились только легенды и слухи, в то время как о других приходили сведения доподлинные, проверенные многими путешественниками, что заслуживали доверия современников.

Первая из семи упомянутых тварей по утверждению Сопника Топотуна обитала в дальних пределах Хелта, и жители оазиса Узу Балам, куда тварь приходила каждую вторую луну, чтобы полакомиться плотью молодых девственниц, называли её Токлу Вара, что на баламском означает Нечестивый Звон, и описывали как огнедышащего ящера с восемью когтистыми лапами, с толстым, раздвоенным на конце хвостом, головой крокодила и телом бегемота, покрытым золотой чешуёй, что звенела во время ходьбы подобно монете. Говорили, что..."

На очередной фразе, занявшей половину страницы мелким шрифтом, Дамматрик задремал. Ему приснился золотой дракон, который летал по небу, а его чешуя осыпалась и проливалась на город дождём из монет. Монеты падали на мостовую, отскакивали (их звона во сне Дамматрик не слышал), сбегали вниз по спускам и лестницам. Затем золото превратилось в жёлтые пятна, потом в тысячу солнц. Монеты сливались, разделялись вновь, пока не превратились в осенние листья. Ему приснилась Ильми. Вернее, они вдвоём. Он увидел кучу осенних листьев, какие бывают только в горах. И на этой куче они с Ильми лежали в обнимку. Просто лежали.

Луч солнца ударил в медную дощечку, прикреплённую над дверью.

— Так что, на счёт конца света, это не выдумка? — спросил Оборн, шлёпнув на стол последнюю карту.

Спросил, как будто и не провёл несколько часов в ожидании. Просто закончил одно важное дело — пасьянс и перешёл к следующему — выяснению судеб мира.

Вопросом он разбудил всех, кто ещё дремал.

— Конец света вполне возможен, — ответил Рив. — Во-первых, как я уже сказал, что-то такое витает в воздухе. А во-вторых, такие как он, таким как мы не лгут. Другое дело, что говорят не всю правду. Не всю.

— То есть?

— Мой учитель, когда брал крысу из клетки для опытов, гладил её и обязательно поговаривал: "всё будет хорошо!" Всё действительно было хорошо, но только не для зверька. Учитель не обманывал, просто не сообщал крысе, что жить ей осталось не больше часа и час этот будет мучительным.

— Сурово, — равнодушно бросил Оборн.

— А то.

— Ты сказал "такие как он", — зацепился Дамматрик. — А кто он вообще такой, наш клиент? Колдун?

— Вот это и есть главный вопрос, дорогой Дамми! — Ривси поднял длинный слегка кривой палец. — И на него у меня не имеется внятного ответа. Колдовством от ночного гостя так и прёт. Но он не колдун. Не колдун... Во всяком случае, не в том смысле, какой мы привыкли вкладывать в это слово. А кто, не могу понять.

— Чего зря трепаться? — вмешался Оборн. — Давайте решать по-быстрому.

— У нас четыре недели, — напомнил Дамматрик. — Не такое это дело, чтобы решать наспех.

— А что случится за эти четыре недели? — возразил Оборн. — У нас появится новая информация? Рив, ты сумеешь что-то выведать?

— Вряд ли, — качнул головой Ривси. — Бьюсь об заклад, наш заказчик не оставил следов.

— Нотариус? — предположил Дамматрик.

— Загнер только передал послание, — возразил Шохальц. — Как я понимаю, он даже не знает клиента в лицо.

— Рив? — Оборн взял опрос на себя, так как Пузырь вновь замолчал и даже глаза прикрыл, словно устраниаясь от процесса.

— Я против.

— Против? — удивился Дамматрик. — Но почему, чёрт возьми? Ты же сам заявил, что конец света не выдумка.

— О, нет, не выдумка. Сейчас я уверен в этом на сто процентов. На сто. И я попытаюсь выведать подробности. Но только отдельно от этого парня.

— Но почему?

— Он силён как дьявол...

— Силён как дьявол? — воскликнул вдруг босс. — Да он и есть дьявол!

Шохальц, несмотря на патологическое стяжательство, был человеком верующим. Он жертвовал крупные суммы Церкви единого бога. Посещал службы и усердно молился. Хотя компаньоны подозревали, что по собственной вере Пузыря ему уготовано место в аду.

— В Книге Пророчеств сказано, что явится демон, который предложит избавить мир от гибели. И тем прельстит многих. Слабые встанут на его сторону и погубят души.

— Настоящий он дьявол или нет, я опасаюсь его, — вернулся к собственным аргументам Рив. — Он мог бы походя превратить каждого из нас в пригоршню клопов. И с такими возможностями ему незачем нанимать шавок вроде нас. Вот почему я против. Не желаю быть использованным втёмную в качестве вкусной наживки или мяса бойцов передовой линии.

— Но ты же шуточки отпускал на его счёт! — в отчаянии напомнил Дамматрик.

— Что с того, — ухмыльнулся колдун. — Я может, и на крюке в аду буду шуточки отпускать. Но это вовсе не означает, что добровольно нацеплю на него свои рёбра.

— Да мне плевать! — заявил Оборн. — Конец света есть конец света. Если это паранойя свихнувшегося мага, то глупо отказываться от денег. Мы крепко сидим на мели. Если же паче чаяния конец света реален, а мы не подпишемся на дело, то окажемся в дураках. Жмурикам чистоплюйство ни к чему. Лучше уж рискнуть и получить свою долю.

— А я не собираюсь спасать мир, воздухом которого дышит Жук, — заявила Ильми. — Пусть все они катятся в ад.

— Это ребячество, — бросил Дамматрик.

— Ничуть, — твёрдо стояла на своем девушка. — Такой контракт потребует от нас свернуть все прочие дела и сосредоточиться на главном. Про Жука можно будет забыть. А я не желаю забывать.

Дамматрик вернулся в контору только через два дня. Всё это время он злился на партнеров — вольно же им было отказаться от такой шикарной интригующей тайны, не говоря уже о заоблачном гонораре, способном закрыть все их долги! Вот долги, кстати, и привели его обратно, несмотря на раздражение и желание продлить отпуск еще на несколько дней. Он вовремя вспомнил, что должен возместить судебные издержки и выплатить страховое возмещение, пока в особняк не нагрянули приставы и не начали выносить мебель заодно с книгами. Хотя, пожалуй, Дамматрик получил бы некоторое удовольствие наблюдая в этот момент за Шохальцем.

Толстяк, что характерно, словно и не покидал кресла с момента собрания. Он обложился договорами, расписками, доверенностями и, заглядывая в них, гонял костяшки по счётам пухлыми пальцами с видом сытого скучающего кота, что играет с полудохлой мышью. Большая часть операций не имела к страхованию отношения, а значит прибыль шла целиком в карман Пузыря.

Увидев Дамматрика он тяжело вздохнул и без лишних слов принялся выписывать банковский чек на имя Лейсона.

— О-хо-хо, — проскрипел Шохальц в унисон золотому перу.

Кряхтение шефа не было чем-то исключительным и достойным внимания.

— Мог бы давно обзавестись клерком, — тем не менее, заметил Дамматрик.

Босс поднял на него глаза полные сожаления и душевной боли.

— Мальчик мой, — сказал он преисполненным печали голосом. — Доверить финансы клерку всё равно, что нанять парня, который будет за тебя ублажать любовницу.

— Не ври, толстяк. Ты слишком велик для таких развлечений, — усмехнулся Дамматрик. — Эти мотыльки такие хрупкие.

Шохальц спускал ему фамильярности только при разговоре с глазу на глаз. Дамматрик подозревал, что точно такие же отношения старый интриган выстроил и с остальными компаньонами.

— Просто ты никогда не посещал портовые бордели, малыш, — ответил тот. — Вот где обитают настоящие женщины. Твои худышки с улицы Гвоздик хороши за обеденным столом. Они много говорят и мало кушают. А для кровати стоит поискать добрую крестьянку или морячку. Им меньше свойственна игра в аристократию, зато достаёт дикого огня. И постель такая согреет отменно.

Чек он передавал всё в том же здании суда. Сам Жук не пришёл и даже не прислал никого из своих главных

подручных. Страховые выплаты по его поручению принял мелкий стряпчий, нанятый на один день. Судебный пристав засвидетельствовал передачу чека и исчез, точно демон.

Дамматрик стоял как оплётанный. Хорошо, что свидетелей позора оказалось немного.

— Мне не дают покоя эти бриллианты, — подошла сзади Ильми. — Один такой камушек помог бы мне решить вопрос с Лейсоном.

— Полагаю сейчас каждый из наших думает об авансе, — горько усмехнулся Дамматрик. — Не надо было голосовать против сделки, детка, тогда камушки достались бы нам. Но на счёт Жука ты ошибаешься. Вряд ли его можно прикончить даже с помощью бриллиантов. В Альпорте трудно найти сумасшедшего, который согласится выступить против Лейсона.

— Можно подкупить кого-то из шайки. Можно найти убийцу на стороне. Вариантов много.

— Только зря потратишь деньги и время.

Разговаривая они направились к выходу. Дамматрик уже подумывал, не пригласить ли девушку на обед, как увидел отирающегося возле здания суда давешнего парня из подвальчика. Тут только он вспомнил об назначенной встрече, которая выпало у него из памяти из-за известных событий. Вернее из-за расстройства, что коллеги сорвали выгодную и интересную сделку.

— Извини, мне нужно кое-что уладить, — сказал он Ильметре.

Она пожала плечами и молча ушла. Дамматрик хотел было догнать девушку, в конце концов лишний час ничего не решит, но к нему уже подошёл информатор.

— Вы так и не появились, — укорил парень.

— Прошу прощения, дела...

— Ладно. Я знал, что перехвачу вас у суда. Но нам надо спешить. Дама может покинуть гнездышко в любой момент.

— Ведите, — махнул рукой Дамматрик.

— Деньги-то у вас с собой, надеюсь?

Дамматрик кивнул.

Информатор провёл его по Шраму, почти до самой конторы, а потом свернул на одну из боковых улочек. Там они укрылись под аркой, ведущей во двор жилого дома. Парень указал на соседнее трехэтажное здание.

— Меблированные комнаты Барста, — узнал Дамматрик длинный четырехэтажный корпус с большими окнами и галерей на верхнем этаже.

Возле подъезда стояла карета, запряжённая четвёркой серых породистых лошадей. Экипаж был дорожным, а не той пафосной разновидностью повозок, что предназначались для городских визитов и церемоний. На карете не нашлось места для золоченых украшений или гербов, зато имелись усиленные рессоры, большие колеса и мощные фонари. Множество важей, тюков и сумок, которые таскали и приторачивали к карете мальчишки в бордовой униформе гостиничного хозяйства, могли означать, что путь экипажу предстоял не близкий или что хозяева любили возить с собой привычную обстановку.

Дамматрик с информатором простояли под аркой не более получаса, как увидели искомый объект. В сопровождении двух телохранителей (они так держались, что не возникало сомнений, что это именно телохранители, а не братья, скажем или любовники) из дверей вышла молодая женщина в стильных сапожках, в шляпке с перьями и в песочного цвета дорожном костюме, подчёркивающем великолепные, но не слишком пышные формы.

— Вот, — сказал парень. — Та самая дама.

— Но она уезжает, — разочарованно произнёс Дамматрик. — Мне кажется, два четвертака слишком большая плата за то, чтобы глотнуть пыли из-под колёс кареты прекрасной незнакомки.

Парень пожал плечами.

— Я обещал показать вам её. И показал.

— Как я могу быть уверен, что ты не тыкнул пальцем в первую попавшуюся тебе на глаза леди.

— И правда, — парень почесал макушку. — Но ведь её можно спросить.

— Как же я её спрошу, дурачина, если она уезжает? И потом, какой мне смысл выдавать себя?

— Если бы вы появились в подвальчике вовремя, то застали бы её раньше, — резонно возразил парень.

Тем временем кучер выписал в воздухе кнутом несколько замысловатых петель и лихо щёлкнул. Упряжка тронулась с места и быстро встроилась в поток, который на Шраме не прекращался ни на минуту.

— Ладно, проверим, — буркнул Дамматрик и направился в лобби.

Фирма "Браст и компаньоны" имела солидную репутацию и не любила, когда ищейки суют свой нос в дела постояльцев. Младший Браст, племянник владельца, вышел к стойке, едва Дамматрик попытался нажать на портье.

— Я слышал, вы проиграли Лейсону, — сходу заявил Младший.

Об этом давно знал весь город, и Браст помянул дело лишь для того, чтобы осадить крутого, как он думал,

страхового агента. Мол, и вы не всеильны, а, значит, не стоит кидать понты.

— Что это за женщина? — спросил у него Дамматрик.

— Какая такая женщина?

— Женщина, которая только что уехала в карете.

— Госпожа Сейла Вомт? Зачем вам она?

— Это личное.

— Губа не дура, — усмехнулся Барст. — Но знаете, мы предпочитаем хранить тайны наших клиентов.

Конфиденциальность, слышали о таком понятии?

— Конфиденциальность моё второе имя, — заверил Дамматрик.

— Ну, да. Кому и знать как не вам, — не без сарказма заметил Младший. — Так вот. Госпожа Вомт изволила отбыть в своё имение. Если у вас с ней действительно какие-то дела, то полагаю, отыщете его без труда.

Дамматрик обошел здание и заглянул к чёрному ходу, где в это время разгружали подводу с дровами, а бригадир гостиничных беллбоев и посыльных как раз следил за разгрузкой и распорядился, в какой номер какие дрова нужно подать. Он оказался более разговорчивым. За четверть пальмы, конечно.

— Госпожа Вомт снимает весь верхний этаж, насколько я знаю, — поведал администратор, опасливо поглядывая на дверь, не появится ли оттуда Младший. — Со слугами, конечно, но весь.

— Снимает или снимала? — уточнил Дамматрик.

— Снимает. Мы не вынесли и половины её вещей. Осталась эта ужасная арфа, она весит пару стоунов, поверьте, да ещё амиортский ковёр, такой пышный, что ворс поднимается выше щиколоток, а когда его сворачивают, то нужно полдюжины носильщиков, чтобы унести. К тому же госпожа Вомт заплатила за полгода вперёд.

— Значит, она вернётся?

— Или пришлёт кого-нибудь за шмотками. Не бросит же здесь такую роскошь?

— А чем она вообще занимается? Ты слышал чего-нибудь или видел? Поёт сама, аккомпанирует кому-то?

— Ничего такого не слышал. Из окон ни звука не доносилось. Ни песен, ни музыки, ни хотя бы упражнений.

Но к ней постоянно заходили какие-то люди.

— Торговцы или музыканты? — уточнил Дамматрик.

— Разные люди, — покачал головой бригадир. — Вряд ли их что-то связывает между собой.

— Можешь назвать имена? — Дамматрик показал собеседнику ещё одну монету.

— Ну, так, на вскидку: портовый староста Дикш, сенатор Пекбус, ювелир Тага...

— Н'тага, — машинально поправил Дамматрик.

— Возможно. Больше никого по именам не знаю, — служащий задумался. — Ах да, ещё этот головорез по прозвищу Плесень пару раз заходил.

— Плесень?

Вот это было уже интересно. Не столько даже интересно, сколько хреново. Плесень считался правой рукой Лейсона. Не отсюда ли ноги растут у странного интереса к страховому агенту богатой и красивой незнакомки? Бригадир был прав, её посетителей ничего не объединяет. Если даже предположить что она куртизанка, то это объясняло бы присутствие в её обществе Плесени — парня крутого и обеспеченного, как и сенатора с ювелиром, но никак не объясняет визита портового старосты. Дикш был тем ещё типом. Заинтересоваться дамой он мог, только если поместить таковую в бочку с вином, да так чтобы её телеса перекрыли кран изнутри. Вот тогда только Дикш, пожалуй, не сможет проигнорировать женщину. Не говоря уж об отсутствии у портового старосты достаточных средств, чтобы заплатить хотя бы за час столь изысканного общества. К куртизанкам принято было ходить с роскошным букетом от Файда, когда гениальный цветочник был ещё жив, с тортиком или пирожными от Росса и бутылкой хорошего вина (выбор достойных погребов был куда больше).

А вот если следовать версии, что дама как-то связана с аферами Лейсона, тогда и портовый староста и даже сенатор с ювелиром вписываются в пасьянс вполне. Тогда и её интерес к Дамматрику объясним. Куртизанке-то он без надобности. Не платил он за любовь куртизанкам. Ему доставало и улицы Гвоздик.

— Ну что, набежало на пару четвертаков? — спросил парень, когда Дамматрик вновь появился на улице.

Он молча расплатился с информатором и только когда тот исчез в толчее Шрама, подумал, что забыл спросить его об источнике. От кого-то ведь парень узнал о даме и её интересе к Дамматрику? Возможно это послужило бы дополнительной ниточкой. А пока и этот пасьянс не складывался.

Глава 4. Призраки детства

Ильметра хоть и горела мщением, не верила до конца в гибель отца. Те свидетели, которых разыскал Дамми, самого момента гибели не видели. Корабль просто пропал вместе с командой. Пропал где-то между островом Волнений и Альпортом. Не такой уж сложный район для мореплавания, если подумать. За исключением самого острова с его коварными зубьями прибрежных скал, других достойных внимания угроз на пути нет. Тем более для

такого опытного капитана, как её отец. "Естественных угроз нет на пути" — поправила она себя. Разбой на морях хотя и не достиг масштабов древности, с падением империи все же активизировался. Имперский флот сгинул, а моряки Альпорта предпочитали рисковать головой и грузом, чем платить за охрану. Но пираты почти всегда оставляют следы. Как бы ватажки не пытались поддерживать дисциплину, сброд он и есть сброд. Хоть кто-нибудь обязательно проболтался бы по пьяни в кабаке, или продал бы информацию тому же Дамматрику. Но ни единого слуха об удачном налёте не появилось.

Колдовство также не смогло ничего прояснить. Ривси утверждал, что по горячим следам узнать место смерти того или иного человека можно всегда. Разумеется, не во всех деталях и более того — узнать весьма приблизительно, но установить сам факт смерти можно вполне. Можно обнаружить возмущения на ауре мироздания, можно поговорить с духами. Все эти методы, однако, плохо работали в тех случаях, когда в убийстве была замешана особая магия, поглощающая ауру жертвы без следа, а Лейсон никогда не прибегал к магии для умышленного убийства. У гангстера имелся свой кодекс чести, постороннему человеку малопонятный. Так вот, убийство с помощью чар по заказу или корысти ради, он считал делом грязным и недостойным.

Ривси же оказался не столь силен в колдовстве, как пытался порой утверждать. Ровно месяц назад он провёл сеанс поиска корабля. Вытащил на свет лучшие свои артефакты. Дождался полной луны, когда души умерших охотно делятся информацией о собственной гибели и гибели других. Колдовал он как обычно в своей мансарде на улице Погасших свечей и кроме Ильметры никого туда не пригласил. В результате она лишь потеряла время и в очередной раз почувствовала крах надежды. Ривси так и не удалось ничего увидеть, хоть коротышка и тужился, точно страдал от запора.

На следующий день товарищи серьёзно надавили на Шохальца и старик согласился оплатить услуги лучшего в Альпорте мага — мастера Деймара. Пузырь конечно ворчал, не без этого. Но как верно заметил Оборн: "Если бы такие заклинания стоили дёшево, ищейки вроде нас остались бы без работы".

Маг приготовил гораздо более обширную программу. С помощью особого зеркала из жидкой ртути он попытался выявить след ауры самого Ники Торадо, а если получится, то и магическое эхо последнего вздоха тонущего корабля (души кораблей, как утверждали чародеи, существовали в особой системе координат, отдельной от тварного мира). Но и лучший мастер Альпорта потерпел неудачу. Что вызвало злорадное торжество Ривси и печаль у всех остальных, особенно Ильметры, уставшей от неизвестности, и Шохальца, понапрасну опустошившего мощну. Деймар не обнаружил ни единого следа смерти Торадо, ни отголоска эха, а когда попытался найти сам корабль, просто не увидел его в искомый отрезок времени ни на подходе к острову Волнений, ни после выгрузки контрабанды. Стараясь не уронить репутацию, Даймар выдвинул несколько версий. Отсутствие корабля в видении, по его словам, могло означать, что вместо "Молота" люди видели морок, или корабль прикрывала мощная магия. И та и другая версии не выдерживали критики. Сильнее Деймара мог быть только звено из нескольких более слабых магов, а нанять группу втихаря практически невозможно. То что знает несколько человек, знает весь город.

Все эти обстоятельства — отсутствие свидетелей и магических следов — вселяли в Ильметру определённую надежду на то, что отец всё ещё жив. Хотя она даже не представляла обстоятельства, которые не позволили бы ему связать с ней и компаньонами. Плен? Бегство? В конторе от неё отмахивались, говорили, что делают, всё что могут. Все члены товарищества считали себя друзьями отца, хотя по настоящему таковым был, пожалуй что только Оборн. Оба они стояли один другого и быстро сошлись на почве кабацких стычек, поединков и прочих походов. Дамматрк был книжником и слабаком, хотя и старался убедить окружающих в своей крутости. Ривси вообще ни с кем не дружил, считая дружбу прихотью сродни меценатству. А Шохальца больше всего на свете заботили деньги и его бессмертная душа.

Через несколько дней после странного ночного заседания, всё ещё сомневаясь, правильное ли решение она приняла, когда отдала голос против контракта, Ильметра решила взяться за дело самостоятельно. И прежде всего ей пришлось в голову расспросить старых приятелей, вместе с которыми она в детстве облазила весь порт, верфи, строила первую лодку, забиралась в чужие пакгаузы, воруя фрукты и всякие мелочи не столько из нужды, сколько из озорства и соперничества с мальчишками. Кто знает, на какую дорожку привели бы её детские шалости, но вмешалась судьба. Как только отец стал совладельцем страховой конторы, они перебрались в Старый Город и с тех пор Ильми не встречалась с друзьями детства ни разу. Даже случайно. Частная школа, где в неё пытались впихнуть классическое образование, не оставляла времени для прогулок.

Мальчишки давно уже стали моряками или торговцами, поэтому не удивительно, что большую часть приятелей на месте она не застала. Пончик, как выяснилось, уже два года промышлял в западных колониях, Ходуля выбился в боцманы и появлялся в Альпорте редко. Только Чайка, бывший предводитель и застрельщик их удалой компании, никуда не уехал и не уплыл. По его старому адресу давно жили другие люди, но соседи подсказали, где искать парня — возле рыбацкого слипа в кабаке под названием "Пеньковый галстук".

Кабак появился недавно, а может Ильми его просто не помнила, но найти заведение оказалось проще

простого — вместо вывески с крюка на фасаде свисала настоящая висельная петля. Там она и увидела старого друга, подпирающего этот самый фасад. Нашла и ужаснулась.

Чайка совсем опустил. Грязный, оборванный, сутулый. Мутный блуждающий взгляд обшаривал пространство уже не в поисках развлечений, как в детстве, а с откровенным и всепоглощающим желанием выпить. Невозможно было понять и поверить, как весёлый озорной сорванец мог превратиться в такое ничтожество?

Парень не сразу узнал её. Его ум потерял остроту. А едва узнав, сразу же принялся ныть, жалуясь на судьбу. Он больше не видел в ней товарища и даже не видел девушку, а лишь возможный источник дармовой выпивки. Куда делся тот красивый парень, в которого она была влюблена девчонкой? А ведь он был единственным из их компании, кто мог бы со временем стать таким же прославленным, как её отец. И вот такое падение...

— Хочешь выпить, Чайка? — предложила она. — Я угощаю.

— Ильми угощает! — провозгласил тот отчасти с торжеством, отчасти с непонятной обидой, но что бы не творилось теперь в голове Чайки, он уверенно двинулся к дверям заведения.

Только в помещении Ильметра почувствовала, что от бывшего дружка помимо всего прочего жутко воняет невымытым телом и мочой. Эта вонь перебивала даже стойкий запах рыбы, висевший в кабаке, и похоже, в последнее время он стал обычным спутником Чайки. Во всяком случае, хозяин кабака встретил его появление презрительной гримасой и сразу же шевельнул ладонью, подзывая вышибалу.

Ильметра поспешила шагнуть к стойке и положила перед хозяином монету в десять стотинок.

— Нам нужен отдельный столик. И для начала большую кружку вина вот ему.

Поворотом головы Ильми указала на спутника. Хозяин выдавил улыбку, а вышибала притормозил и вернулся к приятелям за стол, где шла игра в кости.

— Закусить бы ещё, — простонал Чайка.

— Добавьте к заказу самый большой бифштекс и печёный картофель, — Ильметра выложила ещё десять стотинок.

— А вам госпожа? — вежливо осведомился хозяин.

— стакан воды. У вас есть чистая вода, надеюсь?

— Чистейшая, госпожа, — заверил хозяин. — Доставляют прямо из храмового источника в каштановых бочках.

— Вот как? Из какого именно?

На самом деле ей просто хотелось пить. Но проверить корчмаря не помешает.

— Храм Мирородицы, госпожа, — ответил тот без заминки. — Родник Удачи.

— Сойдёт, — равнодушно согласилась девушка. — Удача мне понадобится.

Минут пять или десять Чайка запихивал в себя картошку не утруждаясь освободить от её кожуры, глотал почти не пережёвывая крупные куски мяса, запивал дешевым вином, проливая его на себя, на стол, а Ильметра всё это время пыталась втолковать бывшему дружку, что ей собственно от него требуется.

— Малыш Ойро вот кто тебе нужен, — сказал Чайка, приканчивая угощение.

Утолив жажду и голод, он вытер рукавом рот и теперь доедал остатки не торопясь. В голове Чайки даже завелись иные помимо выпивки мысли, он исподволь, но алчно поглядывал на Ильметру, словно уже забрался грязной рукой к ней под платье.

— Какая ты стала красивая, — сказал он. — Да уж, прям настоящая дама.

Девушке комплимент, прозвучавший из вонючего, набитого пищей рта, отнюдь не показался приятным. А ведь каких-то пять лет назад она млела, услышав нечто подобное от этого парня. От этого ли? Его нынешнее лицо походило на индюшачью гузку, а изо рта несло так, как и разило бы, наверное, из индюшачьей задницы, да и то, если долго откармливать птицу чёрной хелтской чечевицей.

— Малыш Ойро, — вернулась к разговору Ильми и сделал осторожный глоток воды. — Я не ошибаюсь, это тот прыщавый засранец с улицы Бакенщиков?

— Точно, — Чайка рыгнул. — Только он теперь не прыщавый, гладкий и холёный, как хомяк, хоть и остался всё таким же засранцем.

Глаза Чайки на короткий миг избавились от тоски, словно тот сорванец, какого помнила Ильми, выглянул вдруг из опустившегося бродяги.

— Помнишь, как он продавал нам уключины от отцовской лодке, а до этого пытался всучить карту с указаниями на сокровища? Всегда норовил слупить по полной, мерзавец. Выжига одним словом. И сейчас такой же, только что растолстел. Сдирает со старых приятелей ту же цену, что и со всех.

— За что сдирает? — уточнила Ильметра.

— Он теперь у нас виноторговец, — махнул рукой Чайка. — Один из немногих наших, кто выбился в люди.

Огоньки в его глазах погасли, а детство осталось там, где ему и положено — в прошлом, в воспоминаниях.

— Что он может знать об отце? — спросила Ильметра.

— Дело в том, что он собственными глазами видел, как потерпел крушение "Молот". Видел с палубы собственного корабля.

Ильметра вздрогнула. Вот оно! Затем нахмурилась.

— Как такое может быть? — как можно более спокойно спросила она. — Приятели отца прочесали весь портовый район и ни единого свидетеля не нашли.

— А его не было в городе всё это время, — пояснил Чайка и протяжно рыгнул. — Был конец лета, ведь так? Начинался сезон сбора винограда. Так что он загодя отправился в Медвежий угол за грузом молодого вина. Хотел первым привезти партию нового урожая. Вернулся только позавчера.

— И что он говорил?

— Да ничего особенного, — Чайка рыскнул глазами в одну сторону, потом в другую. — Он ведь у нас не из болтливых.

— Это точно. — Ильметра подумала, что ей тоже не особенно хочется разговаривать с тенью старого приятеля. — Надо бы его навестить как-нибудь. Он всё там же живёт на улице Бакенщиков?

— Нет. У него погреба на самом Шраме, причём ближе к центру. А над погребами, прикинь, домишко нехилый. Стены из белого камня, черепица на крыше, все дела. Там и живёт, мироед. Только, боюсь, ты его долго теперь не застанешь.

— Почему? — Ильметра попыталась припомнить все знакомые погребки рядом с конторой.

Она не особенно любила вино, а когда вдруг нападала охота, покупала бутылку или кувшин там же, где и остальные компаньоны — у Фойши. Имена на вывесках виноторговцы не писали, ограничиваясь силуэтом лозы или бочки.

— Он сегодня уходит в Бинай, чтобы забросить товар в тамошнее отделение. У него, теперь, вишь, отделения! Не жабья отрыжка...

— Чёрт!

Ильметра вскочила и бросилась к выходу.

— "Пьяный Дельфин" его посудина называется, — крикнул вдогонку Чайка. — Вот же, бред.

Девушка так и не поняла, относилось ли последнее замечание собеседника к неожиданному появлению и спешному уходу бывшей подруги, или быть может к нелепому названию корабля? Ильметре всё это стало не интересно. Она уже собиралась выбросить друга детства из головы, но одни раз у самой двери всё же оглянулась.

Прощальный взгляд Чайки безмолвно просил её протянуть руку, помочь вырваться из опостылевшей оболочки, подняться со дна колодца полнейшей безнадёги. Сердце пропустило удар, но миг слабости миновал с первым глотком свежего морского воздуха.

Всё время, пока она шла быстрым шагом к торговым пирсам, Ильметра размышляла, хотелось бы ей протянуть руку старому приятелю, отмыть его, вернуть к жизни? И в конце концов, она решила, что нет. И ни один моралист не стал бы осуждать её и считать такое решение предательством. Чайка сам предал и себя, и её, и всех прочих друзей, дав слабину, поддавшись вязкой апатии. Альпорт слабости не прощает, а уж портовый район тем паче. И ладно бы ты потерял ногу или руку при работе с канатом, ладно бы ослеп, утратил рассудок, столкнувшись с демонами пучины или враждебной магией. Но здоровый, полный сил человек мог опуститься на дно только собственной волей. Или безволием. Ильметра вздохнула в последний раз и решительно вычеркнула Чайку из списка людей, с кем ей захотелось бы встретиться ещё раз.

Конечно же, она опоздала. Родник Удачи не помог, а быть может хозяин наврал и просто собирал дождевую воду в бочку. Она вспомнила, как отец учил её очищать воду от пылицы и частичек сажи с помощью угля и песка. На вкус такая вода почти не отличалась от родниковой.

Так или иначе, небольшой каботажный кораблик, на который ей указал портовый служащий, уже вышел из гавани и проходил мимо маяка. Ильметра сплюнула, взялась было ругать Чайку за недогадливость, но быстро поняла, что "Пьяный дельфин" отошёл гораздо раньше, чем она поставила перед дружкой первую кружку.

Единственная найденная ниточка ускользала в морскую дымку. Бинай находился слишком далеко, чтобы ожидать скорого возвращения Ойро.

День всё же не вышел совсем бесплодным. Так как вскоре выяснилось, что опоздала к отходу судна не одна только Ильметра.

К пирсам выехала рессорная повозка. С задка соскочило двое бугаев, ещё двое выбрались изнутри, а с ними на мостовую сошёл красивый южанин, в котором Ильметра узнала Лейсона. Девушка тот же шагнула в тень пакгауза, чтобы её не увидели.

На неё, впрочем, и не смотрели. Парни подскочили к домику портового старосты и тот указал рукой на маяк. Никакого другого судна в море сегодня не выходило. Значит что? Значит Лейсон ищет Ойро и вряд ли лишь для того, чтобы купить партию молодого вина. Гангстер явно причастен к делу и ищет последнего свидетеля, чтобы купить или убрать. А это в свою очередь означает, что отец скорее всего погиб.

Она ударила кулаком по стенке пакгауза, так что разбила костяшки и на них проступила кровь. Боль позволила придти в себя.

Что ж, она дочь моряка. Гибель в море обычное дело. Многим вдовам и сиротам, в отличие от неё, некому было даже отомстить. Как правило виновника не имелось вовсе. А у неё есть имя. Если так, то есть цель. Она отомстит.

Ильметра слизнула с костяшек кровь и отправилась в город.

Глава 5. Сделка

Очередного полнолуния в конторе ждали с неприятным волнением. Каждый из компаньонов словно спрашивал себя ещё и ещё раз, а не ошибся ли он с решением, не стоит ли всё переиграть? За четыре недели у каждого наверняка возникали в памяти дела и вопросы, с какими, при наличии безграничных средств, они справились бы шутя. Но и страхи никуда не делись. Даже Дамматрика с Оборном, судя по всему, пугали возможные издержки, пусть до этого они оба и выступали однозначно за сделку. С тёмными силами не шутят, знаете ли.

Ильметру же темнота не пугала. Её вообще мало что пугало. Она просто разрывалась между возможностями, которые мог дать контракт, вернее гонорар от контракта, и вниманием, временем, силами, что пришлось бы отдать взамен этих возможностей. К тому же страховую контору она пока не считала своим вторым домом как, похоже, воспринимали работу прочие. Пай в товариществе — наследство отца, а наследие нужно заслужить. Отец же до сих пор не отомщён. Все ниточки за которые девушка попыталась потянуть оказались оборванными или, как в случае с Мальшом Ойро, недоступны в настоящее время. А между тем в городе, как и предполагали многие, появились табак, кокосовая мякоть, пряности, а кроме них товары совсем уж редкие в Холларе — божидарская пенька, гороховский мед и даже мех голубого песка с дальних окраин Киеры. Появилась и контрабанда.

Ещё больше Ильметру раздражало, что из-за дурацкого конца света и бриллиантов, остальные пайщики вроде как потеряли голову и уже не так ретиво пытались разыскать следы отца и его корабля. Она надеялась, что после второго визита вопрос будет окончательно закрыт, а люди вернуться к делам.

Посетитель явился в срок, не упустив ни минуты. В прежнем облачении, которое, как и в первый визит, не соизволил отдать в руки Хойти. Он уселся в свободное кресло и прикоснулся пальцами к полам шляпы, то ли поправляя её, то ли приветствуя господ страховщиков.

Господа страховщики молчали. Молчал во главе стола Толстяк. Пряча от всех взгляд, он выложил мешочек с бриллиантами и неохотным движением отправил его по поверхности прежнему владельцу. Ильметра хорошо представляла, чего стоило Пузырю это лёгкое с виду движение руки.

— Прощу прощения, — выдавил из себя босс. — Мы приняли решение отказаться от сделки и возвращаем аванс.

— Отлично! — ночной гость припечатал ладонью мешочек с бриллиантами. — Иной ответ заставил бы меня усомниться в выборе.

— То есть? — сцапал наживку Шохальц.

Остальные тоже оторвали понурые взгляды от полированной столешницы. Лишь на Ильметру трюк не произвел впечатления.

— Что ж. Вы умеете оценивать силы, раз огромная сумма не вскружила вам голову, — пояснил мысль несостоявшийся клиент. — Вы также не попытались скрыться с авансом, что свидетельствует о честности и осторожности. Или, по крайней мере, об одном из двух этих качеств.

Тут Толстяк покраснел. Видимо мысль слинять с бриллиантами терзала его все четыре недели.

— И? — вырвалось у Дамматрика.

Продолжение явно напрашивалось, поэтому все затаили дыхание.

— И теперь я отвечу на некоторые незаданные вопросы, — улыбнулся гость. — Начну с вас, Ривси Павлин.

— С меня? — усмехнулся колдун. — Ну, что сказать, я польщён.

— Да, с вас, — кивнул гость. — Вы правы в своих догадках, я гораздо сильнее большинства из чародеев этого мира. Потому что сам не принадлежу ему.

Ильметра нахмурилась. Она точно помнила, что в свой первый визит посетитель не мог слышать этих самых догадок их штатного колдунишки. Он уже ушёл к тому времени. Мало того, они специально дожидались рассвета, прежде чем начать обсуждение дела, а по утверждению Ривси, это гарантировало, что их не подслушают.

— Именно поэтому я заметил признаки катастрофы, которые невозможно растолковать, используя доступный вам понятийный аппарат, — продолжал между тем гость. — А с другой стороны, именно поэтому мне потребовалась помощь автохтонов. То есть ваша помощь.

— Закон равновесия? — проявил эрудицию колдун.

— Нет, — ночной посетитель кажется немного смутился. — Не уверен, что такой закон вообще существует.

Равновесия? Хм. Нет. Среди мировых сил скорее имеет место паритет гарантированного взаимного уничтожения. Можете назвать его неустойчивым равновесием, если угодно. И мои собственные мотивы держаться в тени заключались как раз в том, что любое вмешательство в местные дела будет замечено там. — Гость указал на потолок, имея в виду, конечно, не чердак и не крышу особняка. — А там, смею вас уверить, обитают и такие премерзкие сущности, что ожидают Конца этого Света с великим нетерпением. А есть и такие, что хотят досадить лично мне. И ещё такие, которые неизвестно чего хотят, но вполне могут влезть в свару. А когда силы такого уровня вмещиваются, находясь в своей естественной ипостаси, ничего хорошего для смертных ждать не приходится.

— Полнолуние, — произнёс Рив.

— Верно. Только в полнолуние, когда открываются врата между мирами, а то, что суеверные люди называют нечистью шастает туда-сюда беспрепятственно, только тогда я могу действовать под прикрытием эфирных возмущений, да и то весьма и весьма осторожно. Любое нарушение этого правила будет сродни крику "золото!" среди алчной толпы.

— Да, — кивнул Рив, подумав. — Это не лишено смысла. Не лишено.

"Бриллианты" — решила Ильметра. Они были единственной вещью, которую им оставил гость. Могут ли бриллианты подслушивать, запоминать?

— И заканчивая с вами, дорой Ривси, хочу сказать вот ещё что: в мои планы ни в коем случае не входит использовать вас, как наживку или как обычных боевиков. Мне нужны ваши мозги, ваши моральные и душевные качества, ваши способности, опыт, ваше умение в деле сыска.

Он сделал паузу и обвел взглядом собравшихся. Ильметра непроизвольно кивнула, словно школьница, дающая понять учителю, что усвоила материал.

— Теперь, что касается вас, мастер Шохальц, — продолжил гость. — С вами куда сложнее. Вы верите в добро и зло, и почему-то относите меня к последнему.

Толстяк съёжился, словно ожидал немедленной разделки его туши с последующей отправкой в ад дюжиной бандеролей.

— Я не являюсь Ниспровергателем из вашей Книги Пророчеств, не являюсь и его служителем. Я представляю несколько иные силы. Того рода, о которых священная книга умалчивает. Но больше представляю себя самого.

Догматы вашей церкви, однако, не позволяют доказать непричастность. Ведь вы предусмотрели любые уловки врага. Поэтому самое убедительное доказательство будет истолковано как изошрённая хитрость. Любое поручительство, как подделка и лишнее доказательство преступного умысла. Так?

Толстяк нехотя кивнул. Ильма догадалась, что тот вообще не хотел ввязываться в спор, понимая, что исчадие ада все равно переспорит. Но гость был неумолим.

— Патовая ситуация, — развёл он руками. — Но мне кажется, я сумею вас убедить. Нет не в искренности моих слов и не в благородстве намерений. Я даже не надеюсь, что вы встанете на мою позицию. Я просто хочу убедить вас, что вы ничего не теряете.

Подумайте вот над чем. Я могу говорить правду, а могу врать. Конец Света на самом деле приближается или же это уловка, чтобы завлечь вас на путь гибели. Давайте поступим так. Я не буду распоряжаться вами и указывать вам. Вы сами станете решать, что вам делать, исходя из той информации, которую сами же и добудете. Если вдруг увидите, что Конец Света ложь, то и предотвращать его не имеет смысла. Но если он окажется правдой, то...

— Сделка! — чуть ли не проревел Толстяк. — Суть в заключении сделки!

— Да, сделка, — гость сделал вид, что размышляет, хотя ответ наверняка приготовил заранее. — Вот что, мы не будем заключать письменный договор. Я не потребую с вас ни подписей, ни клятв, ни чего-то подобного. Если вы решите, в конце концов, что это ловушка, то вернёте мне деньги, за вычетом накладных расходов. Подумайте над этим.

Ильметра решила, что их потенциальный клиент старается зря; что убедить Пузыря невозможно, так как его мозги давно зажаты тисками религиозных догм. Он попросту не воспринимает логику. Как раз в этот момент гость повернулся к ней, и от неожиданности она вздрогнула.

— Вы тоже правы, юная леди. Моё дело потребует прекращения всех прочих. Для мести времени не останется. Однако чтобы завоевать ваше расположение и чтобы очистить ваши мысли от посторонних идей, я готов сегодня ещё до рассвета положить к вашим ногам голову Жука. В том случае, конечно, если вы измените решение.

— Я бы предпочла, чтобы он превратился в пригоршню клопов.

— Могу принести и клопов, только это не будет являться убедительным доказательством. А клопы разползутся и станут досажать вам.

— Нет проблем. Я отправлюсь с вами вот и всё. Для меня не так важен способ, главное, чтобы ублюдок понял, за что его казнят. И после осознания, бегство в смерть не случилось бы слишком быстро.

— Согласен. Мне всё одно нужен был помощник.

— Сдаётся, дружище, только мы с тобой остались в дураках, — проворчал Оборн, обращаясь к Дамматрику. — Согласились сразу, как простаки, а тут, оказывается, выполняют желания, словно в сказке про мудрую морскую змею.

Но Дамматрик кажется не слушал приятеля. Он смотрел на Ильметру так, что ей стало немного не по себе. Станный взгляд, непривычный для неё.

— Я пойду с вами, — вырвалось у него.

— И я, — добавил вдруг коротышка Рив.

Их потенциальный клиент расхохотался.

— Барышня хочет убедиться в смерти врага, это понятно. Молодой человек не желает отпускать её с таким импозантным господином, как я. Глупо, но тоже понятно. А вы, Ривси? Чего надо вам? Желаете подсмотреть пару колдовских штучек?

— Никогда не пренебрегаю, — самодовольно хмыкнул колдун.

— А что, остальные не присоединятся? — весело спросил гость. — Мы можем отправиться на дело скопом. Может быть, захватим жаровню и колбаски для барбекю? После представления с громами молниями, устроим пикничок на руинах берлоги Лейсона? Так как?

— Я бы не стал так шутить, отправляясь за Лейсоном, — остерёг Оборн.

— Эй, постойте-ка, — прохрипел босс. — Вы как будто всё уже решили?

— Нас большинство, как ни крути, — пожал плечами Оборн.

— Тем не менее, я настаиваю на голосовании. Причём на тайном.

— Имеет полное право, — кивнул Рив. — Полное право.

Клиент любезно предложил шляпу, но босс, пробурчав под нос какое-то ругательство, колокольчиком вызвал Хойти и приказал принести одну из своих.

Оборн распечатал колоду, отсчитал двадцать карт и, сложив их стопкой, пометил ножом. То есть, попросту срезал угол.

— За — крест, против — круг. Можете поставить знак пером, карандашом или процарапать, как вам угодно. Каждая карта равна пяти паям.

Напоминая правила голосования, Оборн сдавал карты, и со стороны это смотрелось так, будто приятели уселись за партию. Босс получил восемь карт, остальные по три. Так распределялись доли в компании.

Шохальц закрылся от них пухлой ладонью и быстро поставил метки.

Шляпу положили в центр стола и каждый сбросил туда карты. За тем Дамматрик встряхнул пару раз и перевернул шляпу.

— Восемьдесят за, двадцать против, — подытожил Оборн. — Как такое могло получиться? У нас по пятнадцать процентов, у Шохальца сорок.

Он соображал больше минуты. Глаза Ривси сверкнули, он явно уже знал ответ, но желал чтобы товарищ додумался сам.

— Босс! — воскликнул Оборн. — Ты разделил свои голоса?

— Он не любит складывать все яйца в одну корзину, — хихикнул Рив. — Когда его душа явится к Вратам Страсти, эти четыре карты будут брошены к ногам Привратника.

— Не стоит насмехаться над чужой верой, коротышка, — прохрипел толстяк. — Ты вчетверо тоньше меня, но тебе не протиснуться через Врата со своими грешками.

— Мои грешки оставь в покое, — огрызнулся тот. — Последы лучше за собственными.

Ильметре показалось, что сейчас не время затевать свары.

— Когда мы отправимся за головой Лейсона? — прервала она перепалку.

— У нас есть ещё два часа, чтобы обсудить некоторые нюансы вашей работы. У вас ведь возникло много вопросов и помимо спасения душ?

— Верно, — кивнул Дамматрик. — Я тут почитал на досуге кое-какие книжки. Эсхатология, надо признать, занятная дисциплина. К сожалению, как первая, так и вторая Империи уделяли ей мало внимания. Несколько найденных мною книг касаются этой темы лишь вскользь. И создалось у меня впечатление, что не столь сложно предотвратить конец света, сколько обнаружить его признаки.

— Всё верно. А то зачем бы я нуждался в сыщиках? Признаков много, но их обычно отмечают задним числом. А оттуда, — клиент вновь показал на потолок, — Видны только некоторые симптомы. Сладковатый такой запашок я бы сказал. В то время когда сам труп зарыт где-то здесь, поближе к земле.

— Мифологемы, — сказал Ривси.

— Что?

— Мифологемы архетипичны. В них содержатся наиболее распространенные среди людей причины всеобщей

катастрофы. А ликвидировав причину, мы избежим следствия.

— Например, искореним блуд, — со смешком предложил Оборн. — Не, ну а что? В книгах, которым следует старина Шохальц, полно такого безобразия. Стяжательство, обжорство, зависть. Всё это, согласно догматам, ведет к концу света. А наш босс, судя по склонности к большинству пороков, похоже, прокладывает туда дорожку остальным.

— Не трогай чужую веру, дружок, — проскрипел босс.

— Пороки тут скорее следствие, — возразил Дамматрик. — Виновен-то искуситель, а не искушаемый.

— Объясни это жрецам, — воскликнул Ривси. — Они вряд ли обрадуются, если ты оставишь их без очищающих душу пожертвований.

Ильметра не вмешивалась в спор но подумала, что возможно церковные книги в чём-то правы, только акценты расставлены неверно. Они предсказывают появление Ниспровергателя или Прельстителя, как начало конца света. Но что если верховный демон являлся следствием начала катастрофы, а не причиной её. Тогда история Вайхеля полностью укладывалась в догмат. Он почувствовал неладное и пришёл, чтобы помочь, а профаны спишут все беды на его появление.

— Я бы не стал уповать на общеизвестные легенды, — сказал Дамматрик. — Они прошли через слишком большое количество рук и голов, если можно так выразиться. Их обтесали, обкатали, вывернули наизнанку в угоду каким-то своим амбициям, политическим планам, религиозным концепциям. Подлинные свидетельства скорее могут быть скрыты в глубинке, среди местных сказаний, пророчеств, даже бабкиных сказок.

— До глубинки еще надо добратся, — проворчал Шохальц. — У нас тут всё тихо. А от бывшей империи мы отрезаны Щитовыми горами и пустыней. И неизвестно, какие нравы там господствуют теперь. Говорят, в северных провинциях всюду жгут книги. Возможно вместе с книгами с удовольствием жгут и чужаков.

— Найдем людей, разошлем агентов, узнаем, — предложил Дамматрик. — Деньги-то есть.

— Людей по любому следует сориентировать, — возразил Оборн. — Глупо посылать человека неведомо куда и зачем. Так что я думаю, в первую очередь нужно зарядить букинистов, антикваров и кто там ещё занимается старой литературой? Пусть они вытащат из наших местных коллекций каждый фолиант, каждый манускрипт, где упоминается конец света. Пусть знают, что мы готовы платить коллекционерам любую цену.

— Вот уж чего им знать вовсе не обязательно, так это про любую цену, — буркнул босс.

Он все еще не смирился с тем, что добровольно сунул голову в петлю.

— Большинство старых библиотек и архивов содержат аристократы, — сказал Дамматрик. — Но убедить их пустить нас к фондам будет не так-то легко.

— А вы, что же, не собираетесь помочь, с вашими-то потусторонними возможностями? — спросил Ривси клиента. — Я не колдовство имею в виду, а информацию.

— По мере сил, — ответил тот. — Учитывая, конечно, перечисленные ранее ограничения. В любом случае я постараюсь появляться среди вас каждое полнолуние. Буду просматривать или выслушивать отчёты, давать рекомендации, в каком направлении лучше усилить работу. Не уверен, что мне удастся узнать что-то сверх вашего, но если узнаю, то предоставлю вам полную информацию.

Товарищей словно прорвало, а возможно и правда прорвало. Ведь все четыре недели они прикидывали так и эдак, наверняка думали, как будут выполнять задание, случись сделке всё же состояться. Не такая это тема, чтобы выбросить из головы. Два часа, что оставались до выхода, они возбужденно обсуждали возможные источники информации и пути решения грандиозной задачи, которая теперь перед ними стояла. Ильметра слушала, но участия в спорах не принимала. Она не собиралась даже крохотной мыслишки добавить в плавильный котёл дискуссии. До тех пор пока не свершится правосудие.

Глава 6. За головой Лейсона

Их компания посреди пустого ночного города выглядела необычно. Бывало, господа аристократы запозднятся на вечеринках и раутах, и тогда их провожает до дома целая стая телохранителей. Но господа обычно используют для передвижения верховых лошадей, конные упряжки, в крайнем случае лектики, или паланкины, как их называли на имперский манер. Бывало также, что банды выходят на охоту или на войну с другой бандой. Но они никогда не выглядят так пёстро. На измученных работников ночной смены или рыбаков, бредущих к пирсам на утренний лов, их компания и вовсе не походила. Молодая девушка, коротышка, бугай, книжный червь и импозантный господин во главе воинства.

В конце концов, на дело отправились все кроме председателя Шохальца. Тот вообще не любил приключений, а в особенности теперь, когда в их руки неожиданно приплыло богатство, но вместе с ним появился клиент, которого Шохальц заметно побаивался. На счёт остальных Вайхель, похоже оказался прав. Ривси решил подучиться колдовству, Дамми, подобно глупому рыцарю из романов, отправился, чтобы защитить её, Ильметру, а Оборн, как специалист по криминальному миру, желал посмотреть на переполох в зловещей группировки, держащей за горло половину Альпорта.

Логово Лейсона располагалось на улице Бинайских Новобранцев за малым обводным каналом, что опоясывал Старый Город. Улица появилась по меркам Альпорта совсем недавно — всего лишь полвека назад на месте пустыря, где когда-то стояли лагерем те самые ополченцы.

На самом деле, как утверждал по дороге Оби, всевозможных укрытий за гангстером числилось не меньше дюжины, и это только крупных, с роскошными условиями для жизни, повышенными мерами безопасности, вроде ловушек, сторожевых амулетов, запасных выходов на соседние улицы. Но клиент (теперь уже точно клиент) уверенно заявил, что эту ночь злодей проведёт именно здесь.

Он не ошибся. Перед крыльцом искомого дома в свете тусклого фонаря прохаживались двое боевиков из ближайшей охраны главаря. Оборн наверное смог бы назвать их по именам или кличкам, но промолчал, лишь кивнув подтверждая.

Сам дом походил на крепость, впрочем, как и многие на окраине Альпорта. Нижний этаж не имел окон, лишь сплошную каменную стену, из которой выпирали смотровые башенки с узкими бойницами по обеим сторонам от входной двери. Окна второго этажа закрывали окованные железными полосами дубовые ставни. И только на третьем этаже виднелись признаки жизни, а через щель в шторах пробивался свет от горящей свечи.

Их компанию не заметили, хотя ни Вайхель, ни Ривси не прибежали к магии, а скорее всего именно потому, что не прибежали. Не стали они применять колдовство и в дальнейшем. Клиент достал тростниковую трубочку и вложил внутрь иглу с длинным пером птицы-бегуна в качестве стабилизатора. От внешне совершенно обычной тростинки тянуло огромной стоимостью, как если бы она была сделана из чистого хелтского золота.

— Следите за заклинаниями, Ривси, — усмехнулся клиент и дунул в трубку.

Один из охранников схватился за шею и рухнул на мостовую. Перо бегуна из-под его ладони свисало точно небольшая пушистая змейка. Второй успел повернуть голову на шум падающего тела, но не успел понять что происходит, как схлопотал свою дозу успокоительного.

— Нам с Ривом к крыльцу лучше не приближаться, — сказал Вайхель. — Логово просто увешано охранными амулетами, которые чувствуют самую малую толику волшебства. Так что теперь дело за вами, молодые люди.

Он вытащил из-под плаща пару табакерок, украшенных резьбой и фальшивыми драгоценными камнями. По вспыхнувшим глазам колдунишки, Ильметра поняла, что вещицы не обычные. Ривси отлично разобрался в камнях и очевидно что его внимание привлекли не дешёвая бижутерия.

Клиент поочередно приоткрыл крышку одной и другой шкатулки, что-то нажал в каждой из них, одну протянул Ильметре, вторую Дамматрику.

— Нужно подбросить табакерки на козырёк крыльца и на карниз под окном второго этажа. У вас не больше пяти минут.

— Какую куда? — уточнила Ильми.

— Без разницы. И вот ещё что. На обратном пути, будьте так любезны, вытащить и шей этих недотёп мои иглы. Только, боги вас упаси, не касайтесь острия!

— Мы что не станем врываться внутрь? — удивился Оборн.

— О, нет. Штурм привёл бы к лишнему шуму и большой крови. И того и другого лучше избегать на данном этапе.

— Надеетесь, что он выйдет сам? — спросил Дамматрик.

— Вот именно.

Ильми вновь, как когда-то в детстве, вообразила себя кошкой. Она в несколько мягких перебежек подобралась к крыльцу и ловко, опираясь ногой на руст между массивными камнями фундамента, а рукой хватаясь за кронштейн фонаря, взобралась на козырёк. Дамми отстал. Похоже его подобные игры в детстве не занимали. Он вообще заметно трусил в такой близости от логова гангстера. До карниза, однако, было добраться легче, требовалось всего-навсего встать на цыпочки и вытянуть руку, так что парень управился раньше её. Хорошо хоть не удрал сразу, а даже предложил ей руку, чтобы помочь спуститься. Но она отказалась, всё ещё будучи кошкой, и мягко спрыгнула на мостовую. Тут Дамми прекратил корчить из себя крутого парня и припустил обратно.

— Стой, — прошептала она. — Стрелки.

Оба лежащих на мостовой часовых находились в оцепенении. Ильметра потянула за перо вытащила стрелку, и аккуратно пришила её к подолу платья, так чтобы острие не могло никого поцарапать даже случайно. Затем проделал то же самое со второй иглой.

Когда они вернулись к товарищам, бандитское логово всё ещё пребывало в неведении.

— Что теперь? — спросил Ривси, разочарованный, что обошлось без поражающих заклинаний.

— Теперь сюда, — Вайхель указал на кривой проулок.

Они оказались на пустыре среди мусорных куч. Альпорт производил огромное количество мусора. То что в маленьком городке шло в печь на растопку, сваливалось в компостные кучи или применялось для других хозяйственных нужд, здесь просто выбрасывалось. Но выбрасывать полагалось в специально отведенном месте за

городской чертой. Местные жители, судя по большим кучам на пустыре, ленились вывозить мусор к воротам и жмотились нанять мусорщика. По хорошему сюда давно следовало нагрнуть городской страже. Похоже, однако, кто-то клал на глаза стражников полновесные пальмы.

— Будем ждать здесь, прошептал Вайхель. — Только прошу вас сидеть тихо.

Не то чтобы Ильметра умела читать лица, тем более таких могущественных колдунов, каким выглядел их клиент, но ей показалось, что она видит детское озорство, проступающее сквозь маску невозмутимости.

Со стороны улицы Бинайских Новобранцев послышался грохот, а ночное небо осветилось вспышкой. Раздались встревоженные голоса. Затем грохнуло второй раз.

— Сейчас, — прошептал Вайхель и показал рукой на ближайшую из мусорных куч.

Прошло не более пяти минут после грохота. Одна из дырявых корзин отвалилась в сторону, и на поверхности показалась голова в чёрном шапероне. Голова огляделась по сторонам, на свет показались руки и, наконец, человек, одетый в кожаную куртку и штаны, появился целиком. Он тут же помог выбраться из-под земли второму, которого явно только что вытащили из постели. Помятый халат, поверх которого была надета меховая безрукавка, на шее — шарф, на голове — ночной колпак. Впрочем колпак зацепился за рваный край корзины и свалился, обнажив довольно густую шевелюру.

— Лейсон! — прошептала Ильми, узнав этого второго.

Вайхель коснулся её плеча, очевидно в знак понимания или подтверждения, и прямо над её ухом дунул в свою чудную трубочку.

Тело мафиозного лидера ещё не достигло земли, а Оборн, выхватив свой любимый нож, уже нёсся навстречу телохранителю. Получилось не совсем навстречу, скорее в тыл. Телохранитель, занятый падающим боссом, не увидел угрозу, он лишь вздрогнул, почуяв спиной опасность, а в следующий момент получил удар под лопатку. Утратив поддержку приспешника тело Лейсона повалилось на бок. К нему поспешил Вайхель. Пока они с Оборном были заняты, из дыры ловко выбрались ещё двое громил.

Дело принимало серьёзный оборот. Ильметра изначально не планировала участвовать в драке, но теперь без раздумий вытащила кинжал и бросилась на бандитов. Она даже самой себе не смогла бы сейчас ответить, что больше влекло её в бой: желание прикрыть спины товарищей или нежелание упустить добычу?

Рядом с ней оказался Дамматрик. Что ж, похоже напрасно она считала его чересчур робким. Или он полез в драку из-за неё? Когда у мальчиков срывает крышу, они способны на многое.

Бандиты достали ножи. Оружие противника выглядело короче их с Дамми кинжалов, но длинные руки компенсировали недостаток. И конечно они обращались с ножами куда ловчее. Возможно именно поэтому никто из бандитов не догадался позвать на помощь. Они решили, что легко справятся с девчонкой и худощавым парнем.

Ильметра качнула руку с кинжалом вправо и влево, как учил её когда-то отец, не столько обманывая противника, сколько пытаясь затянуть время. Отчасти это удалось. Бугай, стоящий напротив неё, прищурил глаз, пытаясь разгадать хитрость. Она замерла, словно готовясь к удару, её противник поступил таким же образом. Тем временем Дамматрику пришлось сделать шаг назад, когда противник попытался ударить его ножом в живот. Ильметре пришлось повернуться, чтобы не подставлять под удар бок. К счастью Оборн, наконец, освободился от трупа и пришёл к ним на помощь. Всё было кончено меньше чем за минуту. Один тихонько стонал, свернувшись клубком под мусорной кучей, второй замолчал, кажется навсегда.

Между тем Вайхель уже снял с шеи Лейсона шарф и вытащил из него стрелку. Оглядев поле боя, он достал из-под плаща ещё одну табакерку, активировал её и бросил в дыру, из которой вылез гангстер с приспешниками. Этого ему показалось мало. Он уперся ногой в выброшенный кем-то комель с гнилой сердцевиной, обрушил его вниз, а затем начал стаскивать и заваливать выход всем, что попало под руку.

— Скорее, дорогие мои, вашего Жука нужно оттащить подальше отсюда. И помогите же мне засыпать лаз!

Оборн схватил Жука под руку. Дамматрик хотел было взяться с другой стороны, но Ильми оттеснила его. Сейчас она вновь превратилась кошку, на сей раз в дикую, а потому не желала выпускать добычу. Так что пришлось красавчику заняться чёрной работой.

Они успели как раз вовремя. Изнутри подземного хода явно напирала целая банда. Земля и мусор вспучивались вокруг комля, точно на кладбище, когда из могил восстают мертвецы. Кто-то из телохранителей криминального босса попытался расширить дыру. Показались пальцы.

Ривси с Дамматриком прикатали камень и вдавили его в землю.

— Уходим! — поторопил их Вайхель.

Они смазали пятки вовремя. Едва успели отбежать на сотню шагов, как сработала последняя табакерка Вайхеля. За спинами раздался грохот, а вспышка на миг подсветила дорогу к каналу, отбросив вперед их длинные тени точно указующие персты.

Ильметра выдохлась быстро. Тащить тело оказалось нелёгким занятием, даже учитывая, что Оборн взял на себя большую часть тяжести. Лейсон всё же был крупным мужиком.

— Надо передохнуть, — сказала она.

На набережной малого обводного канала усталые мстители устроили привал. Тело Лейсона положили на мостовую, сами расселись вокруг. Гангстера от укуса стрелки словно заморозило. Его лицо превратилось в маску и застыло в том выражении напряжённого поиска, когда главарь банды пробивался к свободе, ещё не подозревая об уготованной ему участи. Но глаза сохранили подвижность, бегали с одного из похитителей на другого. И когда обежали всех, в них поселился страх. Многие в Альпорте заплатили бы за то, чтобы увидеть такое зрелище.

— Он всё видит и слышит, всё понимает, но не может даже сглотнуть слюну, — пояснил Вайхель. — Яд парализовал только тело. Так что, юная леди, пока мы переводим дух, можете объяснить ему причину столь скорбной оказии, хотя полагаю, он и без того догадался.

— Тем не менее, я напомню, — зловеще прошипела Ильми.

— Бить его бесполезно, — добавил Вайхель. — Он не почувствует боли.

— Но видит и слышит? — уточнила Ильми.

— Видит и слышит, — подтвердил Вайхель.

— А если кольнуть кинжалом глаз или ухо? — деловито спросила девушка.

— Н-да, похоже я недооценил изощрённость вашего ума, милая дама.

Ильметра пожалала плечами, но колоть гангстера в глаз ей вдруг расхотелось. Напоминать о преступлениях тоже. Вместо неё над Лейсоном склонился Дамматрик. Похоже предложение Ильметры навело его на какую-то мысль.

— Я обещал, что наколю тебя на булавку? — спросил он. — А ты, дурачина, не верил. Думал, блефует Дамматрик, воздух от бессилия сотрясает? Теперь-то уж испытываешь на собственной шкуре, что значит связываться с нашей конторой.

Судя по всему, красавчик сильно перенервничал во время вылазки и теперь его нервы нашли выход в том, чтобы пороть всякую чужь. Во всяком случае до сих пор Ильми ни разу не слышала, чтобы он говорил о себе в третьем лице.

Она уже успокоила дыхание и начала размышлять, что делать дальше, как вдруг Вайхель замер, будто услышал какой-то шум или слово. Лейсон похоже тоже что-то почувствовал. Во всяком случае в глазах гангстера промелькнула надежда. Ривси пошмыгал носом, приняв хиваясь, и многозначительно кивнул. Ильметра же ничего странного не ощутила, а пахло так, как всегда и пахнет рядом с каналом. То есть дерьмом, гнильём и сыростью.

— Дело оказалось сложнее, чем я думал, — тихо произнёс Вайхель.

— У нас проблемы? — спросил Дамматрик, который, судя по всему, тоже ничего не почувствовал.

— Его жизнь, похоже, завязана на сильную магию, — пояснил клиент. — И она слишком напоминает магию моих врагов. Вернее, теперь уже наших врагов.

— Что значит завязана жизнь? — уцепилась Ильми. — То есть, вы не можете его убить?

Ильметру интересовало сейчас только это. Неожиданное осложнение вызвало в ней бурю негодования. Как у ребенка, когда вместо сладкой конфеты он получает лакричный леденец.

— Могу, но это вызовет непредсказуемые последствия.

— Вы обещали! — капризно напомнила она.

— Обещал — сделаю, юная леди, — с лёгким раздражением сказал Вайхель. — Только учтите, что последствия коснутся вас раньше, чем вы насладитесь мстостью.

Он задумался, потом покачал головой.

— Впрочем уже неважно. Вы все равно не будете в безопасности если останетесь в Альпорте. Вас станут искать не просто прислужники Лейсона. С этими силами лучше не связываться. Возможно, имеет смысл покинуть город уже этой ночью.

— Старому бездельнику такой поворот не понравится, — хмыкнул Рив.

Ильметра догадалась, что он имеет в виду Шохальца. Сам-то колдунишка явно не жалел о конуре под крышей на улице Погасших Свечей. И вещей у него было ровно столько сколько помещается в небольшом дорожном мешке. А у неё? Квартира, которую снимал отец, была полна вещей, она даже половины не разобрала, всё надеялась, что Ники вернётся.

— Я никогда не покидала Альпорта, — растерялась девушка. — Ну то есть если не считать выхода в море. Но не отпускать же мерзавца, в самом деле?

— Самое печальное, что это нам ровно ничего не даст. Он понял уже слишком много, чтобы позволить ему уйти. Однако, если прикончим его прямо сейчас, то на нас навалятся без промедления и мало кому не покажется.

— Можно сохранить душегубу на время жизнь, а не свободу, — предложил Рив.

— Верно, — согласился Вайхель. — Это даст нам несколько часов форы. Но вам, Ривси, придётся помочь мне с заклинанием. Мои слишком сильны и привлекут нежелательное внимание.

— Что-то мне ничего не приходит в голову, — проворчал колдунишка. — Намекните хотя бы, в каком направлении думать? Превратить его в жабу, чтобы поместился в коробочке, я вряд ли смогу.

— Сойдёт обычное знахарское заклинание остановки крови. Я слегка подправлю его из-за вашего плеча, так что никто не заметит. Справитесь, я надеюсь.

Вайхель распахнул плащ и снял с пояса кольчужный подшлемник, висящий там точно подстреленный охотником заяц. Подшлемник он нацепил на голову парализованного бандита.

— Пожалуй, так даже лучше, — запоздало согласилась Ильми. — Если он останется в наших руках беспомощным, то...

Она вовсе не ожидала, что клиент примется рубить негодяю шею. Здоровенным таким ножом. Дважды чавкнуло, один раз хрустнуло и голова отделилась от тела. Горло Ильметры сдавили спазмы, но она справилась и даже не отвернулась.

Рив постарался на славу. Крови не пролилось ни капли. Голова лежала в кольчуге как кокос в плетёной сеточке (так их продают на рынках по всему побережью) и моргала глазами от только что пережитого ужаса. Ну что за душка этот их новый клиент!

— Тело лучше бросить в канал, — сказал тот, вытирая тяжёлый нож о полы бандитского халата. — И нужно поспешить пока они не опомнились.

И правда: со стороны мусорной свалки уже слышались гневные окрики и приказы бригадиров, наводящих в потрёпанном воинстве Лейсона должный порядок. Паника быстро сошла на нет.

— Сейчас сюда сбежится весь район, — предположила Ильметра.

— Не думаю, — пробормотал Оборн. — Но все крысы Лейсона сбегутся наверняка. Ещё час-другой будут гоняться за нами, пока не догадаются, что нужно делить наследство. А тогда про нас на некоторое время забудут.

Рассуждая вслух, он выковыривал из мостовой булыжники и запихивал их в карманы безрукавки, за пазуху обезглавленного тела. Ильметра отстранено подумала, что вот как удачно вышло, что голова не мешает, запихивать камни под одежду.

— Я бы поставил на Музыканта, его бригада сильнее, — продолжил Оборн. — Но и Плесень может добиться успеха, если выступит раньше. Лорд Пайтон пожалуй мог бы вмешаться, но сегодня не лучший его день, ублюдок валяется возле отворота с дыркой в боку. Кто у них там ещё? Евнух? Этот сам по себе слабак. Но способен повлиять на расклад, если его группировка примет сторону Плесени.

Закончив краткий анализ, Оборн потянул вверх ворот халата Лейсона и перехватил его шарфом над обрубком шеи, точно завязал матросский мешок. Затем взвалил снаряженное булыжниками тело на плечи и, сделав несколько шагов, мощно, как лесоруб на состязаниях по бросанию бревна, отправил снаряд в канал.

Громкий всплеск послужил им сигналом. Все поднялись на ноги, отряхивая штаны. Дамматрик потянулся за кольчужным подшлемником. Ильметра вновь его оттеснила.

— Голову понесу я. Это моя добыча.

Глава 7. Капитан Тайхар

Океан, что разделял цивилизованную Киеру и дикий западный континент, на имперских картах значился просто Западным морем, в Холларе его называли Северным океаном, но среди моряков прижилось видоизмененное сорпское название — Сланте (от слова "слантеч", что означало просто соленую воду).

Западный континент, который сорпы называли Агаратом, а имперские географы Халиаром, был практически необитаем, если не считать дюжины колоний, которые прилепились к его безжизненным каменистым берегам, точно крохотные пятна плесени к краю громадной стерильной поверхности.

Колонии основали принесенные сюда течением и ветрами рыбаки, китобои и зверопромышленники, сперва сорпские, а позже выходцы с берегов западных провинций, главным образом из Такримура. Ни те, ни другие не стремились обосноваться на бесплодных землях нарочно, но так получилось, что из временных убежищ и зимних стоянок возникли селения, а потом и города.

Выжженный первородным пламенем грунт не рожал ни злаков, ни овощей, ни даже травы для животных, а горные породы не давали ничего ценного, кроме железной руды и небольшого количества угля, что чудом уцелел после древних пожаров. Поэтому и обитали в колониях в основном люди морских профессий, не исключая и самые лихие из них — пиратов, контрабандистов да тех мореходов, что якшаются с темными силами.

Боцман Пикш, здоровенный детина с круглой и гладкой, без единого волоска, головой, поднялся на мостик и, подождав пока Тайхар закончит обсервацию, доложил:

— Матросы недовольны, господин капитан.

Для Тайхара это не стало откровением.

— Они всегда недовольны, Пикш, каждый чёртов рейс, — ответил он. — И после каждого чёртова рейса они уходят, освобождая место другим, которые тоже будут недовольны.

— Всё так, господин капитан, — вздохнул боцман. — Но Хоб, этот головорез из портового района

подстрекает матросов выпустить детей из трюма.

— Бунт? — равнодушно спросил Тайхар, убирая секстант в коробку. — Ерунда. На моем корабле не может быть бунта.

Пикш, до того как прочно обосновался на "Звезде Эйру", трижды попадал в переделки с мятежами, из которых едва выбирался живым. Чудо немалое. Как правило, бунты в открытом море заканчиваются гибелью обеих сторон. Выжившие после резни просто не справляются с управлением и губят корабль вместе с собой. Однажды Пикш пережил долгий изнурительный дрейф в южной части Сланте, когда трое уцелевших моряков остались без еды и воды, а корабль лишился всех мачт. В другой раз он провел месяц на холодном скалистом острове, не имеющим даже названия, куда его высадили разбойники что завладели судном. В третий раз его просто выбросили за борт с ранами в боку и на голове, и хотя до берега тогда было близко, он едва выжил.

Немудрено, что бунты теперь мерещились Пикшу в каждом вольном слове, каждом хмурым взгляде или двусмысленном жесте матросов. Это впрочем, не мешало ему, как боцману, держать людей в повиновении во всём, что касалось службы.

— До бунта, сдаётся мне, дело не дойдёт, — боцман почесал лысую голову и пояснил. — Боятся они вас. Как демона морского боятся. Но делегацию ожидайте, припрут, заразы.

Тайхар взглянул на небо, осмотрел горизонт. Чисто. Ни единого предвестника бури. Обычно авральная работа хорошо прочищала мятежные мозги. Но выдумывать её нарочно не стоило, можно было только усугубить ситуацию.

— Хорошо, Пикш, — сказал Тайхар. — Я переговорю с матросами, если они придут, почему нет?

— Воля ваша, господин капитан, — пробурчал тот. — А только я повесил этого Хоба, будь он неладен, на рее. Ну, или выпорол бы как следует, на худой конец. Такие как он, хоть мозоль на языке заработай, всё одно слов не понимают...

— Нет, Пикш, на моём корабле ничего такого не будет.

Пикш хотел сказать ещё что-то, но тут на мостик поднялся старший помощник Адрен и боцман ушёл.

В Суровое море (оно же Ледовое), которое занимало северную часть Сланте, мало кого из мореходов заносило по воле случая. Ещё меньше находилось тех, кто осмеливался намеренно направить корабль в его воды. И лишь один Тайхар делал это раз в месяц. В любой сезон, в любую погоду. Одиннадцать дней хода до Орехового Острова, одиннадцать дней обратного пути, неделя с небольшим отдыха между рейсами. Уже четвертый год. Без перерыва. Любой моряк скажет, что невозможно точно предугадать, сколько времени займет плавание. Погода дело непредсказуемое. Мало того, суеверие не позволяет назвать вслух даже примерное число дней. Но по рейсами "Звезды Эйру" можно было сверять календарь. Одиннадцать дней в каждую из сторон. Не больше, не меньше.

Тёмные с белыми бурунами волны, постоянный северный ветер, заходящий иногда к западу, иногда к востоку — вот привычный пейзаж вокруг корабля. Зима ещё не пришла, но в этих водах смена сезона почти не ощущалась. И летом, когда в других местах спокойно, и весной, когда южнее свирепствуют бури, в Суровом море было одинаково мерзко. А кроме погоды здесь обитали гигантские морские твари и плавающие ледяные горы, а севернее начинались паковые льды, которые никогда не тают, но зато движутся и запросто могут запереть корабль в ледяной ловушке.

Много опасностей подстерегало морехода в Суровом море. Но морские твари не трогают "Звезду Эйру", как и бури не ломают мачты корабля, а ледяные поля не затирают его корпус. Такова сделка. Она обеспечивает сравнительную безопасность и приемлемые ветра, какими можно идти в галфвинд и без которых пришлось бы добираться до нужного места месяцами.

Впрочем, насколько известно Тайхару, ни одному кораблю, что в былые времена пытался достигнуть Орехового острова, не удалось вернуться. Остров лишь иногда видели издали, а назвали так не потому, что заметили на суше ореховое дерево или рощу, а из-за мощного артефакта в форме ореха, который корабельному колдуну пришлось пожертвовать, чтобы выкупить жизнь моряков и убраться из этих мест подобру-поздорову.

Из дальних далей Сурового моря вообще возвращались единицы. Редкий моряк после такого приключения ступал на палубу корабля раньше, чем выпивал бочку крепкого сорпского мальта. А некоторые и вовсе коротали остаток жизни в тавернах, рассказывая за выпивку о ледяных горах, огромных волнах и ветрах, что вдруг меняли направление и клали корабль на борт. О щупальцах, что выползали из темной воды на палубу в собачью вахту и утаскивали зазевавшегося матроса.

Матросы, что плавали на "Звезде", тоже редко возвращались на корабль после рейса. Но по иной причине.

Трюмы "Звезды" были заполнены детьми. Груз детей. Все четыре года работы капитана Тайхара передергивало от этих слов. Какое, однако, мерзкое сочетание — груз детей. Сродни другому мерзкому сочетанию под названием живой товар, но гораздо более изощрённому в своей гнусности. Тайхар никогда не согласился бы на перевозку рабов, какие бы деньги за это не обещали. Почему согласился возить детей?

Потому что рабами они не были. Потому что он остро нуждался в средствах. Потому что только благодаря

делке он получил корабль, который стал его домом. Он успокаивал себя, что не возьмись он за эту работу, её выполнил бы кто-то ещё. Но потом понимал, что это примитивная отговорка, какая не способна обмануть совесть благородного человека.

Иногда Тайхар ощущал себя Скорбным Возницей, что развозит мертвецов по многочисленным пещерам Великой усыпальницы Чименто. По традиции, после всенощного отпевания и непрерывного плача, родственники приносят завернутые в саваны тела к Усыпальнице и складывают в повозку, запряженную двумя черными мулами. Каждое утро Скорбный Возница берет мулов под уздцы и входит в подземелье с первым лучом солнца, который, опять же по традиции, должен ударить ему в спину.

Вот ведь какое дело. Капитан ни разу не был в Чименто, не видел ни Великой Усыпальницы, ни Скорбного Возницы. А между тем, аналогия, возникшая в голове, казалась ему настолько отчётливой, будто он прожил в бывшей имперской столице добрую половину жизни.

Тварь нашла его в темном углу портовой таверны под названием "Змея и якорь", где он как раз обменял последнюю серебряную монету на хороший ужин и ночлег. Ещё неделю можно было жить в долг, а потом... За кружкой пива Тайхар как раз обдумывал, что ему делать дальше? Достойной работы в Киле предлагалось немного. И почти вся она была связана с морем. Наняться на корабль? Кем? Он неплохо знал морское дело, хотя большей частью в теории. Но штурманом или помощником капитана его не возьмут. На такие места устраиваются или по протекции, или после долгой службы на менее почетной должности. Ни протекции, ни стажа у Тайхара имелось. А матросом его не возьмут, лишь взглянув на холёные руки. Никто не захочет оказаться с бездельником или неженкой на борту. Оставался вариант пристать к пиратам. Бойцы у них ценятся, а Тайхар неплохо управлялся с клинком. Однако идею пойти в охранники к какому-нибудь местному богатею он даже не рассматривал.

Допивая пиво Тайхар принялся искать взглядом корчмаря, чтобы повторить заказ, тут-то и заметил вдруг фигуру, что уселась за стол напротив него. Фигура, как и положено посланцам тёмных сил, была в сером балахоне со скрытым под капюшоном лицом. То что это тварь, а не человек, Тайхар почувствовал сразу. Умел он с детства ощущать силу, исходящую от колдунов, разных чудовищ и нечисти. Обратней, упырей, суккубов.

— Тебе нужны деньги, человек, — заявила тварь глухим как из бочки голосом. — Мне нужна услуга.

На стол шлепнулся кожаный кошель. Когтистый палец высунулся из просторного рукава, рука медленно двинулась вперёд и кошель оказался возле Тайхара. Будущий капитан, однак, не притронулся к нему и даже не опустил на кошель взгляд. Тварь это нисколько не задело.

— Услуга простая, — произнесла она. — Каждый месяц забирать груз на Пиратском пирсе и переправлять его на Ореховый остров.

Тайхар опять промолчал. Если бы дело касалось обычной контрабанды, тварь легко бы нашла желающих. Почти весь город так или иначе промышлял незаконным промыслом, потому что здесь, в Киле, он не считался незаконным. Город не держал ни таможи, ни портовой полиции. Что и кому ты будешь доставлять дело твое. Город взимал лишь портовый сбор с каждого зашедшего в гавань корабля и с каждого сошедшего на берег человека. Правда пиратов и разбойников здесь вешали, как и в других странах, но только если поймают с поличным.

— Груз живой, — сказала тварь и после паузы решила добавить: — Не рабы. Не по принуждению.

Дети всё время молчат. Они молчат появляясь из грота, молчат восходя на скрипучий от старых досок Пиратский пирс, молчат при погрузке, молчат дорогой, и не произносят ни единого слова, сходя на берег Орехового Острова. Они бредут, не оборачиваясь по песчаной полоске земли, и исчезают в густом лесу навсегда. И так рейс за рейсом. Сотни детей за один раз. Тысячи за год. И он, капитан, словно Скорбный Возница.

— Дьявол! — ругнулся вслух Тайхар от навязчивого сравнения.

— В чём дело, шкип? — тут же отозвался старший помощник Адрен.

— Забыл в каюте часы, — сказал капитан, не желая выдавать свои мысли.

Помощник был немного не от мира сего. Наверное поэтому и подписался на проклятый рейс. С него в Киле никто не спросит.

— У нас вовсе не плохой хронометр, — кивнул Адрен на упрятанный в медь и дерево прибор.

— Привык к своим, — пожал Тайхар плечами и используя подвернувшийся повод покинул палубу. — Мостик ваш, Адрен.

— Мостик мой, сэр.

Его судно в порту зовут не иначе как Проклятым. Пржнее название "Звезда Эйру", до сих пор видное на корме, не упоминает никто, даже говоря о прошлом корабля, когда он возил обычные грузы и принадлежал другому владельцу.

Ни один хозяин ни одного другого судна не осмелилось бы подписать подобный контракт. Хотя нет, пожалуй,

Седая Ведьма взялась бы, такую оторву ещё поискать, но как раз в то время, когда в Киле появилась тварь, легендарная капитанша ушла на своей "Бабочке" к далеким южным островам. Она вернулась, когда контракт уже подписал Тайхар и, как он подозревал, затаила на него злобу.

Все остальные, если верить слухам, отказались наотрез. Они могли себе позволить отказ. Как и прежняя команда "Звезды", которая сошла на берег после покупки, едва узнав, что именно им предстоит возить.

На "Звезде" собирались те, кто отказаться не мог. Только большая нужда заставляла матросов наниматься на судно, только черная метка, выданная прежним владельцем, не позволяющая наняться на добрый корабль. Тайхар платил втрое больше прочих хозяев и плевать хотел на рекомендации. И всё равно часто выходил в море с недоукомплектованным экипажем. Большинство из тех, кто все же решался, заработав на рейсе, берут расчёт сразу по возвращении. Почти никто не нанимается дважды. Даже самые отпетые головорезы. Молчание детей прочищает мозги лучше, чем стоны рабов из-под палубного настила.

Кроме экипажа "Звезды", да и то только вахтенных, никто и никогда не видел судно под погрузкой. Пиратский пирс считался таким же дурным местом, как и Колючий Камень, под которым по местным преданиям покоилось исконное зло. Хотя матросы, что списались с корабля, не слишком охотно говорили о странной службе, и даже изрядно выпив, предпочитали уходить от расспросов, слухи наполняли Килу. Они брались неизвестно откуда и ходили один другого мрачнее. Вспоминали, например, старую сказку о заклинателе змей, которому власти одного южного города, страдающего от гадов, не заплатили за работу и заклинатель в отместку увёл из домов горожан всех детей.

Капитан этой байке, конечно, не верил. Он происходил из образованной семьи и знал, что легенда о заклинателе имеет под собой историческую основу, к змеям не имеющую отношения. Вербовщик сманивал в городах малолетних мечтателей и уводил их во владения одного тарсийского вельможи, который создавал из парней тайную армию. На кого он собирался напасть, так и осталось неизвестным. Возможно на самого императора. Но не напал. Его армия полегла от внезапно вспыхнувшего мора, возможно насланного придворными колдунами.

Боцман Пикш имел собственную версию. Возможно, именно она и примирила старого морехода со службой на Проклятом корабле. Пикш один из немногих, кто ходил на "Звезде" постоянно. В перерывах между рейсами именно на него Тайхар возлагал заботы о ремонте, заготовке припасов. Кроме того, боцман, знающий в городе каждого, способного отличить бакштаг от бакштова, занимался поисками следующей порции неудачников.

На Ореховом острове, считал Пикш, обитает гигантский дракон. Только постоянные жертвы держат его в относительной сытости и удерживают на острове. Если же вдруг дракон почувствует голод, он поднимется в воздух и тогда не только Киле, но и вообще всему миру придётся туго.

В качестве довода боцман приводил бесплодную землю ападного материка. Резон в его словах имелся. Агарат, как называли западный материк первооткрыватели сорпы, или Халиар, каковым значился он на имперских картах и лонциях, представлял собой безжизненную каменистую пустыню. Здесь не росло ни деревьев, ни кустов, ни травы. Не летали птицы или насекомые, не обитали звери, кроме тех, что появлялись из воды.

Всё прочее, что ныне росло или бегало на этих берегах, завез сюда человек. Причем поначалу приходилось завозить даже почву, потому что на камне совсем ничего не приживалось. Не удивительно, что до сих пор основной рацион местных жителей составляли дары моря. Овощи, молоко, мясо стоили больших денег. В изобилии были лишь куры, которых научились откармливать морскими блохами, кишачными на выброшенных водорослях.

Так вот, опираясь на скудные познания в натуральной философии, Пикш утверждал, что когда-то в Агарате жили люди. Они строили города и порты, выращивали пищу, пасли скот. Но по какой-то причине не поладили с драконом. И дракон с Орехового острова выжег здесь всё до самого камня. Пикш был уверен, что дракон прилетит вновь, и вновь выжжет, если не получит вовремя жертву. Возможно виной тому неутоляемый голод, возможно что-то иное. Капитана же Пикш считал героем, вынужденным тащить на себе проклятие, презрение и груз ответственности за весь несправедливый мир.

Тайхар был благодарен Пикшу за поддержку. Но в красивую версию с драконом он тоже не верил.

Иногда капитану казалось, что дело не в странных детях, которых ему пришлось перевозить, а в нём самом. Слишком много ненужных условий выдвинул тайный заказчик. Например, Тайхару нельзя было нанимать другого шкипера и отправлять вместо себя. Он обязательно должен был вести корабль сам. Зачем?

С другой стороны, он давно отработал аванс, выданный на покупку корабля, а значит мог расторгнуть сделку в любой момент. Расторгнуть без малейших последствий. Заняться более приличным промыслом. Возить контрабанду в Киеру, предпринимать походы в южные моря за специями, фруктами, маслом и тканями.

Но он не делал этого. И не в деньгах было дело. Не только в деньгах. Он чувствовал что должен нести эту ношу. А почему должен и кому должен, пока ответить не мог.

Волны ещё не достигли обычных для Сурового моря гигантских размеров. Пользуясь этим, Тайхар растопил в капитанской каюте небольшую чугунную печь и поставил кофейник греться. Паруса забирали весь ветер и тяга

была отвратительной. Агаратский уголь и сам по себе горел плохо, давал много дыма. Но даже имея средства Тайхар никогда не топил деревом. В Киле это было сродни святотатству.

Дерево в Киле, как и по всему побережью, считалось редкостью. Несмотря на течения, идущие от Киеры, плавник редко выносило на берега Агарата. Всё что удавалось собрать, шло на строительство и ремонт домов, портовых сооружений, кораблей, изготовление мебели. Деревя всегда не хватало, поэтому обычным делом для моряков было привозить из Киеры доски, брус, даже обрезки, найденные на пустырях. Живые деревья тоже везли из портов Киеры, часто вместе с землей. Приживались они плохо и росли лишь во двориках частных домов и городском парке. Не возникло здесь за долгие годы ни лесов, ни рощиц.

Зато каменный уголь имелся в земле в достаточном для немногих поселений количестве. Его добывали сразу несколько паевых товариществ и продавали горожанам для отопления, а мастерам для выплавки чугуна и выделки железа. Руда здесь тоже имелась в достатке, что только и позволяло теплиться местной экономике, наряду с морскими промыслами. За сотни лет колонизации, люди далеко от берега не ушли. Предпочитали селиться небольшими общинами возле удобных бухт.

Только империя попыталась поставить дело на широкую ногу. В её колонии землю, животных, растения завозили огромными кораблями вместе с людьми. Это был чисто имперский проект — воткнуть знамя с драконом в новую территорию. Ведь в Халиаре, как называли континент имперцы, не с кем было торговать, некого было завоевывать, а железную руду и уголь гораздо проще было доставлять из разведанных месторождений Киеры и Великой Тарсии.

Но даже империя смогла основать лишь дюжину колоний на самой кромке бесплодного континента. Дальше на запад по-прежнему простиралась бесконечная каменная пустыня и ни один натуралист не смог достигнуть её конца. Некоторые ученые предполагали, что Халиар соединен с Великой Тарсией, а значит и с Киерой. Но доказательств добыть не сумел никто. Многие так и остались вместе с мулами и слугами лежать на мёртвой земле нетленными телами, ибо если нет птиц и зверей, то нет и стервятников, и могильных червей, и прочего, что питается падалью.

Делегация явилась, когда капитан закончил заваривать кофе. Он принял матросов в своей каюте, демонстративно устроившись в плетеном кресле и прикрыв пледом ноги. В его руке была дорогая фарфоровая чашка, а набитая дорогим табаком трубка из бриара дымилась на специальной подставке в виде обнажённой женщины. Встречаясь с подчиненными, Тайхар всегда подчеркивал превосходство в статусе — дорогой вещью, умным словом, изящным жестом, хотя в обычной жизни никогда не стремился пустить пыль в глаза. Он как бы выстраивал дистанцию, обозначал, кто здесь хозяин, а кто может быть только просителем.

Заправлял недовольными матросами Хоб. Он и вошёл первым и, кажется, был на судне единственным, на кого демарш не произвел впечатление. Его товарищи потупили взгляды и многие из них наверняка уже подумывали, что зря влезли в дело.

Хоб нагло улыбался, ничуть не боясь капитана. Он ни во что не ставил его должность. Парень, выросший в хаосе портового района, с детства привык полагаться только на собственные силу и ловкость. И тем и другим природа Хоба не обделила. Обделила она его пониманием того, что без капитана любой корабль быстро пойдет ко дну. Впрочем и сила с ловкостью не были чрезмерными, Тайхар сразу решил, что сладит с Хобом даже голыми руками. А вот что его действительно озадачило, так это, откуда у такого головореза возникли альтруистические побуждения?

— Команде не нравится, капитан, то, чем вы занимаетесь. В городе...

— Вы знали обо всем, когда нанимались на судно, — оборвал зачинщика капитан. — Пикш разве не предупреждал вас?

— Предупреждал, — ничуть не смутился зачинщик. — Но это не значит, что мы не можем исправить дело.

— Так вы собираетесь освободить детей, Хоб? — спросил Тайхар.

Он сделал паузу, чтобы плотнуть кофе. Матрос молчал. Его сообщники продолжали изучать палубные доски капитанской каюты.

— Может быть, вы видели оковы на их руках, замки на люках трюма? — продолжил капитан. — Может, заметили конвоиров или тюремщиков?

— Дети зачарованы, как пить дать, — ответил Хоб.

Похоже он не собирался уступать. Тайхар без спешки взял трубку и затянулся, выпустив в каюту облачко ароматного дыма. Женщина-подставка без трубки выглядела ещё более неприлично.

— Зачарованы? Допустим, — согласился Тайхар. — В этом есть смысл.

Он ещё отпил кофе, задумался, а затем резко спросил:

— Тогда может быть ты умеешь чаровать, Хоб? Можешь развеять чужое колдовство? Или может быть знаешь того, кто умеет?

— Нет, — матрос помотал головой. — Но мне всё равно не по душе ваше ремесло, господин капитан.

Он допустил ошибку, заменив "голос команды" личным мнением.

— Это моё ремесло, а ты занимайся своим, Хоб, — отрезал Тайхар.

— Все наверно! — заорал с палубы боцман и засвистел в дудку. — Все к парусам!

Матросы не поднимая глаз развернулись и выбежали вон. Лишь Хоб на лишнюю секунду задержал на капитане взгляд.

Глава 8. Имперская дорога

Альпрот во все времена жил самодостаточной жизнью. Многие его обитатели ни разу не выбирались за пределы города. В этом просто не было необходимости. Корабли привозили все нужное, остальное поставляли на рынок селяне. Город давал какую-никакую безопасность, предоставлял кров, работу, развлечения. Мало того, многие жители проводили всю жизнь не покидая пределов своего района. Даже капитаны, избородившие половину известного мира, часто не видели ничего за пределами своей улицы и рыночной площади.

Когда компаньоны выбрались за город, то прежде всего их поразил воздух. Без запаха рыбы, корабельного вара, нечистот обводных каналов, сизого дыма от сгораемого в каминах дерева или торфа. Но и на морскую свежесть, знакомую каждому жителю Альпорта, загородный воздух был непохож. Здесь царили иные ароматы — навоз, грибы, прелые листья, мокрая солома.

— Осень, — сказал Оборн, единственный из них, кто по служебным делам выбирался за город довольно часто. — Весной пахнет иначе, а зимой... зимой пожалуй не пахнет никак. Или пахнет костром, если вы разведете костёр.

Покидали они Альпорт в большой спешке. В значительно большей спешке, чем обещал Вайхель. Уже на середине той памятной ночи, на них крепко надели. Доверенные люди Оборна доложили, что десятки подонков всех мастей (как принадлежащих различным бандам, так и свободных наёмников) вынюхивают в кабаках, притонах, тавернах, кто мог стоять за нападением на оплот Лейсона? Заведения к тому времени почти опустели, так что среди обычных горожан слухи могли расползтись только утром, что давало беглецам время уйти подальше. Не то чтобы они удачно распорядились этой возможностью. Шохальц уходить не спешил, тянул до последнего, точно надеясь на чудо, которое позволит сохранить привычную размеренную жизнь. Кроме того, им требовалось закончить ряд дел. А поскольку ночью обычным порядком дела не делались, пришлось импровизировать.

Хорошо, что рассвет в осеннюю пору начинался довольно поздно даже у них на юге, но всё равно времени едва хватило на всё.

Ювелира Н'тагу, что родом из оазиса Узу Карт, подняли с постели Дамматрик и Оборн. Полчаса темнокожий торговец приходил в себя, убеждаясь, что к нему ломались не грабители, а напротив люди достойные, предлагающие к тому же выгодную сделку. Единственное условие сделки — купить бриллианты немедленно. Проверив образец на подлинность, для чего ему пришлось запалить десяток свечей и достать самое крупное увеличительное стекло, Н'тага сообразил, что ночные клиенты пребывают в затруднительном положении. В результате им пришлось отдать хелтскому ювелиру двенадцать камней по цене восьми.

Почтенному нотариусу Загнеру тоже изрядно сократили сон. Пузырь даже на краю гибели заботился о репутации. Он не желал прослыть человеком, не отвечающим по обязательствам, а потому перепоручил старому контрагенту кучу дел. Оставленная нотариусу сумма с лихвой возмещала возможные потери и могла заткнуть рты любым кредиторам. Ильметра отправилась вместе с боссом, не столько охраняя его от возможных разбойников, сколько присматривая, чтобы тот пошевеливался и, боги упаси, не попытался улизнуть.

А ещё им следовало купить лошадей, повозку, хороший тент и прочее снаряжение для остановок под открытым небом. И всё это ночью, всё в спешке, за всё изрядно переплачивая. Подготовкой снаряжения занялись наиболее надёжные подручные Оборна — Индо и Живец.

Дело усугублялось тем, что драка за наследство главаря, на что очень рассчитывали Оборн и Вайхель, так и не началась. Кто-то спокойно, твердой рукой управлял потерявшей хозяина криминальной империей. Это стало для товарищей неприятным сюрпризом.

Вайхель, пообещав предпринять некоторые шаги, исчез. Рив в одиночку оставшиеся час или два готовил отход. Он создавал фантомный след, призванный увести возможную погоню на северо-восток в сторону перевалов в Щитовых горах. Для устройства дымовой завесы пришлось использовать большинство местных помощников, в том числе и Живца с Индо, а потому уходить им предстояло без поддержки, налегке. Но прежде следовало уговорить Шохальца.

Тот неожиданно заартачился. Начал выдумывать какие-то вздорные поводы, чтобы остаться в Альпорте. Компаньоны допустить этого не могли. Босс вряд ли смог бы откупиться от бандитов, на что он очевидно рассчитывал. Кроме того, он слишком много знал о каждом из товарищей, об их планах, а преследователи наверняка вытрясли бы из него всё что можно. Только за полчаса до рассвета Пузырь соизволил отдать приказ. Если уж честно, то приказ этот Оборн получил только приставив к горлу хозяина нож и обещая сдать его банде Лейсона, в обмен на выход из города. Они разминулись с гангстерами на какие-то минуты. С первыми лучами

солнца особняк товарищества окружило сразу несколько отрядов головорезов. Поначалу боевики держались поодаль, чего-то ждали. Или кого-то. Но Оборн, который нарочно отстал от товарищей, чтобы понаблюдать за противником, срисовал и вычислил всех.

Товарищей он нагнал уже за городом.

— Осень, — повторил Оборн.

То ли фантомный след Ривси, то ли тайные мероприятия Вайхеля, позволили им отойти подальше от города без особых проблем. Трое из них ехали на лошадях верхом, а двое (Шохальц и Ривси) втиснулись в кибитку, доверху нагруженную вещами и съестными припасами. Хойти добровольно остался на хозяйстве, так и не ступив ни шагу за порог особняка. Старого слугу в планы не посвящали, так что он не мог ничего рассказать даже под пытками. Ничего, кроме факта визита Вайхеля. Сам Вайхель в виду окончания ночи полной луны, отбыл восвояси, где бы эти "свояси" не находились. Впрочем они договорились с клиентом о встрече на постоялом дворе в городке Перкуния, что располагался на пути к западной части Холлара.

Миновав северные городские ворота, они уже через несколько часов выехали на мощеную имперскую дорогу, что вела когда-то от Чименто ("столица империи, политический центр всего цивилизованного человечества, очаг мировой культуры и прочая, и прочая") к портовому городу Бинай, который империя в своё время построила на месте рыбацкой деревушки и, в попытках принизить древний Альпорт, провозгласила административным центром одноименной провинции, а заодно и базой южного флота.

Дорогой теперь пользовались исключительно для местного сообщения, так как связь с империей прекратилась, горные перевалы, тоннели и мосты в Щитовых горах, созданные некогда величайшим инженером Ват Шо Орном, частью обрушились, частью превратились в западни. Теперь там обитали разного рода разбойники и душегубы, а нередко плели свои гнёзда тёмные силы, которых побаивались даже разбойники с душегубами.

Изгой вроде них обязательно побежали бы в сторону Чименто. Если не углубляться в горную систему, не уходить за перевалы, в мрачные ущелья, а довольствоваться южными склонами Первого Щита, то риск нарваться на что-то опасное был невелик. Зато беглецы могли укрыться там даже от магии, а в небольших долинах обитало достаточно живности и росло достаточно плодов, чтобы прокормиться. Тамошние обитатели сами происходили из многочисленных беглецов и никогда не стали бы помогать преследователям в поисках. Туда и проложил ложный след Ривси, а подручные Оборна пустили по городу нужный слухок, едва открылись питейные заведения.

Но разумеется, компаньоны и не подумали скрываться в отрогах Щитовых гор. У страхового товарищества теперь появилась особая миссия, которую скрываясь в пещерах не выполнить, поэтому они отправились по имперской дороге на запад, то есть в сторону Биная.

Три дня отряд удирал с относительным комфортом, останавливаясь в трактирах и на постоянных дворах, давая отдохнуть лошадям и собственным задницам. Погоня не наседала на пятки, засад на дороге не встретилось, всё было тихо. Везение не могло продолжаться слишком долго. Противник, наконец, сообразил, что его надули и предпринял более тщательные поиски беглецов. Сами они узнали об этом в дороге, когда сработал сторожевой амулет Ривси.

Кибитка неожиданно встала, даже не свернув на обочину, а колдун выпрыгнул из неё, словно из пещеры с чёрными шершнями. Вслед за этим из окна высунулся Шохальц. Весь красный, он принялся кашлять и проклинать спутника.

— Мерзкий ты коротышка! Маленький ублюдок! Вздумал уморить меня своей вонью? Проклинаю тот день, когда судьба привела тебя на порог моего дома! Лучше бы ты сдох в нищете и осквернял своим смрадом уличную канаву!

Всех, кто ехал верхом, зрелище заставило рассмеяться и хохотали они до тех пор, пока отголоски зловония не коснулись их гордых носов. Всё дело в том, что Ривси, склонный вздремнуть при каждом удобном случае, давно искал абсолютно надёжный сигнал тревоги. Ни от одного из привычных звуков, используемых колдунами, вроде звона колокольчика, крика чайки, или даже рёва длиннорукой обезьяны, он не пробуждался наверняка. Особенно после хорошей пьянки. Поэтому несколько лет назад Ривси догадался поработать с запахами. И добился успеха. Когда его амулет портил воздух, проснуться мог даже мертвец.

Так или иначе, теперь им пришлось поспешить. Проветрив повозку, отряд пропустил так, что следующие два дня двигался почти без остановок. Они пропускали станции, города и села, чтобы погоня не смогла расспросить очевидцев. Свежую пищу покупали только у встречных охотников и браконьеров, а отдыхали прямо на обочине или смотровых площадках имперской дороги, которые в осеннее время обычно оставались пустыми.

Хотя они получили три дня форы, это вовсе не означало полную безопасность. Южный берег представлял собой полосу земли, зажатую между морями и Щитовыми горами. Ширина этой полосы была различной, иногда сужаясь до нескольких миль, иногда расширяясь до целой сотни. В условиях столь ограниченного пространства, преследователям не требовалось особых усилий, чтобы уверенно держать след.

Для беглецов дело осложнялось ещё и тем, что с гор к морю сбегало множество рек. Они издревле привлекали людей плодородными поймами, но они же и становились препятствием для передвижения суши. Города побережья предпочитали морские пути, местные жители прокладывали собственные дороги вдоль берега моря, а реки обычно переходили вброд по дну мелководной, но широкой дельты. Такая переправа сильно зависела от погоды. Причём не от местной погоды, а от погоды в горах. Нередко случалось так, что на побережье светило солнце, а в горах гремела гроза или валил снег. Река внезапно вспухала, вода тащила с собой камни и за несколько минут тихая дельта превращалась в сухую мясорубку. Застигнутые врасплох подводы, лошадей и людей перемальвало и уносило в море. А там их ждали стаи голодных акул и куда более мрачных тварей глубин.

Имперские же инженеры вместо того, чтобы мостить каждый год заново топкую пойму рек, предпочитали строить сразу на века. Поэтому они пробивали дорогу по склонам хребта, перебрасывая надежные мосты над узкими ущельями. Правда их "на века" всё же не оказались вечностью. За несколько десятилетий оставленная без присмотра инженеров дорога пришла в упадок. Сами собой появились заросли камнеломки, образовались промоины, трещины, нередкими стали обрушения мостов или нависающих над дорогой скал, а также завалы, вызванные камнепадами и селевыми потоками. Местные сообщества устарились от государственных повинностей и ремонт лёг на плечи самих путников, то есть производился по самому минимуму, лишь бы пройти самому.

Зато с имперской дороги открывались порой шикарные виды на море и горные долины. Учитывая это строители предусмотрели множество обзорных площадок, где господа путешественники, курьеры, военные и чиновники могли отдохнуть, разогреть пищу на открытом очаге, а потом выпить бокал вина, созерцая прибой, птиц, ныряющих за добычей, или игру серых китов. Войска же могли устроить здесь бивуак, поскольку найти подходящее для лагеря место среди гор не так-то просто.

— Корабль, — сказал Ривси, рассматривая море в зрительную трубу.

Дамматрик отложил книгу, убрал ноги с парапета и тоже всмотрелся в горизонт. Паруса он, однако, обнаружил гораздо ближе, чем в сизой дымке, скрывающей слияния моря и неба. Двухмачтовый корабль шёл в прибрежных водах, пробираясь через скопление мелких рыбацких лодок, как акула сквозь косяк сельди.

— Странно, — сказала Ильми. — Обычно шкиперы не рискуют приближаться так близко к берегу при южном ветре. Запросто может прижать к скалам или выбросить на мель внезапным порывом.

— Они не просто так приближаются, они расспрашивают рыбаков, — сказал Ривси, всё ещё наблюдая за кораблем в трубу.

— Вот как? — оживился Оборн.

В то время как остальные предавались безделью сидя на дубовой скамье перед парашетом, он возился у очага, поджаривая над огнем только что ошипанную птицу. Рыба, что продавалась уже в нескольких милях от берега, у любого альпортца могла вызвать лишь отвращение. Выглядела она точно пролежала на солнце неделю, и ни один уважающий себя горожанин подобную есть бы не стал. Такую у них использовали разве что, как приманку для крабов, креветок или лангустов. Зато дичь в горных лесах водилась отменная. И к ним, что важно, она попадала сразу после охоты. Поэтому отобедать они решили парой куропаток, приобретенных прямо на имперской дороге.

— Разреши мне взглянуть, — попросила Ильметра.

Ривси неохотно протянул ей трубу.

— Да ладно, — усмехнулась девушка, заметив его реакцию. — Если уроню в пропасть, купишь себе другую.

— Эта фамильная, — пробурчал колдун.

Ильметра некоторое время всматривалась в корабль, то ли изучая оснастку, то ли пытаясь увидеть людей.

— Это "Морской леопард", — сказала она, наконец. — Лучшая бригантина Лейсона, насколько я знаю. Не слишком вместительная, но ходкая. Для контрабанды самое то... или для переброски людей.

— Думаешь они ищут нас? — спросил Дамматрик.

— Нет, хотят прикупить у рыбаков анчоуса по дешевке, — фыркнула Ильметра.

— Они могли бы перегружать контрабанду, — обиженно возразил Дамматрик.

— Слишком далеко от Альпорта.

— Надо бежать, — подал голос Шохальц.

Обычно босс дремал на остановках, наслаждаясь отсутствием тряски. Но близкая опасность смогла пробудить и его.

— Сперва отобедаем, а потом решим, как поступить, — возразил Оборн. — Те что позади, ещё далеко, а те, что на корабле до следующего утра вряд ли высадятся.

— Они могут зайти гораздо дальше к западу и устроить засаду.

— В любом случае нам лучше хорошенько поесть.

Куропатки вскоре были готовы, Оборн снял с кибитки корзину с продуктами, бутылку с вином, достал из ларца несколько ломтиков уминского хлеба. Он, кстати, заканчивался. Хлеб тоже пришлось покупать накануне побега

посреди ночи в Альпорте и вряд ли до самого Биная они смогут пополнить запасы. После распада империи правильный рецепт приготовления сохранили лишь несколько мастеров. Хлеб этот был пропитан особо приготовленным спиртом, благодаря чему всегда оставался мягким. Правда его следовало хранить в плотно запечатанном ларце, а после извлечения требовалось подержать на воздухе несколько минут. Но зато потом хлеб нельзя было отличить от свежего.

— Куропатку положено есть с виноградом, но винограда нет, есть изюм, — сказал Оборн, как бы извиняясь. — Зато его много.

Они наскоро, но плотно перекусили, обглодали каждую косточку, отлично понимая, что возможно долго еще не смогут нормально поесть. Птички только в перьях выглядели упитанными, а на поверку оказались невелики, но изюм и хлеб сделали обед достаточно сытным.

— Где они могут пристать к берегу? — спросил Даматрик, протирая руки ветошкой. — Чёрт, проклятые имперцы не позаботились о фонтане с водой. И они ещё называли варварами тарсийцев.

— Здесь был родник, — сказал Оборн, делая глоток из кружки с вином. — Вон у того камня. Но он пересох лет десять назад. Богам положено приносить требы, иначе они оставят вас с носом.

— Они бросят якорь в Орне, — предположила Ильметра, имея в виду бригантину, а не богов. — Там хорошая гавань. Хотя на лодках могут высадить людей где угодно.

— Лошадей с лодок не высадишь, — заметил Оборн. — А пешими они нас не достанут.

— Велика ли забота, добыть лошадей? — удивился Даматрик. — Они же бандиты!

— И настроить против себя местных? — Оборн пожал плечами. — А купить так просто не выйдет, тем более в разгар сбора урожая. Надо идти на рынок, а он в Орне. Вот и получается, что города им не миновать.

Орн был первым крупным городом на их пути. Первоначально они планировали задержаться в нём на день-два, чтобы узнать новости из Альпорта, но теперь планы следовало пересмотреть.

— Допустим Орн, — кивнул Даматрик. — Мы просто обойдем его и отправимся сразу к Перкунии.

На их счастье Имперская дорога до самого Биная в крупные селения не заходила. Инженеры прокладывали её так нарочно, чтобы армия не застревала на тесных улочках, рекруты не прятались по подвалам, а господа чиновники или курьеры не пропадали в кабаках и публичных домах.

— По имперской или по приморской? — спросил Оборн.

— Хороший вопрос, — кивнул Ривси и бросил в рот горсть изюма. — Очень хороший.

Равнинная часть страны за Орном сильно сужалась. Горный отрог подступал к морю на каких-то десять миль и эту узкость пересекало несколько рек и ручьёв, в том числе довольно крупная река Сарна, образующая на протяжении почти всего пути непреодолимую преграду из стремнин, порогов и водопадов, и только возле самого моря разливаясь широкой дельтой. В случае высадки десанта бандой Лейсона, две плохие дороги превращали это препятствие в западню. Имперская дорога шла севернее и пересекала Сарну в узком месте по старому каменному мосту. Лет десять назад со скалы сорвался громадный камень и обрушил часть моста, так что разъехаться на нём стало невозможно. Тем не менее путь был достаточно широк для повозки или кареты. Приморская дорога пересекала реку вброд со всеми проблемами такой переправы.

Однако устроить засаду было проще на горной дороге, где много поворотов и узких мест. Обходные тропки там имелись, но многочисленные ущелья и трещины пришлось бы переходить по висячим мостам или даже переброшенным стволам деревьев. Верхом или тем более в кибитке там не пройти.

Возле моря, если не считать переправы, простор для маневра был куда больше — дороги ветвились, заглядывая в каждую деревушку, на каждый хутор, не пропуская мельницы, пасеки, сенокосы и пастбища. К тому же здесь чаще появлялись отряды милиции или рейнджеры местной знати, готовые прийти на помощь попавшим в переплет путникам.

— Кибитка быстрее проскочит по имперской дороге, — предположил Даматрик. — Она мощеная, там не застрянешь в дождь, а мосты есть через каждый ручей. То что Сарненский наполовину разрушен нам не помешает.

— Это если не будет засады, — возразил Оборн. — А тогда скорость не будет иметь значение.

— А что будет? — спросил Ривси.

— Скрытность, — сказал Оборн. — На морской дороге движение более оживленное, но отряд с коротышкой и толстяком обязательно приметят, а приметив не побрезгуют заработать монету, если начнутся расспросы.

— Но на имперской дороге нас тем более увидят, причем загодя, там же всё, как на ладони, если забраться ближайшую на скалу, — возразил Ривси. — Достаточно будет скинуть на нас камень. Н-да. Просто скинуть камень.

— Мы не можем как-то затеряться среди крестьянских возов? — спросил Даматрик.

— С нашими-то породистыми лошадьми? Да с белой альпортской кибиткой? У крестьян или рыбаков таких лошадей и повозок нет. К тому же бедняков не сопровождают вооруженные всадники.

— Верно, — согласился с товарищем Ривси. — О лошадях мы не подумали. С кибиткой-то проще. Можно

накидать поверх какого-нибудь грязного тряпья, мешковину кинуть, белый цвет сажей замазать.

— Нам следует разделиться, — предложила Ильметра.

Она встала у большого валуна со спиленным боком, на котором искусный имперский картограф изобразил город Орн и его окрестности, включая обе дороги.

— Зачем? — спросил Оборн.

— У нас только две явно породистые лошади, их не спутаешь и не спрячешь, — пояснила девушка. — Твоя Шишечка вполне сойдет за обычную, а те что запряжены в повозку такие и есть. Мы с Дамми, поедем верхом по имперской дороге, а вы прикинетесь бродячими торговцами, пристанете к какому-нибудь обозу с дохлой рыбой и поедете низом. Один всадник охраны удивления не вызовет. Накинешь плащ поплоче, тебе не привыкать после трущоб Альпорта. И местность хорошо знаешь, чтобы обойтись без расспросов. В общем сойдёте за местных.

— Только если Ривси с боссом будут сидеть в кибитке, — буркнул Оборн. — Потому что если кто-то из них высунет нос, а другой пузо, нас тут же запомнят.

Идею Ильметры ещё долго обсуждали, но несмотря на все возражения Дамматрика, согласились, что так будет лучше всего.

Глава 9. Буковый лес

Орн обходили безлунной ночью. О существовании города они догадывались лишь по редкому свету ночных фонарей, а больше по запаху горелого торфа, что доносился снизу до горной дороги. Некогда одна из трёх жемчужин побережья находилась в упадке.

Перед самой тесниной, где две основные дороги сближались одна с другой, отряд разделился.

— Три головы направо, три налево, — усмехнулся Оборн.

Он имел в виду голову Лейсона, спрятанную в шляпной коробке Ильми. Шутка была неплоха, но настроение Дамматрика не располагало к смеху.

— Не всякий ночной горшок можно называть головой, — проворчал он, не уточняя, однако, на кого намекает.

Идея разделиться ему не нравилась. У преследователей хватало сил, чтобы пойти по обеим дорогам, не говоря уже о засадах, а вот скромные силы беглецов расплылись. Ему с Ильми предстояло обойтись без колдовства, а значит собрать на себя всех мух.

— Перестань, — отмахнулся Рив. — Верхом вы легко оторвётесь от погони, а засаду, если что, обойдёте по горным тропкам. Мы же с грузом тем временем выскочим из западни. Я замету следы.

Помимо дорожных припасов кибитка везла сундуком с золотом, дюжину мешочков с мелкой монетой для дорожных расходов и несколько связок книг, отобранных на скорую руку Дамматриком. Но Рив под грузом подразумевал скорее Пузыря, который верховой езды мог и не выдержать, если бы нашлась лошадь, которая выдержит его самого.

— Да я погляжу, ты, красавчик, недоволен компанией? — нарочито сердито протянул Оборн. — Давай поменяемся. Я с удовольствием проведу с нашей кошечкой несколько дней наедине.

Кошечка фыркнула, как и положено кошечкам.

Дамматрик накинул на шею веревку, на концах которой висело по кошельку с монетами, а книгу сунул под плащ в потайной карман. Оборн советовал держать всё ценное при себе, складывая в дорожный мешок лишь то, что не жалко потерять. Ильми привязала кошелек к поясу. Большая часть золота и бриллиантов осталась в кибитке, а они взяли самую малость на тот случай, если не встретят товарищей вовремя.

— Увидимся за тесниной, — сказала Ильметра.

— Или позже, — пожал плечами Оборн. — Если что будем вас ждать в Перкунии до последнего.

Дамматрик только махнул рукой на прощание. Кибитка повернула на морскую дорогу, они с Ильми пустили лошадей шагом по дороге имперской.

Некоторое время Дамматрик чувствовал неловкость, находясь наедине с девушкой. Но когда позади остался тот самый полуразрушенный мост, они понемногу разговорились. Говорили, понятно, о всяких пустяках, стараясь не затрагивать ни дело Ники Торадо, ни их нынешнюю пока ещё не вполне понятную миссию, ни возможные превратности пути. Дамматрик рассказал девушке о винах, в которых она разбиралась плохо, о том, что давно задался целью найти и прочесть редкие книги Бейсхолла, величайшего из мудрецов всех времён. Он перешел уже к обзору доимперской поэзии Холлара...

— Стой! — прервала его на полуслове Ильметра.

Она явно что-то почувствовала. Почуяли неладное и их лошади, которые прядали ушами и фыркали больше обычного. Хищник? Засада? Их обученные лошади могли почуять и стихийное бедствие, вроде селевого потока. Дамматрик прислушался. Ни единого тревожного звука его уши не уловили. Внутри тоже ничего не отзывалось.

— Вернёмся, — сказала Ильметра тихо.

Дамматрик подчинился.

Они вернулись на четверть мили и обнаружили едва заметную пастушескую или охотничью тропку,

отходящую от дороги вверх. Не факт, что тропа вела куда нужно, но Ильметра, простояв с минуту, уверенно направила лошадь по ней. Дамматрик не стал возражать. Пусть даже спутнице опасность просто почудилась, а лошади отреагировали на её нервозность. Но лучше уж прислушаться к внутреннему голосу и потом посмеяться над страхами и мнительностью, нежели проигнорировать предупреждение и попасть в переплёт. Они могли позволить себе потерять на обходной тропе день или два, да хоть и целую неделю. Передвигаясь верхом всё равно успевали в Перкунию вовремя.

Тропа выглядела довольно опасной, в смысле, крутой и узкой. Но эту природную опасность они хотя бы видели и могли преодолеть, проявив осторожность и сбавив ход. Несколько раз им пришлось слезть с седла и везти лошадей в поводу.

Уже через час они забрались итак высоко, что облака оказались вровень с тропой и беглецы погрузились в них словно в туман. Не то чтобы это придавало уверенности. Как раз в этот момент позади послышался шум погони.

— Надо подняться выше облаков, — сказала Ильметра. — Здесь ничего не понятно. Можно и шею свернуть.

Они продолжили путь по тропе уже только верхом, по-настоящему рискуя сорваться с крутого склона. Но слой облаков оказался не слишком обширным, а лошади вывели. Эту породу натаскивали на всякого рода опасности.

Теперь они видели, куда идут. Горные пастбища перемежались с буковыми и грабовыми рощами, небольшими островками или даже отдельными каштанами. Множество распадков давали возможность укрыться от преследования, если бы за ними шли простые бандиты. Ильметра, однако, так не считала.

— Их притягивает голова Лейсона, — догадалась она.

— Так выбрось её куда-нибудь в пропасть, — посоветовал Дамматрик.

— Ещё чего, — девушка фыркнула, вызвав ответное фырканье обеих лошадок.

Дамматрик вздохнул. Мысль сложить голову за непонятную блажь девицы отлично подходит для куртуазного романа эпохи Двенадцати Королевств. В жизни это выглядит глупостью. Впрочем, глупостью и является. Но Ильметру не переубедишь.

Он незаметно коснулся рукояти клинка. Слабое утешение. Им пришлось взять с собой скимитары взамен привычных ножей и кинжалов, просто потому, что в дорогу принято было брать серьезное оружие. Вот только серьезным оно сейчас ему не казалось. Нужно родиться картом или принадлежать народу балам, нужно обучаться фехтованию с детства, чтобы сделать из человека, вооруженного хелтским клинком, по-настоящему грозную силу. У нежного горожанина из Альпорта никогда не бывает достаточно времени на ежедневные изнуряющие занятия. Столько вокруг соблазнов.

— Лучше бы обойтись без стычки, — осторожно заметил Дамматрик.

Ильметра молча кивнула и вскоре свернула с тропы на лужайку, а потом провела их распадком к золотисто-красной буковой роще. В горах осень приходила раньше, и если внизу деревья только начинали желтеть, здесь, над облаками зарево крон уже догорало. Пожалуй рощу можно было назвать лесом. Идти по такому одно удовольствие. Ни высокой травы, ни колючих кустов, ни влажного мха, ни болотин или луж, только опавшие листья шуршат под ногами. Правда они могли скрывать мощные корни и камни, так что всё равно приходилось соблюдать осторожность. Они вновь спешили и вели лошадей в поводу.

Шум погони стих. Ильметра присмотрела для привала живописную ложбинку, которую наполняли золотистые и красные листья, точно вода бассейн. Во всяком случае Дамматрику было по колено, когда он спустился вниз. Со всех сторон их убежище прикрывали толстые стволы вековых буков, а сверху ещё не полностью облысевшие кроны. Лошади остались наверху, получив по бурдюку воды.

Ильми с Дамматриком сидели на выючных мешках и молча обедали. Хотя погони давно не было слышно, огня не разводили. Изюм и орехи заменили им полноценный обед. До темноты оставалось часа два или три и нужно было решать, что делать дальше.

— Здесь довольно холодно, — сказал Дамматрик просто чтобы начать разговор.

— Мы высоко забрались, — подтвердила Ильметра. — Дальше на запад должно быть ущелье. Я видела его на том камне, что стоял на обзорной площадке. Через него есть несколько мостов, но только один пригоден для лошадей.

Они оба рассчитывали, что лошади предупредят их, если человек или зверь окажется слишком близко. Вышло немного иначе.

Сперва со стороны тропы полыхнуло зарево, осветившее сумрак, раздалось шипение и низкий гул, а мгновением спустя большой огненный шар пролетел над их головами и ударил в дерево, возле которого стояли животные. Привязь сгорела, но это ещё полбеды. Одна лошадь упала замертво. Совершив кувырок через голову, она свалилась в ложбинку почти к ногам Дамматрика, и в последний раз взбрыкнула ногами, прежде чем листья наполовину поглотили её. Вторая лошадь, отбросив уже пустой бурдюк, умчалась вглубь леса. Дерево тлело, явив на серой коре ровный круг из багровых всполохов.

Они одновременно достали клинки.

— Туда, — сказал Ильметра показав на дальнюю сторону ложбины и подцепила свободной рукой шляпную коробку с головой Лейсона. Дорожные мешки брать не стали. Если каким-то чудом им удастся выбраться из переделки, то припасы можно будет легко пополнить, а если нет, то тем более нет смысла сожалеть о мешках. Будь воля Дамматрика, он бы и голову Лейсона оставил в листьях. Хорошее место для последнего упокоения главаря банды. Его мнения на сей счёт, однако, не спрашивали.

Они благополучно выбрались из ложбины, чтобы нос к носу столкнулись с бандой. Ну, не совсем нос к носу. Между ними оставалось еще шагов пять. Огненный шар явно пустили, чтобы спугнуть дичь и вывести её напрямик на охотников.

"Музыкант" — узнал Дамматрик одного из подручных Лейсона. Боец первоклассный, с таким ему не сладить даже один на один, Но Музыканта сопровождало ещё полдюжины человек и колдун, прячущийся за спинами бойцов.

Однако и выхода иного, кроме как принять бой, у Дамматрика не осталось. Разве что лечь на спину и оголить горло. Страх советовал поступить именно так, и Дамматрик не был уверен, что не поддастся бы ему, не будь рядом девушки. Она выглядела спокойно и это спокойствие как-то передавалось ему. Но, конечно, не в одном спокойствии было дело.

Обе стороны молчали. Дамматрик чуть выставил клинок в направлении Музыканта. Тот лишь ухмыльнулся. Он даже не предложил им сдаться, пообещав сохранить жизнь, если не честь. Их пришли просто прикончить. Без разговоров. Что ж...

Обращаться с длинным клинком Дамматрик умел постольку поскольку. Отставной сержант городской стражи Тейр научил его кое-чему, а Дамматрик был прилежным учеником. Ещё бы не быть прилежным, если платить по пальме за каждый урок. Ночных воров, обирающих пьяных матросов возле трактиров он возможно и заставил бы убраться подобру-поздорову. Но к настоящему бою явно не был готов.

Тут ведь как с древним холларским языком, который в него вдалбливали в школе. Мальчишкой он зубрил спряжение глаголов, падежи, заучивал слова и фразы. И со временем мог с легкостью прочесть практически любой текст, если тот был разборчив. Но когда пришлось на древнехолларском произносить речь на выпускном экзамене, получилось коряво, медленно, с частыми запинками и ошибками.

Вот и его фехтование должно было напоминать ту самую речь и закончиться на первом или втором ударе опытного бойца. Однако не напомнило. И не закончилось.

К собственному удивлению Дамматрика реакция сработала как надо. Он успешно отразил первый выпад Музыканта и успел обозначить удар против другого бойца, просто чтобы не позволить тому подойти слишком близко к Ильметре. Это произвело впечатление. Боец шагнул в сторону, а Дамматрик воодушевился успехом. Он попробовал ещё раз и ещё. Любой трюк, прием, движение, о котором учитель упоминал хотя бы раз, ложился в рисунок боя словно нужные фишки на клетки при игре в лото. Его движения были точны и своевременны, выпады и блоки получались чисто, а нужная комбинация приемов словно сама приходила на ум.

Музыкант еще раз ухмыльнулся, на это раз без презрения, отдавая должное неожиданному умению противника. Дамматрик и сам на краю сознания не переставал удивляться такой оказии. То ли его тело вспомнило уроки под влиянием близкой опасности, то ли вселилась бесшабашная удаля из-за рядом стоящей девушки.

Ильметра, кстати, тоже ворон не считала, а стояла в защитной позиции опытного бойца. Правда стояла в ней как-то задумчиво, что ли. Во всяком случае она не делала попыток наступать или отступать, обмануть противника ложным выпадом или движением. Она не приседала, не двигалась в танце, чтобы сбить с толку врага, а замерла, как на картинке учебника, и даже не переминалась с ноги на ногу подобно Дамматрику. Правда сообразила хотя бы бросить на землю проклятую шляпную коробку.

Везение не могло продлиться долго. Шесть бойцов и колдун заломали бы и самого Тейра, окажись он здесь. Пока они даже не дрались в полную силу, совершив тем самым обычную ошибку тех, кто располагает явным превосходством. Они не спешили закончить дело одним решительным приступом, а начали игру. Дамматрика атаковал то один, то другой боец, но не все они разом. Бойцы как бы состязались, кто из них проведет более хитрый или удачный приём. Состязались между собой, но не с ним. В сказке про двух котов и мышь подобная игра закончилось плачевно для котов, однако, сейчас Дамматрик не видел для себя достойного выхода, кроме как тянуть до последнего. Но тянуть ради чего? Помощи им ждатель неоткуда.

Отступать тоже некуда. Позади та самая ложбинка и сделав ещё пару шагов назад, они окажутся ниже противника. Можно ли этим воспользоваться? Кажется, старый ветеран упоминал что-то о принципах боя на лестнице во время атаки на укрепления? Упоминал, но не рассказывал. Отложил на потом. Ни ему, ни Дамматрику и в голову не могло прийти штурмовать замки.

Наконец, один из подручных Музыканта добился успеха. После его выпада Дамматрик почувствовал сильную боль в левой руке, на которую намотал плащ и которую использовал в качестве щита. И вот пришлось

пожертвовать рукой, чтобы избежать смертельного удара. Правда он не ожидал, что будет так больно. Удары деревянным клинком во время занятий лишь обозначали поражение. Те синяки в счет не шли, они не могли подготовить его к пронзающему всё тело обжигающему импульсу. Кажется он вскрикнул от неожиданности, потому что Ильметра отреагировала на его голос.

Отреагировала девушка необычно. Для противников, как и для Дамматрика это стало даже большим сюрпризом, чем пришедшие к нему способности к фехтованию. С выброшенной вперёд руки Ильметры сорвалась молния. Обычные штучки колдунов. Ривси мог запускать такие десятками, хотя потом и поглощал воду ведрами, точно с похмелья. Но Ильметра даже близко не стояла к колдовскому ремеслу. Такие способности не утаишь, да и не захочешь утаивать. Это все равно, что отказаться от ларца с монетами или от должности сенатора. И вот на тебе.

Вреда особого молния не причинила, но противника на время обескуражила. Четверо сделали шаг назад. Музыкант с одним из бойцов остался. Оба, впрочем, тоже немного растерялись и оглянулись на своего колдуна. Чем и воспользовался Дамматрик.

Его удар вышел удачным, хотя и не сильным, потому что без подготовки. Музыканта, однако, он он достал, пусть и самым кончиком клинка. Он видел как разошлось толстое сукно его серой куртки и оттуда выглянула белая ткань рубашки, которая, как оказалось, пострадала тоже, поскольку мгновением позже на ней проступило немного крови. Всё внутри Дамматрика завопило от восторга, даже боль в руке на время утихла. Музыкант вздрогнул, отступил, потом выругался.

Ильметра ударила молнией еще раз и на этот раз попала прямо в грудь гангстеру, что стоял рядом с Музыкантом. Тот пошатнулся, но устоял. Его куртка слегка дымилась, этим и обошлось. Дамматрику редко доводилось видеть людей пронзенных подобной магией насмерть. Всё же люди не боги, и их молниям не сравниться с небесными. У колдунов существует множество иных способов прикончить врага. Например, подпустить огня или дыма, ослепить, а потом нанести удар обычным клинком, обрушить на голову скалу или заставить коня споткнуться. Кажется Ильметра этими навыками, похоже, не обладала и Дамматрик лишь понадеялся, что её следующий удар выйдет сильнее.

Очевидно Музыкант думал о том же, потому что уступил место в первом ряду своему колдуну. Тот вступил в дело, пытаясь опередить нарастающую мощь Ильметры. Отцепив от рукава небольшую покрытую патиной брошь, точно колючку, он бросил её себе под ноги. Та как бы проросла, коснувшись земли. Вспухла тёмным пузырем, размером с хорошую тыкву. Бесформенный поначалу пузырь начал понемногу приобретать очертания зверя. Острые уши, вытянутая морда, на которой уже обозначилась пасть. Появились глаза в ямках, нос, а ниже уже вытягивались из дымчатого морока когтистые лапы. Дамматрик не понимал, творит ли колдун иллюзию, или пробуждает настоящего монстра. Он читал о так называемых потаённых зверях, про то, что иной колдун мог носить их при себе целую дюжину, пробуждая по мере необходимости. Но книги не содержали подробностей, как не содержали и способов противодействия.

Ильметра не стала дожидаться окончания трансформации. Она отбросила меч и взмахнула обоими руками. Так, подражая китам, совершают мощные размашистые гребки темнокожие пловцы с островов Седьмого градуса. Дамматрик почувствовал нарастающую силу. Он не понимал её, не мог использовать, но его волосы на на всем теле шевельнулись, точно к ним поднесли натертую шёлковой тканью стеклянную палочку.

Скоро сила явила себя воочию. Из ложбинки, что осталась за их спинами, взметнулся столб из палых листьев, веток и прочего мусора. Вращаясь с огромной скоростью он обрушился на противника, сбивая с ног и бойцов, и колдуна. Секунду спустя в мельтешение людей и листьев полетели их дорожные мешки, а потом и дохлая лошадь.

Дамматрик смотрел на все это заворуженно, как мальчишка, которому впервые показали фокус с исчезновением стотинки. Даже Ривси не был способен на такое. Поднять в воздух и швырнуть чернильницу — это пожалуйста, но отправить в полёт целую лошадь?

— Бежим, — сказал Ильметра, чуть тронув его за разбитую руку.

Она вновь сжимала клинок и, что характерно, шляпную коробку девушка прихватить не забыла тоже. Они побежали вверх по склону. Буковый лес продолжался здесь до тех пор пока не упирался к каменную стену Первого Щита, а тогда они повернули на запад. Уже темнело, но за всё время бега они ни разу не споткнулись о корень или камень. Везение? Теперь Дамматрик не был уверен в этом. Погоня вскоре отстала, не исключено, что благодаря ещё каким-то чарам. Или, возможно, бандиты не рискнули преследовать в темноте людей, которые дважды смогли их удивить.

— Что это было? — переводя дыхание спросил Дамматрик, когда они сделали остановку. — Ты умеешь колдовать?

— Сама не знаю, но вышло неплохо, правда? Даже не ожидала, что получится.

— Надо думать. Но почему это вообще пришло к тебе в голову?

— Не знаю. Захотелось и всё. Отчаяние, наверное...

Она пожала плечами.

— А ну-ка попробуй ещё.

— Мы что фокусы в балагане показываем? — рассердилась Ильми. — Буду тебе благодарна, если перестанешь говорить об этом. Мне нужно самой во всём разобраться.

— Как знаешь, — он обиделся.

— Пошли, нам надо до утра перебраться на ту сторону ущелья. Без лошадей у нас есть выбор, каким из мостов пойти.

Уже рассвело, когда они перешли глубокое ущелье по мосту из веревок и дощечек. Чтобы задержать погоню, они расплели крепление на своей стороне. Мост повис вдоль каменной стены, той стороны ущелья, откуда они пришли. Это могло дать им не больше пары часов, пока преследователи не подцепят крюками канаты и не наладят новую переправу. Надёжнее было бы сжечь мост, но это стало бы серьёзным нарушением местных обычаев. Отвязать опорный канат имеешь право, если грозит опасность, но уничтожать не смей, ибо не тобой сделано. А с местными лучше не ссориться. Возможно они все это время следили за беглецами, за погоней из укромных мест. Не вмешиваясь. Они будут и дальше соблюдать нейтралитет, если их не разозлить.

Ильметра подумала и повернулась лицом у ущелью. Она вновь сделала движение похожее на гребки темнокожих пловцов.

Из ущелья поднялся туман. Да такой густой, что не видно было пальцев на вытянутой руке. Он был необычным. Звуки в нем пропадали совсем. Даже крик не был слышен уже в двух шагах.

— Ну вот, — сказала она ему на ухо. — Выгадаем еще несколько часов. Если они не свалятся в пропасть, то по крайней мере будут долго искать мост.

— С ними колдун, — напомнил он.

Ему было приятно коснуться губами её уха.

— Это так. Но его ждет сюрприз, — она улыбнулась, потом нахмурилась. — Я надеюсь.

Они спустились вдоль ущелья гораздо ниже моста. Запах моря еще не ощущался, но уже стало теплее, а сквозь лесную подстилку проступала влага.

Они нашли сухое место на возвышенности под старым каштаном. Здесь также было полно желтых листьев.

— Покажи мне руку.

Всё время Дамматрик так и бежал с рукой, обмотанной плащом. Казалось, что это уберезет от боли, если он случайно заденет ветку или кусты. И боль действительно не напоминала о себе. Зато вернулась, когда напомнила Ильми.

— Ты теперь и врачевать умеешь?

Он готов был поверить и в это.

— Не думаю. Но осмотреть не мешает.

Он размотал плащ. Рука немного опухла, местами покраснела, местами посинела. Когда Ильми взяла за указательный палец и повела в разные стороны резкой боли не возникло.

— Кость целая, — сказала она.

Это он и так понял. Чего он не понял, так это того, что произошло потом.

Ильметра притянула его к себе и поцеловала. Её влажные прохладные губы и жаркие руки давали необычный контраст. Сердце Дамматрика пропускало удар за ударом, потом начало колотиться с удвоенной силой. Пожалуй, он запросто мог бы и умереть от такого, особенно учитывая неожиданность произошедшего. Он поддался, обнял её, не чувствуя уже боли в раненной руке. Тревога тоже куда-то исчезла. Они повалились на золотые листья, а в голове Дамматрика возник ядовитый туман, как от хорошего крепленого вина.

В общем-то девушка ему нравилась, но он никогда не думал о том, чтобы вот так сблизиться с дочерью капитана Торадо. Разве что она являлась к нему иногда во сне.

— Не отвлекайся, — прошептала она. — Ты слишком много думаешь, когда время действовать.

Он растегнул её куртку, развязал пояс, затем пробрался через распашной свитер, под которым оказалась совсем тонкая блузка. Под шёлковой тканью уже ощущалось тело, которое вздрогнуло от прикосновения, словно рвалось навстречу его рукам. Ильми тоже не тратила время даром, стягивая с него всё, до чего могла дотянуться. Затяжной поцелуй на время прервался, потому что им требовалось окончательно освободиться от одеяний, потом тела, наконец, соприкоснулись, сплелись... перед тем как окончательно провалиться в блаженство, Дамматрик вспомнил сон или наваждение, которое случилось с ним в ту ночь, когда они дожидались разговора после ухода клиента. Да, ему так всё и привиделось: осенние листья, они с Ильми. Обнажённые, счастливые, уставшие.

Прошло какое-то время прежде чем Дамматрик почувствовал холод. Это его не удивило. Осень быстро вытянула тепло из разогревшегося от страсти тела. И всё же что-то тут было не так. Через минуту он осознал, что вытащил его из блаженной неги вовсе не холод, а чей-то взгляд.

Дамматрик вскочил, хватаясь за ножны и рукоять клинка, но не обнажая его. Огляделся. Прислушался. Рядом

никого не оказалось. Не слышал он ни хруста веток, ни чавканья влажной земли, ни шелеста, ни дыхания, если не считать тихого дыхания Ильми.

И тут он увидел.

— Фу, тьма тебя поглотит!

— Кого должна поглотить тьма? — лениво спросила Ильметра положив на ладонь подбородок. Девушка, кстати говоря, не забыла подсунуть под себя куртку и прикрыться кофтой.

— Лейсона, чтоб ему пусто было!

Из под сбитой набок крышки шляпной коробки на них смотрела голова Лейсона.

— Он что, так всё время смотрел, пока мы тут...

— Ну мы спешили, — задумчиво произнесла Ильметра. — В спешке я кажется задела за коробку ногой. Вот крышка и сбилась.

Глава 10. Орнское исчадие

Возникшая у неё способность метать молнии, вызывать смерч и напускать туман, хотя и спасла им обоим жизнь, сильно озадачила Ильметру. Даже испугала где-то. В Альпорте, как и в других крупных городах побережья, детей проверяли на способность к магии. И тем, у кого находили отражение силы, предлагали пойти в ученики к одному из городских магов. С другой стороны, какой-то строгой и обязательной системы рекрутирования со времен падения империи не устоялось. В выборе жизненного пути жителям Альпорта предоставлялась полная свобода. Хочешь стать великим — дерзай, хочешь оставаться нищим, имеешь полное право. Про возможность самостоятельно овладеть силой она не слышала.

Мог ли Ники Торадо, по каким-то причинам скрыть от людей её способности, если как-то узнал о них? Поразмыслив Ильметра вынуждена была признать, что мог, причем из эгоистических соображений. Отец слишком любил её, чтобы отпускать к колдуну. Обучение магии требовало куда большей изоляции, чем получение общего образования. А если бы она даже отказалась от ученичества, жизнь всё равно перестала бы быть прежней. За семьёй Торадо стали бы присматривать просто на всякий случай, из соображений безопасности.

Приняв эту версию за рабочую гипотезу, она немного успокоилась, а успокоившись принялась экспериментировать с внезапно пробудившейся силой. Но так чтобы Дамматрик не видел. Однако любые попытки вызвать огонь, воду или ветер закончились ничем.

Они стали нагонять товарищей только к исходу второй недели. Могли бы и раньше, но лошадей приобрести не получилось, опасность на имперской дороге заставляла искать обходные горные пути, где предпочитали передвигаться на ишаках или мулах, да и тех не продавали. К тому же вспыхнувшая между молодыми людьми страсть требовала частых остановок.

Особой беды в этом не было. Место randevу с Вайхелем они знали, так что двигались в своем ритме, меняя возниц, иногда проходя пешком милю или две, ночуя в сеновалах, стогах, просто в лесу на подстилке из листьев.

Древний Холлар, занимавший когда-то весь южный берег Киеры, множество островов и колоний, был поглощен империей без остатка, а с её кончиной распался на отдельные долины, города, волости, каждая со своей властью. Чаще всего власть прибирали к рукам бывшие имперские чиновники, а затем их потомки. В сельской местности устанавливался сеньорат, в городах некое подобие демократии. Единой страны больше не существовало. В каждой долине теперь господствовал свой закон. В этих маленьких городках и уделах затеряться было трудно. Приезжие были на виду и потому беглецам, чтобы запутать следы, приходилось уходить дальше в горы.

Уже под конец пути в одной из живописных горных долин они наткнулись на сборщика диких каштанов по имени Лайом. Его рессорный возок был уже почти полон, а за помощь в быстром наполнении нескольких всё ещё пустых корзин, он пообещал подбросить их до самой Перкунии с ветерком.

— Если ваши милости, конечно, не пострадают от простого труда, — добавил Лайом.

Собирать каштаны оказалось нетрудно. Они сами скатывались по склону в ямки, откуда их можно было выгребать горстями, лишь отбрасывая подгнившие или подъеденные плоды.

— Я откармливаю на каштанах свиней, — рассказал за работой хозяин возка. — Даю пополам с желудями, добавляю немного орехов. Мясо хорошее получается. Засаливаю ветчину, делаю колбасы. Берут охотно и господские повара, и трактирщики с содержателями постоянных дворов. И в Перкунии, и в других местах.

— Не проще пригонять свиней сюда, чтобы они сами еду подбирали? — спросил Дамматрик.

— Нет. Слишком далеко. Да и запас я делаю на всю зиму. Зимой мясо вдвое против осеннего стоит.

Болтая о том, о сем, втроем они быстро заполнили все оставшиеся корзины и отправились в путь. Мягкое хотя и быстрое движение рессорной повозки действовало на Ильметру усыпляюще, но ямы и кочки время от времени подбрасывали повозку, не давая толком заснуть. Она мечтала выспаться, тем более что все предыдущие ночи они с Дамматриком тратили не только на сон. Спутник, как ни странно, теперь меньше смотрел на неё. Видно оттого, что получил своё. Насытился, как полосатый желтский питон. И только к вечеру страсть в нём вновь пробуждалась. Днем же на привале или сидя в повозке он обычно читал книгу. К сожалению для Ильметры это была скучная

монография о монстрах, а не что-нибудь более лёгкое, способное развлечь в пути.

— Лучше бы ты прихватил "Фривольные истории Инжо из Эльсура", — заметила она. — По крайней мере мог бы читать их вслух.

— "Твари империи" не менее занимательное чтиво, — возразил Дамматрик.

— Для книжного червя.

— Ну почему же? Кстати говоря, в послесловии ко второму изданию описываются твари, упоминания о которых были найдены уже после того, как вышла книга. И среди прочего описана одна жуткая тварь, что появилась на самом закате империи. И обитала она, представь себе, неподалеку от этих мест.

Кажется чтение плохо повлияло на Дамматрика. Он стал изъясняться подобно всем этим нудным писателям прошлого. Длинными оборотами, со множеством оговорок, отсылок и уточнений.

— Что за тварь? — всё ещё скучая спросила Ильметра.

Делать все равно было нечего, а даже скучный рассказ Дамматрика позволит скоротать время.

— Вот послушай, — он раскрыл книгу ближе к последней странице. — Очевидец, мелкий имперский чиновник так описывал события в письме к родственнику в Чименто: "Сегодня в колизее Орна состоялась особая схватка. Не человек против человека, не человек против дикого зверя, к чему искушенные граждане империи, как и холларские подданные императора давно привыкли. Сегодня люди сражались с Исчадием или с Отродьем, как его называли другие. Подобного Орн не видел уже два века, с тех пор как знаменитый колдун Тавшан из Хорсана вскрыл в Малой Тарсии несколько поющих склепов и привёз в метрополию дюжину закованных в серебро мертвецов. Все они тогда были отправлены ко двору в Чименто, и троих император, в своей неисчерпаемой милости, подарил колизеям Альпорта, Биная и Орна. В те дни не только рабы, а и многие отважные сыны империи выходили на арену, чтобы показать удачу. Не все из них, к сожалению, вернулись в свои дома. Однако, как мудро заметил в свое время основатель династии Всадников — "пусть льётся кровь верных, лишь бы она не застаивалась". Я, однако, отвлекся, мой друг..."

— Он действительно отвлекся, — заметила Ильметра. — Неужели в то время писали такие длинные письма?

Даже с отцом она переписывалась короткими записками по существу. Немногим более пространными и чувственными, чем поручения торговцу рыбой.

— Это имперский стиль, — пояснил Дамматрик. — С помощью писем граждане империи как бы вписывали себя в вечность. Вот почему наивно расценивать их слова, как откровения. Каждый корреспондент знал, что его письмо попадет в архив и когда-нибудь его могут прочесть тысячи людей, а поэтому старался выставить себя в лучшем свете — начитанным, образованным, тонким ценителем искусств.

— И приукрасить факты, — добавила Ильметра. — Что толку от таких свидетельств?

— Факты не связанные с личностью рассказчика приукрашивать не имело смысла, — возразил Дамматрик. — Но слушай дальше: "На этот раз повод был куда печальнее. Ты уже знаешь, мой друг, что знаменитая "Бирюзовая флотилия" адмирала Посташа вернулась из самого дерзкого предприятия, предпринятого нашим поколением. Адмирал задался целью ни много ни мало миновать южную оконечность Хелта и таким образом обойти материк целиком. Никто до него не смог этого сделать. А он смог. Но сам адмирал не вернулся. Как и большинство его кораблей. Остатками флотилии командовал капитан Калатрис. Именно на его корабле привезли Отродье, о котором я и хотел рассказать".

— Ну, кажется добрались до сути, — фыркнула Ильметра.

Дамматрик продолжил читать:

— "Ты знаешь, мой друг, что каких-то десять лет назад подобное существо было бы исследовано учеными и придворными магами, тщательно описано, классифицировано и занесено в анналы. Но в наше время наука, увы, пребывает в упадке, так что никто не заинтересовался монстром для изучения во благо человечества. Тогда капитан Калатрис решил на нём заработать, чтобы хоть как-то вознаградить матросов и офицеров, а также выплатить компенсацию семьям тех, кто не вернулся. Ничего более ценного они из похода не привезли. Не нашли там на крайнем юге ни золота, ни камней, ни особых специй, ни даже рабов.

Зрелище устроили всё в тех же трёх колизеях Бинайской провинции, где когда-то сражались с мертвецами из Тарсии. Сперва в самом Бинае, потом в Альпорте и наконец в Орне. Убить исчадие оказалось нелегким делом, а вот усыпить способ имелся. И владел этим секретом сам капитан Калатрис. Он обещал, что каждая арена получит по часу боя, каким бы ожесточенным тот не вышел.

В Бинае и Альпорте тварь на потеху публике растерзала с дюжину рабов и благополучно была усыплена капитаном. В Альпорте она даже добралась до ложи с вельможами и вцепилась в горло одному из них, пока не подействовало то ли зелье, то ли заклинание, то ли какой-то артефакт Калатриса (в чем именно заключается секрет, никто не мог сказать наверняка). Вельможу, кривляющегося конвульсиях, облили чёрным земляным маслом и сожгли там же на арене. Тем всё и закончилось.

А вот с представлением в нашем славном городе, представь себе, произошёл конфуз. В колизее Орна охрана

оказалась не столь сноровистой, а возможно Исчадие уже смекнуло, как управляться с людьми, обучилось на прошлом опыте. Так или иначе ему удалось сбежать из коллизея, разорвав двух стражей и раба.

Город наш наполнила паника. Люди начали пропадать по ночам прямо с улиц, а уж соваться в окрестные леса боялись и в полдень. Капитан Калатрис пропал одним из первых, вместе с ним пропал и секрет упокоения, а без верного средства никто не решился выступить против Отродья. Тогда многие благородные жители решили покинуть город. Караван с лучшей сотней наёмной охраны пробился в Бинай по приморским дорогам. Я был среди них, как ты понимаешь. В городе осталось несколько сотен жителей, что не пожелали уйти. Больше месяца о них никто не слышал, но мы не теряем надежды увидеть их снова".

Что и говорить, история, несмотря на долгое предисловие, вышла увлекательной. Даже сборщик кашганов старался не шевелиться, прислушиваясь к рассказу Дамматрика.

— Вот такое письмо, — закончил тот. — Город надолго опустел. Соседние города исчадие не беспокоило и скоро история стала обыкновенной легендой. А сбежавшего монстра лет через десять после описываемых событий якобы случайно победил какой-то бродяга. Об этом есть короткая сноска.

— Этот твой очевидец так и не описал тварь, — заметила Ильметра.

— Не описал. Возможно не видел лично, а врать не захотел. Другие источники в книге не упомянуты тоже. Свидетельств вообще осталось мало. Офицеры южного флота позже сгинули во время похода бинайских новобранцев, а простые моряки, кто уцелел, предпочитали молчать.

— Добрый человек, — обратился Дамматрик к сборщику кашганов. — Знаешь ли что-то об Орнском исчадии?

— Кто же не знает? — охотно отозвался Лайом. — Из Орна-то отродье, как тамошних жителей поело, прямиком сюда побежало. Вон за тем хребтом, учёные люди его Первым Щитом называют, долина лежит, где оно как раз и проказничало. Говорили, раньше там пасека стояла и мёд просто отличный собирали, милое дело на горных-то цветах. Но как отродье объявилось, никто туда больше за медом не ездил. И пасечник с семьёй сгинули.

— А рыцари всякие, колдуны?

— Эти хаживали, а как же, — возница пригладил пятерней седые волосы на голове. — Одни сами пропадали. Другие потом клялись, что одолели, но доказательств каких-то, руки там отрубленной или, скажем, головы не предъявляли. Мол, рассыпалось отродье прахом после упокоения. И про бродягу правда. Да только не вся. Действительно объявился такой, неведомо откуда, но сказывали, поговору на северянина похож. Дважды он в эту долину ходил, отчего и пошел слух о неуязвимости его, а только в третий раз не вернулся.

Лайом помолчал с минуту, а потом решил добавить:

— Моему отцу сын одного матроса, что в поход тот юнгой ещё ходил, рассказывал, будто сам адмирал и был тем отродьем. Дескать там на юге под какие-то чары попал бедолага. А капитан, мол, хотел его исцелить да всё напрасно. И деньги собирал на это. Во как!

— А в долину ту, можно ли наведаться? — спросил Дамматрик у Лайома.

— Боги вас упаси, господа хорошие! — Лайом сделал оберегающий жест. — Никто туда не ходит.

— Некоторые исследователи позже писали, что империя начала распадаться как раз после этого случая, — пояснил Ильметре Дамматрик. — Хотя это преувеличение, конечно. Империя пала под варварами. Но как знамение, символ, предупреждение, возможно, исчадие сыграло свою роль.

Ильми задумалась, не могло ли Орнское исчадие, ну то есть какие-то его эманации, повлиять на пробуждение у неё способностей к чарам? Возможно именно поэтому она не смогла повторить волшебство позже, потому что удалилась от того места.

— Стоять, спиногрызы! — ругнулся возница на лошадей. — Вылезайте, ваши милости, приехали.

Постоялый двор на повороте с имперской дороги в Перкунию не сильно отличался от десятков увиденных ранее. Империя строила почтовые станции с размахом, но несколько однотипно. Приземистое здание в виде каре, маленькие окна под самой крышей на глухих внешних стенах и шикарная галерея вдоль стен внутренних. Крыша плоская, по ней перила с балясинами. Случись что, такой дом может и крепостью небольшой послужить. Дворик аккуратный с небольшим каретным двором и конюшней, здесь же кухня с открытым очагом. За исключением самых холодных дней прямо во дворе ставят столы и устраивают трапезную.

И хотя Южный Берег сравнительно благополучно пережил смуту, нарушение сообщения привело к разорению местных предпринимателей. Не останавливались больше курьеры, вельможи, офицеры, послы, приказчики. Их многочисленные свиты не потребляли горы местных продуктов и бочки вина. Виноградники, поля, фермы пришли в упадок. И, наконец, как последний акт пьесы, поход бинайских новобранцев. Когда несколько сотен офицеров Южного флота набрали тысячи необученных людей для рокового броска к сердцу империи. Рокового для самих участников похода, разумеется. И ладно бы сами сгинули, но задолго до собственной бессмысленной гибели они успели изрядно потоптаться по нивам Холлара.

Морские офицеры плохо понимали сухопутную войну. Главное чего они не учли это прозорливость армии.

Они ошибочно полагали, что снабжение на суше похоже на морское, нужно лишь отправить боцмана в трюм. Двигаясь огромной и плохо организованной массой, новобранцы уподобились стаям саранчи. Они опустошили провинцию, усугубив её и без того тяжелое положение после внезапного нарушения торговли с метрополией. Пока пехотинцы изымали посевное зерно, кавалерия (морская кавалерия — смех да и только) выгребла всех лошадей и с тех пор кровь животных имперской породы на юге сильно разбавили крестьянские лошадки.

Все эти жертвы оказались напрасны. Офицеры попытались спасти империю, но разделили её судьбу, и чуть было не утащили туда же всю провинцию. Только многие десятилетия спустя жизнь начала налаживаться, люди вновь обрели потребность в переездах, возрождались торговые пути, а постоянные дворы и трактиры возобновили работу на руинах прежних имперских станций.

Когда прибыли Дамматрик с Ильметрой, их товарищи завтракали.

— Где ваши лошади? — спросил Оборн.

— Я предупреждал, что нам не стоит разделяться, — огрызнулся Дамматрик.

Ильметра была уверена, что он ничуть не пожалел, что остался с ней. Часы проведенные вместе вполне искупили те несколько минут страха перед боем, когда он не рассчитывал на благополучный исход.

— Ну, вы целые и невредимые, — пожал Оборн плечами. — А лошадей купим. Схожу перед обедом в город.

— А я проверю охранные чары, — сказал Ривси и, прихватив гроздь винограда, отправился к выходу из двора.

Как и во многих трактирах Холлара на завтрак здесь подавали яйца всмятку и специально выпеченные соленые хлебные палочки, чтобы макать их в горячий желток. Из фруктов предлагали виноград, персики и дыни. От рыбы товарищи привычно отказались. Но голодные с дороги Ильметра с Дамматриком пожелали большего.

— Нет ли у тебя, добрый человек, ветчины и колбасок от мастера Лайома? — поинтересовалась у хозяина Ильметра.

— Впервые слышу, чтобы почтенного Лайома мастером называли, хотя если подумать, кто он как не мастер? — быстро заговорил хозяин. — И ветчина есть и колбаски, добрая госпожа. Как пожелаете их приготовить?

— Ветчину с глазуньей сделай, — сказала Ильметра. — Только ветчину сперва поджарь хорошенько до корочки хрустящей и в сторону отложи, когда яйца разбивать будешь. Ну а колбаски просто поджарь.

— Так и сделаю, госпожа. А вам, молодой господин?

— И мне колбасок. И булочку к ним. И ещё кофе свежего завари.

Хозяин отправился в погреб и на кухню отдать распоряжение. Его работники пошевеливались без понуканий и вскоре доставили к столу всё заказанное.

Пока Ильметра с Дамматриком набивали желудки жирной пищей (что на юге обычно не принято), вернулся Ривси и сразу потянулся к винограду, который предпочитал всем прочим фруктам и ягодам.

— Что там? — спросил его Оборн, окуная хлебную палочку в пятое или шестое яйцо.

— Чисто. Наши друзья умудрились не наследить. Даже удивительно. Может быть расскажете, что произошло?

— Мы попали в засаду и ушли в горы, — сказала Ильми, вытирая губы полотняной салфеткой. — Одну лошадь убило, другая сбежала.

— Это был Музыкант, — добавил Дамматрик, продолжая воевать с колбасками.

— Ну вам повезло что не Плесень, заметил Оборн.

Он сунул хлебную палочку в рот и принялся жевать.

— По твоему я способен справиться хотя бы с Музыкантом? — не без вызова спросил Дамматрик.

Он даже отодвинул тарелку в сторону. Ильми догадалась, что парень сильно рассержен легкомысленностью и беспечностью товарищей. Её, впрочем, тоже задело. Ведь если подумать, они едва уцелели.

— С ними был колдун, — добавила она.

— Кто? — тут же наострил уши Рив.

— Мы его не узнали.

— Значит не из первой дюжины, — Ривси бросил в рот виноградину и откинулся на спинку стула.

Он выглядел таким спокойным, словно всех остальных колдунов Альпорта мог завалить по щелчку пальцев.

— Мы отбились лишь чудом, — сказал Дамматрик. — И это чудо сотворила Ильми.

— Вот как? — коротышка хмыкнул и съел ещё пару ягод.

— Она ударила по ним магией, — добавил Дамматрик.

Ривси подавился виноградиной. Самодовольство с коротышки как рукой сняло, он даже побледнел, а Ильметра, наслаждаясь зрелищем, простила Дамматрику болтливость.

— Это не шутка? — Ривси перевёл взгляд на неё.

— Боишься потерять монополию в нашей компании, а? — подколот приятеля Оборн.

Его кажется всё это лишь веселило.

— Если это не шутка, то это не шутки, — серьезно произнёс Ривси. — Магия это, знаешь ли, не срамная

болезнь. Её не подцепишь в борделе.

— Я захотела по ним ударить и у меня получилось, — пожалла Ильми плечами. — Иначе мы бы не выбрались.

Оборн тоже пожал плечами и вскрыл очередное яйцо. Стычки были его стихией. Он не видел в них ничего необычного, магия там или нет. Остальные на время замолкли, отдав должное еде, а босс так и вовсе продремал весь разговор с кружкой пива в руке. Ривси перестал хмуриться и долго о чём-то размышлял, отщипывая виноградинки от которой уже по счету кисти. Через некоторое время мыслительный процесс привёл колдуна к некоторым умозаключениям.

— Мне кажется, всё это было подстроено, — сказал он с сытой непринужденностью.

— Что всё? — спросил Оборн.

— Наше бегство из Альпорта, — пояснил коротышка. — Неужели Вайхель с его-то возможностями не знал заранее, что жизненная сила Лейсона завязана на чужую магию? Наверняка знал, и намеренно пошёл в его логово. И нас всех повёл.

— Но это была не его идея, — возразил Оборн. — Наша киска Ильми сама выставила условие. И все остальные напросились принять участие в деле.

— Зато выбор страховой конторы сделал он. Мы полгода с Лейсоном враждовали, об этом весь город знал. Так что при наличии толики ума сложить одно с другим нетрудно. Нет, мой недалекий товарищ, вовсе не трудно. И не трудно было взять нас на слабо.

— То есть, мы спровоцировали каких-то покровителей Лейсона и теперь они носятся за нами по всему побережью? — уточнил Оборн. — Постой. Но ты же утверждал, что Вайхель не врал нам.

— Я и сейчас утверждаю. Не говорит всей правды, это да...

— Значит, он не врал, когда утверждал, что не станет использовать нас в качестве наживки? — заявил Оборн. — По-моему это прозвучало однозначно.

— Верно, — согласился Ривси и вернулся к поеданию винограда. — Значит, мы пустились в бега по другой причине.

— Но по какой? — удивился Дамматрик. — Приступить к работе по контракту нам было бы способнее в Альпорте. Там сохранились старинные архивы, библиотеки, там до сих пор проживают философы и богословы.

— Значит, есть тому причина. Только и всего, — отрезал Рив. — Только и всего.

Шохальц по-прежнему не принимал участия в разговоре. Все эти приключения явно не пришлись толстяку по душе.

— Стоило становиться богачом, чтобы ночевать в хлеву и есть грубую крестьянскую пищу, — сказал он невпопад.

Произнеся эту единственную фразу, босс отпил пива из кружки и вновь задремал.

Остальные пожалы плечами. Им пища нравилась.

Раньше чем поздним вечером Вайхель появиться не мог, поэтому Ильметра решила отоспаться. О комнатах спутники уже позаботились. Выпив немного вина и получив от Оборна ключ, Ильми отправилась на боковую. Только у входа в свои покои она заметила, что Дамматрик увязался за ней.

Это могло стать проблемой. Сейчас она совершенно не чувствовала тяги к красавчику. И вовсе не была уверена, что страсть вспыхнет вновь. Они неплохо проели эти пару недель, тут не поспоришь, но эту страницу, возможно, пора перевернуть. Возможно. Она не была уверена ни в чём.

Ильметра развернулась в дверях и остановила Дамматрика ладонью.

— На этом всё, милый мой. Дальше я сама.

Он сперва не понял, потом у него перехватило дыхание то ли от возмущения, то ли от обиды, или от всего сразу. Парень, однако, справился. Развернулся и отправился назад к столу.

По сравнению с кучей опавших листьев комната выглядела шикарной. Что важно, хозяин, едва узнав, что гостя решила спать днём, уже позаботился о тазике и кувшине с горячей водой. Здесь же висело относительно чистое полотенце. Что ещё нужно бедной девушке? Разве что такие же чистые простыни. И они так же имелись.

Нашлось и во что переодеться. Хорошо, что часть её вещей отправилась в кибитке. Она сложила туда не особо нужные в дороге домашние вещицы, но теперь как раз они позволили дополнить уют постоянного двора.

Ильми привыкла к голове настолько, что перестала обращать на неё внимание. Уже закончив омывать себя она поймала тоскливый взгляд Лейсона. То ли крышка на коробке вновь сбилась, то ли мерзавец умел шевелить ушами и сам сбил её. Так или иначе гангстер смотрел с комода на её обнаженное тело и глаза его переполняла тоска. Это показалось Ильметре занятым.

— Что, мой дорогой, — сказала она, проведя руками по бёдрам. — Слюнки текут?

Веки на миг прикрылись.

Игра ей понравилась. Она могла дразнить злейшего врага, зная, что он ничем не сможет ответить. Не сможет

даже отвернуться. Правда Лейсон мог просто закрыть глаза. Но почему-то не делал этого.

Подцепив пальцем полотенце, Ильметра подошла вплотную к комоду и коснулась обнажённой грудью лица Лейсона.

— Ну и хватит на сегодня, — она накрыла крышкой коробку.

Глава 11. Выбор пути

Ильметра достаточно выпалась, чтобы полностью восстановить силы, и проснулась задолго до ужина. Она сперва думала пройтись по городу, хотя знала, что здесь нет ничего достойного путешественника. Ни живописных руин, ни оригинальной архитектуры, ни какой-то особенной местной кухни, а на небольшом базарчике вряд ли найдется хотя бы пустячная диковинка, способная заинтересовать её.

Подумав об экзотической кухне Ильметра почувствовала, что голодна. Обед она проспала, а до ужина оставалось ещё довольно много времени. Ужинали здесь поздно, ближе к полуночи, когда бродяги возвращались с промыслов, а путники, перестав различать в темноте дорогу, искали ночлег.

Она взглянула в оконце под потолком — темнеть только начинало. Но это последнее обстоятельство окончательно похоронило идею похода в город. Ильметра не знала Перкунию, и соваться на улицы без спутников было бы слишком рискованно. А спутники занимались своими делами. Хотя Оборн, пожалуй, уже должен был вернуться с новыми лошадьми для неё и Дамматрика.

Не придумав ничего лучшего, она отправилась во двор, чтобы выпить пива и скоротать время до ужина. Товарищей нигде не было видно, От нечего делать она наблюдала за прибытием новых постояльцев, за суетой прислуги. Разгружались и ставились в сарай кареты, вышагивались и поились лошади и мулы, путники обустроивались в комнатах, а на кухне уже стучали по доскам ножи и звенели крышки котлов. Кололись дрова, лилась вода, двор наполнялся запахами рубленного лука и чеснока, различных приправ и жаренного мяса.

И вдруг разом всё изменилось. Ильметра почувствовала, как на неё накатывает волна тепла, словно она махом опустошила стопку с крепкой водкой. Одновременно с этим в помещениях поднялся крик. Из комнат во двор выбежали одни за другим Ривси, Шохальц, Оборн, Дамматрик, их ближайшие соседи. Люди появлялись точно танцующие фигурки на музыкальной шкатулке или под часами на башне в Альпорте.

— Хозяин! — взревел один из богатых судя по одежде постояльцев. — Что это за вонь, чёрт возьми! Кто, помилуй боги, мог так наложить! Я съезжаю немедленно!

Смрад, способный конкурировать с запахом выгребной ямы троллей, ворвался из комнат во двор, зримо клубясь и расплываясь щупальцами по углам. Заржали в испуге лошади, забегали слуги, постояльцы носились в беспорядке и панике, не зная что происходит. Компаньоны Ильметры, напротив, с вонью были знакомы и паниковали уже от осознания угрозы.

Пока хозяин со слугами носились из комнаты в комнату, пытаясь найти источник неприятного запаха, а его клиенты ругались на чём стоит свет, товарищи готовились к обороне. Ривси забрался по приставной лестнице на крышу и копался в мешке с артефактами, подбирая нужный комплект. Оборн затаился в углу двора, держа наготове клинок. Между собой и входом он поставил массивный разделочный стол, ещё не отмытый от крови животных, на который выложил несколько собственных метательных ножей и всё что позаимствовал на кухне. Дамматрик держался рядом с ним и всё ещё протирал глаза, а Шохальц, невзирая на тучность, живенько перетаскивал из комнаты в каретный сарай ценные вещи, прежде всего кошель с монетой. Лишь Ильметра спокойно попивала пиво, догадываясь о причинах, хотя запах раздражал и её.

Тем временем Ривси уже составил нужный заговор или сложил нужную комбинацию из артефактов, а затем попытался подергать за астральные нити, или как они там называются у колдунов, чтобы понять, кто потревожил его пахучее заклинание?

— Это Вайхель, чтоб его! — наконец, крикнул он с крыши.

— Не его что б, а тебя, сраный ты заморыш! — ругнулся снизу Оборн, с силой вгоняя клинок в ножны. — Это ты забыл снять защиту.

Как раз в этот момент в арке ворот появился клиент. Его одежда не изменилась с последней встречи, но в руке он держал саквояж, с каким любят ходить городские лекари и нотариусы.

— Давайте уберем источник всей этой суеты, — предложил он, быстро оценив ситуацию. — Ривси, вы сплетете простенькое освежающее заклинание, а я помогу из-за спины, как в прошлый раз.

Так они и поступили. Ильметра наблюдала за колдовством, но ничего не поняла во всех этих словах и пассах. Теория оставалась для неё всё тем же белым пятном или чем-то вроде нотной азбуки. Между тем постоялый двор наполнили запахи первоцветов, ландыша и жасмина. Суета внезапно стихла и постояльцы, словно напрочь позабыв о происшествии, разбрелись по комнатам.

Занимающей удобную позицию Ильметре оставалось лишь ждать, подобно пауку, пока все мухи не соберутся у её стола.

От хозяина колдовство не укрылось. Угадав в новом госте сильного мага, он лично подал компаньонам пива.

Вопросов не задавал, пообещал лучший в Перкунии ужин и отправился подгонять кухарей.

— Смотрю у вас накопились вопросы, — произнёс Вайхель, слегка пригубив из бокала. — Неплохое пиво. Угадывается холларский горный хмель. Хотя и не выдающееся.

— Накопились, — мрачно произнёс Ривси.

— Прежде чем мы перейдем к обсуждению нашей стратегии, готов ответить на них. Но имейте в виду, этой ночью вам лучше будет убраться отсюда. Я останусь и прикрою отход.

Оборн парень простой, он выложил клиенту все подозрения разом.

— Вот как раз на счет отхода, — сказал он, отодвинув бокал с пивом. — Есть мнение, что вы нарочно подстроили нападение на банду Лейсона, чтобы выгнать нас из города. Вопрос, зачем? Что вы скрываете?

— Нет, — клиент улыбнулся. — Я и правда не рассчитывал, что мы нарвёмся на противника такой силы. Я же поэтому и не желал проявлять себя. Однако...

Он сделал ещё один глоток и чуть прикрыл глаза, словно пытаясь обнаружить какие-то неуловимые нотки вкуса.

— Однако бегство входило в мои планы, — неожиданно закончил он.

— То есть? — обескуражено спросил Ривси.

— Ну, причина проста. Могли бы догадаться и сами. Из городских неженков вы превратились в настоящих бойцов. Ваши дряблые мышцы окрепли, ваш разум отточился как лезвие.

— Что?! — прохрипел Оборн. — Прогнать нас как рекрутов через полосу препятствия, просто чтобы согнать жирок? В этом весь ваш гениальный замысел?!

— Вы, Оборн, прежде любили забавляться метанием ножей в трактире у Морских Ворот. И всякий раз оставались в убытке. Всегда находился парень из городской стражи, который клал вас на лопатки. Если вы теперь попытаетесь попасть в мишень, то поразите её десять раз из десяти. Мало того, вы не промахнётесь и с завязанными глазами. За время бегства ваше мастерство достигло совершенства.

— Благодаря побегу?

— Да. Ривси улучшил навыки колдовства, его сила выросла. Это заметно хотя бы по той вони, что накрыла это уютное заведение. Про Ильметру вы знаете, она сама рассказала вам, а Дамматрик, хоть и не заметил этого несколько раз выбрал нужную тропу в горах, повинувшись своей интуиции.

Ильметра попыталась припомнить их с красавчиком путешествие и вынуждена была согласиться. Ещё она отметила, что о боссе их клиент не сказал ни слова, словно того и не существовало.

Оборн достал колоду, заглянул внутрь, так чтобы остальные не видели, а затем выложил перед Дамматриком три карты рубашкой вверх.

— Угадаешь короля?

Дамматрик нахмурился.

— Ничего такого я внутри не чувствую, — сказал он. — Никаких голосов, никакого озарения, никакой теплоты или покалывания в ладони над нужной картой.

Видимо наугад он перевернул среднюю и совсем не удивился, что она оказалась десяткой.

— Ну? — Оборн посмотрел на Вайхеля.

— Что, ну? — фыркнул тот. — По-вашему, игра в угадайку и бегство от смертельной угрозы, это одно и то же? Интуиция приходит, как последний аргумент.

— А если поставить на кон сотню золотых? — не унимался Оборн.

— При нашем бездонном кредите это всё равно, что играть на щелбаны, — отмахнулся Дамматрик.

— Ладно, — вздохнул Оборн, убирая колоду. — И что нам делать с этими чудесными способностями? В шапиту выступать? Рив фокусы будет показывать, я ножи метать, из Дамматрика получится хороший медиум, если конечно ему придумать подходящий стимул, а Ильми... кстати, как так оказалось, что девушка, не имеющая способностей к магии, вдруг начала колдовать? И не просто так, а применять боевую магию.

— Хороший вопрос, Оби, очень хороший, — поддержал товарища Ривси.

— Вы не поняли, — вздохнул Вайхель. — Восприняли маленькую иллюстрацию, как единственный результат. Нет же. Все вы не только отточили те мелкие трюки, которыми владели раньше. Вы научились многому. И ваша интуиция Оби развивается ничуть не хуже интуиции Дамматрика, а сам Дамматрик теперь гораздо лучше владеет оружием. И колдовство проникает в каждого из вас, пусть по капле, пусть в каждого с разной силой.

— Да ну? — Рив впервые по-настоящему удивился, а потом строго посмотрел на Вайхеля. — Накачивать магией несведущих людей опасно. Вы знаете об этом? — Он кивнул сам себе. — Конечно, знаете, но тем не менее делаете. Превращаете бесталанных в магические инструменты, а это аморально.

Ильметра фыркнула, впервые услышав слово мораль из уст Ривси.

— Глупости, — отмахнулся Вайхель. — Само собой я подпитал вас силой. Незаметно. Сами знаете почему. Но способности у вас имелись, их вы получили из памяти крови. Вы четверо имете могущественную

наследственность и это, раз уж зашла речь, стало главной причиной, почему я обратился именно в вашу контору.

Все замолчали, переваривая услышанное. Босс нахмурился. Кажется он пришел к той же мысли, что Ильметра — каким-то образом его всю дрогу оставляли на обочине. Клиент постоянно обращался к ним четверым, но не к Шохальцу.

Тем временем Оборн пальцами погасил свечу, что стояла на столе, затем уставился на неё и долго смотрел, пока не покраснел от натуги. Затем щёлкнул пальцами. Но даже искорки не проскочило. Оборн вздохнул и пожал плечами.

— Это нужно осмыслить, — сказал он. — Всё что я знаю, так это то, что мы ничуть не приблизились к цели. Мало того, мы даже не определили цель. Тыкаемся в слепую, как новорожденные котятка.

— Надеюсь, кое-что прояснить сегодня, — Вайхель хлопнул рукой по саквоюжу. — Не зря прихватил с собой пару нужных вещиц. До ужина как раз есть немного времени.

— Что там? — спросил Ривси.

— Лучше это не демонстрировать во дворе. Нам нужна комната. Ваша вполне подойдет, — Вайхель кивнул на Дамматрика, затем повернулся к Ильми. — И не затруднит ли вас, юная леди, принести туда ваш трофей? Я имею в виду голову Лейсона. С возвратом, конечно.

Комната Дамматрика пребывала в беспорядке. Вещи разбросаны, постель собрана в большой ком, вроде тех, что короткой зимой скатывают из снега детишки. На полу валялись огрызок яблока и куриная кость. И когда он только успел всё перевернуть, ведь они заехали только утром?

Не обращая внимания на царящий вокруг хаос, Вайхель выдвинул на середину комнаты столик, вытащил из саквоюжа нечто напоминающее раскладную шахматную доску, только что без клеток и разложил её на столике.

— Положи сюда голову, — сказал он Ильметре.

Выкладывая голову она заметила посреди доски небольшое отверстие и, повинуясь интуиции наложила сруб шеи как раз на него.

Вайхель вытащил из саквоюжа небольшие меха, какие используют ювелиры в маленьких горнах для разогрева тиглей. Кроме мехов он вытащил моток чего-то очень похожего на бараньи кишки, правда чистые. Такие употребляют для набивки колбасы.

— Это ещё зачем? — спросил Оборн.

— Пора задать нашей голове пару вопросов.

С помощью Ривси он присоединил кишку к постаменту.

— Накачивай, — сказал Вейхель.

Оборн качал меха. Из рта головы послышался свист и хрипы, а затем попытались пролезть слова.

— Кто... — едва слышный голос сорвался на шипение.

Вайхель достал из саквоюжа спринцовку и побрызгал в рот Лейсона водой.

— Кто ты такой, твою мать? — разразилась голова руганью.

Обращался бандитский главарь к клиенту, так как остальных знал, как облупленных. Вайхель несильно шлёпнул ладонью по губам Лейсона, и поток брани сразу же прекратился.

— Можешь больше не качать, — сказал он Оборну. — Теперь всё наладилось.

— Что наладилось? — не понял тот, но работать мехами прекратил.

— Поток воздуха. Главное было дать импульс, а теперь возник самоподдерживающийся контур. Это... сложно объяснить, да и незачем.

Он провёл по губам Лейсона тыльной стороной ладони.

— Кто твой хозяин?

— Я сам себе хозяин, колдун.

— Допустим. Но за тобой ведь кто-то стоит. Кто-то такой же могущественный, как я. Ты же чувствуешь меня, верно? И знаешь, что я могу сделать с твоим сознанием. Боль, которой ты преисполнишься будет всякий раз умножаться, пока не поставит разум на грань безумия. Но и тогда я не отступлю. Ты понял ли?

— Да.

— Хорошо. Кто он?

— Она, — поправил Лейсон.

Вайхель задумался и кивнул.

— Назови имя.

— Сейла, — ответил Лейсон таким тоном, что казалось, если бы у головы были плечи, она бы ими непременно пожалала.

Дамматрик вздрогнул.

— Так зовут каждую третью женщину в подгорном районе, — хмыкнул Оборн.

— Ну, пусть будет Сейла, — согласился Вайхель. — В данном случае имя не имеет значения.

— Ещё как имеет, — возразил Дамматрик. — Это ведь она проживала в меблированных комнатах Браста? Так? Её полное имя Сейла Вомт. Она имеет поместье где-то в пригороде Альпорта, а связь между вами поддерживал Плесень.

— А ты далеко продвинулся, красавчик, — признал гангстер. — Но толку-то что? Имена Вомт не существует, я проверял. Не существует даже такой фамилии. По крайней мере среди землевладельцев Холлара.

— Позже расскажешь, что знаешь о ней, — сказал Вайхель Дамматрику и вернулся к допросу. — И какие дела вас связывали?

— Я выполнял для неё отдельные поручения. Я ведь контрабандист. И доставить товар, так чтобы о нём не пронюхали — моя работа.

— Что ты поставлял Сейле?

— Разные вещи, колдун. Обычно я не добывал их, а только переправлял на побережье.

— И всё?

— Иногда она просила узнать кое-что о разных людях.

— Например?

— Например, про ваших людей.

— Про каких моих людей? — удивился Вайхель.

— Вот про этих, — голова попыталась кивнуть в сторону сидящих страховщиков, но чуть не скатилась с подставки. —

— Вот как? — переспросил Вайхель. — Любопытно. И что же она просила узнать?

— Да ничего особенного. Где живут, чем занимаются. Пороки, страсти, обычное дело.

— А зачем?

— Она не сказала.

— Сила, — сказал Вайхель. — Я чувствую наполняющую тебя силу. Пытаешься свести всё дело к обычной контрабанде и шпионажу за частными лицами? Но такие, как она, не стали бы поддерживать жизненные силы простого исполнителя. Ваши дела имели серьёзное основание.

— Однажды, как раз когда пропал капитан Торадо, она попросила, если получится, добыть их кровь. Ваших миньонов, я имею в виду.

Ильметра вздрогнула, то ли от того, что услышала родовое имя, то ли из-за упоминания крови.

— Ну не резать, конечно, — добавил Лейсон. — Платок с кровью, корпию, что-то такое. Я даже подготовил парней, чтобы один слегка подрезал здоровяка и красавчика, а другой бы пришел на помощь, вроде как рану перевязать... но не успел.

— Ты убивал для неё? — сменил тему Вайхель.

Тема добычи крови почему-то не показалась ему интересной.

— Да. Мои парни убивали людей по её заказу.

— Кого именно? За что?

— Разных людей. Сенатора Кириуса, например или торговца цветами Файда. Их ничего не связывало. А с причинах Сейла не сообщала. Называла имя и платила золотом.

Вайхель жестом попросил Ильметру убрать голову в шляпную коробку. Когда девушка сделала это, клиент устало откинулся на спинку стула и закурил трубку.

— Она, — произнес он, выпустив в комнату ароматный дым.

— Позволено ли будет нам, презренным слугам, узнать у Величайшего, кто это Она? — спросил Рив с присущим ему сарказмом. — И почему это так важно для нас?

— Пока ничего определённого, Ривси. Она одна из них, но это мне стало понятно ещё в ту ночь, когда мы пошли за Лейсоном.

— Действительно ничего определённого, — согласился Ривси. — Ничего. А из кого, из Них, позвольте спросить?

— Они — это силы, которые способны вмешаться в дела вашего мира. Они бывают разные и могут преследовать разные цели. Помнится, я упоминал о них при первой нашей встрече. Придёт время я расскажу больше. Но прежде мне нужно разобраться самому.

Ильметра ни на грош не поверила Вайхелю. Нет, он не врал напропалую, просто уклонялся от неудобных ответов. Она поймала себя на мысли, что нарочно ищет лазейку в построениях Вайхеля. Аксиома Рива, о том, что клиент никогда не врёт была неудобна. Она лишала сознание маневра. Но пока что клиент промашки не допустил.

До ужина оставалось ещё полчаса. Ильметра пристроила шляпную коробку на комод и занялась сборами. Перед ночным рывком следовало переодеться. Ильметра сняла платье и, разложив на кровати весь уцелевший гардероб, задумалась над выбором. Часть вещей она потеряла во время стычки в буковом лесу, а та одежда, в

которой она заявила на постоянный двор, выглядела уже слишком грязной. Если бы она не снимала её вовсе, то потерпела бы до следующей остановки, но надевать грязное... брр... И постирать времени не оставалось. Проклятый Вайхель, всё бы ему спешить. Из тех вещей, что ехали в кибитке, большая часть относилась к домашним или городским одеяниям. Путешествовать в таком или рискованно, или неудобно, особенно в седле.

— Подвигай бёдрами, это так возбуждает, — раздался вдруг голос.

— О! — Она схватила халатик и накинула на себя, но не запахла. Затем развернулась на голос. — Вайхель забыл выключить тебя? Прелестно!

Отключить, допустим, забыл, но кто опять сдвинул крышку?

— Зря стараешься, крошка. Твои прелести возбуждают, но не смущают меня. Неужели ты думаешь, что я не посмотрелся на обнажённых женщин?

— Но тогда они были доступны тебе. — Ильметра пару раз взмахнула полами халата словно крыльями и подошла ближе. — Ты же держал за горло половину города. Какая девушка откажет такому славному парню, верно? Но теперь всё иначе. Всё иначе. Тебя несколько укоротили.

Шутка ей понравилась и она засмеялась.

— Мне далеко не всё отрезали, крошка.

— Да тебе забыли отрезать язык.

— Что ж, язык тоже может согдиться, если дать волю фантазии.

— Фу. — Она, наконец, запахла халатик и завязала пояс морским узлом. — Неужели я должна выслушивать пошлости от убийцы моего отца.

— Но я не убивал Ники Торадо.

— Неважно. Ты или твои люди.

— Мои люди не убивали твоего отца. Он погиб в море, если вообще погиб, а ты получила информацию из вторых рук. Получила такой, какой захотели, чтобы ты услышала.

— Кому это было нужно?

— А подумай, кому была выгодна вся эта история? Кто воспользовался нашей враждой, чтобы перетянуть страховую контору на свою сторону, кто использовал твою ненависть, чтобы напасть на меня? И благодаря кому ты теперь бегаешь по земле как загнанный заяц?

Тезис не нов, она и сама перетирала его не единожды. Девушка вдруг застыдилась своей наготы. Она запахла халат и набросила на плечи платок. Затем села на кровать.

Любопытно. Вайхель прогнал голову Лейсона только по тому кругу вопросов, которые интересовали его самого. Клиент кого-то там почуял знакомого. Это его дело. У Ильметры же имелось своё.

— Рассказывай, — сказала она.

— Я прежде подумую, стоит ли.

— Конечно же стоит. Иначе ты не начал бы разговор.

— Я бы не начал разговор, если бы оставался безмолвным. Что ты хочешь услышать?

— Вы скинули груз на острове?

— Да. Но не весь груз. Мы занимались контрабандой, красавица, товаром, который не числился в документах и не был застрахован. Разумеется, мы сняли его на острове Волнений, там удобная бухта, многие перегружаются.

— Что за товар?

— Неважно.

— Ты продолжаешь хранить секреты? Зачем? От тебя осталась только голова.

— С возрастом начинаешь понимать, что голова — это главное. Ничего такого, что могло бы тебе помочь, девочка. Обычная дурь, которую продают на каждом углу. Ты не там ищешь.

— А что до старой оснастки?

— Милочка, но этим грешит каждый второй судовладелец. Текущие расходы знаешь ли кусаются. Согласен, я нарушил пункт договора о состоянии корабля и если бы твой парень доказал это в суде, пожалуй вы выиграли бы дело. Но, детка, это никак не убийство.

— Отец не пошёл бы на корабле с совсем уж ветхой оснасткой, — подумала вслух Ильми. — Скорее бы спустил шкуру с владельца.

— Верно, крошка, он старый моряк. И я почему-то думаю, что корабль пошёл ко дну не из-за оснастки. Да и погода, как поговаривают, стояла тогда ладная. Так что думай, детка. Думай, кому мог помешать твой отец? Мне-то он точно не мешал. Такие капитаны на вес золота.

— Ладно, — Ильметра нахмурилась.

Ей показалось, что Лейсон пытается вбить клин между ней и компаньонами или поссорить её с клиентом. Она и без того недолюбливала контору, так что сомнения были брошены на унавоженную почву. Поддаваться на вражеские хитрости не стоило, но обдумать всё на трезвую голову имело смысл.

— Ладно, а что ты скажешь о корабле "Пьяный Дельфин"? — спросила она на удачу. — И не ври мне про контрабанду. Я узнавала, Малыш Ойро не имел с вами дел. Но ты с друзьями примчался на пирс весь в мыле.

— Ах, вот ты куда добралась? Молодец, девочка. Ты утёрла нос самому красавчику.

— Итак.

— Признаю, я искал свидетеля крушения.

— Чтобы кокнуть его?

— Да нет же, дурочка. Пойми, мне самому интересно, что случилось с "Молотом". А кроме того, вместе с кораблём потонул груз, который Ники должен был взять на Четырёхгорном острове и за который я отвечал головой. — Он хихикнул. — Шутка на шутку, крошка. Так вот, контрабанду мы действительно сняли, но заказ, а ради него всё и затевалось, потонул. И та дама, о которой шла речь, очень сердилась.

— Сейла?

— Ну да, Сейла Вомт.

Голова Лейсона навела её на озорную мысль явиться к общему столу прямо в халатике. Получилось неплохо. Дамматрик сразу же устался на коленки и только что слюну не пустил, наверняка воображая как раздвигает их. Успел, значит уже соскучиться. Оборн разглядывал её целиком и с более умеренным интересом, он был всегда настроен скорее на серьёзные отношения с дамами, чем на интрижку, ну а Ривси, конечно же, заинтересовал сам халатик. Колдун питал страсть к необычной одежде, а халатик Ильметра прикупила по случаю у баламского купца и другого такого на всём побережье не сыщешь.

Довольная произведённым впечатлением, Ильметра с удовольствием отужинала (хозяин подал бараний окорок, фаршированные баклажаны, десерт с шоколадом и орехами, лёгкое золотистое вино мужчинам и светлое пиво Ильметре). Она так и не решилась рассказать спутникам о том, что узнала от Лейсона. Кошечка любила тайны и захотела оставить себе одну.

Вайхель не смотрел ни на коленки, ни на халатик, он почти не ел, а лишь сидел с бокалом вина в руке и, прикрыв глаза, размышлял.

— Вот что, господа, — пробудился он в конце ужина. — И дама. Кажется, пришло время, если не закончить беготню, то придать ей более ясную цель. В связи с чем, полагаю, нам следует, наконец, проникнуть в империю.

— Перевалить через Щитовые горы? — удивился Оборн. — Да ещё накануне зимы?

— Отправляйтесь в Бинай или какой-нибудь другой порт, — предложил Вайхель. — Тайно наймите судно. Пустите слухок, что пойдёте через хребты и пустыню, а сами отправитесь морем до Долгой дуги или обойдете её, как уж получится. Оттуда переберётесь в бывшие центральные провинции.

— Какой смысл тогда путать следы? — удивился Дамматрик. — Мы сделаем вид, что отправились в центральные провинции, и, провернув эту хитрость, отправимся не куда-нибудь, а напрямик в центральные провинции. Только что более сложным путём.

— Когда они поймут что след ложный, то возможно решат, будто у нас иная цель. Любой из островов, любая из колоний или оазисов Хелта или даже Агарата. Возможность запутать преследователей невелика, но всё же.

— Мы скорее сами запутаемся, — сказал Ривси. — Я вот уже забыл, в чём собственно дело? Мы должны кого-то спасти?

Вопрос был риторическим, о чём догадался даже Оборн.

— Кстати, а зачем нам туда? — спросил Дамматрик. — В империю, я имею в виду. Копаться в руинах? Эти варвары пожгли библиотеки, галереи и теперь люди вряд ли помнят что-то кроме названий. Они даже имперский язык исковеркали до неузнаваемости, судя по редким гостям с той стороны.

— Образ, который сложился об осколках империи у вас на юге, имеет мало общего с действительностью, — возразил Вайхель. — Рухнула централизованная система, забыты кое-какие знания, ушли в прошлое многие аристократические династии. Но люди остались. И жизнь мало-помалу наладилась. Страна теперь иная, конечно, учитывая приток чужой крови в жилы правителей, а вместе с кровью и кое-какие нравы, но это мелочи.

— Допустим.

— Южный берег оторван от остальной Киеры. А нам нужна именно Киера. Нам нужно собрать весь комплекс потенциальных угроз и найти подлинную. Поэтому лучше держаться поближе к бывшей столице. Она расположена в центре континента, не только в административном смысле, но и в географическом. Оттуда легче наблюдать за окрестными землями, там легче собирать информацию, найти конец нужной ниточки. В Холларе, конечно, много сведений о прошлом империи, но они ограничиваются пересказами. А что вы знаете о северных провинциях, о княжествах, о колониях Агарата? Почти ничего.

— Ладно, — пожал плечами Дамматрик. — Как скажете.

Ильметра согласилась с ним. По крайней мере, клиент снизошёл до объяснений, а не послал их в тёмную как в первый раз.

— Решать всё равно вам самим, — добавил Вайхель.

Дамматрик сходил в каретный сарай и принёс карту. Континент, если немного задействовать фантазию, походил на хвост рыбки меченосца, четыре пера которого как бы спускались с севера востока в сторону юго-запада. На хвосте и трех его перьях — полуостровах располагались старинные королевства и герцогства, а четвертый самый южный полуостров выглядел как тот самый меч, по какому рыбка получила название. Он назывался Долгой дугой или просто Дугой и отделял южные моря древнего Холлара от Северного океана. "В этой аналогии", — запоздало подумала Ильметра, — "сам Холлар оказался бы анальным плавником". Ну а тело рыбки относилось бы уже к большому северному плоскогорью и Великой Тарсии.

Обход морским путем Долгой дуги занимал много времени и требовал большой осторожности. Альтернатива — высадиться, чтобы пересечь перешеек суши — выглядела не лучше. Сам полуостров в ширину едва ли составлял несколько миль (учитывая сложный рельеф — день или два пути). Говорили, будто в большой прилив между скал возникали даже сквозные протоки. Но ни одной удобной бухточки на всём протяжении Дуги ни с этой, ни с той стороны не имелось. Сплошь скалы и рифы. К тому же, после перехода ещё требовалось найти корабль, чтобы продолжить путь.

— Если уговорите шкипера высадить вас на этой стороне полуострова, то на другой стороне разведёте сигнальный костер, — заметил на это Вайхель. — Местные племена так делают ради торговли с проходящими мимо купцами. Те спускают лодку и отправляют какого-нибудь приказчика помоложе с товаром для обмена.

— Так там есть племена? — удивился Дамматрик.

— Люди живут везде, даже в вечных снегах, — пояснил Вайхель. — На Долгой дуге куда легче найти пропитание, чем где-нибудь на крайнем севере. Птичьи базары, рыба, тюлени, морские огурцы, водоросли, устрицы, гребешки. В раковинах попадается жемчуг. Белый и черный. Его обычно и меняют у купцов на ткани, хлеб, соль, пряности, железные вещи.

— Местные могут прождать хоть год, пока не появится корабль, — заметил Ривси. — На то они и местные. А мы?

— Есть ещё один путь, через пустыню Терфе-Лива, — показал на карте Дамматрик. — Если высадиться на берегу Золотого залива. Вот тут даже якорная стоянка обозначена. А дальше своим ходом. Гор с перевалами там уже нет, зима не помеха. Только пески.

— Этой дороги давно не существует, — сказал Оборн. — Её не существовало уже при империи. Пустыня вбирает с этих земель дань с начала времен. Поэтому Ват Шо Орн и построил свой знаменитый проход через Щитовые горы на востоке, в то время как на западе пустыня понемногу пожрала и поселения кочевников, и портовый городок, и почтовые станции...

— И древний некрополь, — уныло добавил Ривси.

— Некрополь? — заинтересовались все, кроме Вайхеля.

Даже Ильметра отвлеклась от посторонних мыслей. В принципе ей было наплевать, какой путь изберут компаньоны. Она всё ещё не чувствовала себя частью команды. За ними погоня, надо бежать, вот и весь резон. Одной ей не выжить.

— Был у меня учитель, не тот, который крыс мучил, другой (у меня, знаете ли, много учителей было), — Рив попробовал вино, скривился и отставил кружку. — Так вот старик такие мрачные штучки про светопреставление, про последнюю битву богов сильно любил, собирал и кое-что мне рассказывал.

— Например?

— Например, что есть где-то в пустыне Терфе-Лива старинный некрополь. Его построили летийцы в те времена, когда пустыня ещё была степью.

— Терфе-Лива? — переспросил Дамматрик. — Степью?

— Она самая. Так вот некрополь. Давно его возвели, давно забросили, давно песками засыпало. И вот в нём якобы помещается, скованное заклятиями некое Древнее Зло. Но подробностей документы не сохранили. Какова природа этого зла, грозит ли его высвобождение миру и где тот самый некрополь находится — не знаю, и учитель не знал. Хотя кое-какими соображениями поделился.

— Постой, а отыскать его можно? — спросил Дамматрик.

— Ты чем слушал? Говорю же, засыпало давно. Пустыня огромная, вот так запросто не прочтешь, и документов не сохранилось.

— Да я не о некрополе, об учителе твоём, — пояснил Дамматрик. — Это же кладёзь для нашего дела.

— Увы. Помер старик. Давненько уж помер. И все бумаги с собой в могилу унёс.

— Как он мог бумаги с собой унести в могилу? — удивился Оборн.

— Очень даже просто, — хмыкнул Ривси. — Дом он подпалил, когда почувствовал, что пора, мол.

— А...

Оборн вновь погасил двумя пальцами свечу и попытался возжечь её силой мысли. Тужился он напрасно. Даже

искорки к фитилю не проскочило. Ильметру эти опыты уже начали раздражать. Не отдавая себе отчета, она сжала руку в кулак... и пожалуйста — огарок тотчас вспыхнул. Да загорелся так ярко, что оплыл и превратилась в лужицу воска меньше чем за половину минуты.

Оборн разинул рот. Вайхель улыбнулся. Ривси на что-то сердился. Дамматрик смотрел на девушку с восхищением. Сама Ильметра скорее обрадовалась подтверждению, что магия вновь посетила её. Ранее она почувствовала приближение Вайхеля, но это могло быть его воздействием, а не её способностью. Следующей мыслью стало предположение, что Вайхель пробудил её магию здесь, подобно тому, как эманации Орнского исчадия могли пробудить её в горах. И то и другое было слишком натянуто, но другой версии у Ильметры не оказалось. Впрочем, Вайхель утверждал, что магия приходит, как последний аргумент. Возможно товарищ довел её до предела своими бесплодными попытками вызвать огонь, вот сила и пробудилась.

Тем временем Оборн захлопнул рот.

— В любом случае пути через пустыню нет, — сказал он. — Перевалы скоро закроются, а на Дуге мы можем куковать месяцами.

— А если обойти полуостров? — предложил Дамматрик.

— Выйдут те же месяцы, — Оборн пожал плечами.

— Только с комфортом, — заметила Ильметра.

Она корабли любила и предпочла бы с самого начала путешествовать под парусом, а не скакать на лошадях по горам. Но её компаньоны были людьми сухопутными, даром что родились в портовом городе. Им даже в голову не пришло бежать на корабле.

— Ну, на любителя, — сказал Оборн. — А главное вряд ли какой шкипер согласится на столь дальнюю дорогу.

— А если мы хорошо заплатим? — спросил Дамматрик.

— Только на это вся надежда, — вздохнул Оборн. — Но золото открывает далеко не все двери.

После распада империи моряки редко отваживались на дальние рейсы. Кораблям требовалось пополнять запасы, особенно запасы пресной воды, а на попутных островах и берегах осталось мало безопасных портов. Почти во всех морях завелись пираты, а боевого флота, который гонял их во благо свободной торговли, более не существовало. Только морские волки вроде Ники Торадо решались на плавание за пределы южных морей.

— Кстати, о магии, — произнёс Вайхель, вновь запуская руку в саквояж. — С усилением способностей она будет всё больше привлекать погоню. И чтобы сбить наших противников со следа, я дам вам вот эти браслеты.

Он вытащил четыре (четыре, а не пять! — отметила Ильметра) невзрачных браслетов, сплетенных из кожаных ремешков.

— От обычной слежки они не помогут, — пояснил Вайхель. — Но надёжно укроют вас от поисковых заклинаний.

Никто из них не прикоснулся к браслетам.

— Что за магия? — заинтересовался Ривси.

— Обычные браслеты, которые одевают детям, чтобы те не терялись. Разве что эти чуть больше.

— Не терялись? — переспросил Ривси. — Вы вроде бы утверждали, будто они защитят от поисковой магии, а не наоборот?

— Это побочный эффект. Когда вы заряжаете артефакт магией, заточенной лично под вас, то ослабляете одновременно сторонние попытки. Концентрируете так сказать энергию поиска в одном русле. Без ключика к этому руслу увидеть маячок сложно.

— Впервые об этом слышу, — пожал плечами Ривси и опять сморщился. — Нам подадут хорошее вино, или мы так и будет пить эту кислятину?

— Не стоит злоупотреблять алкоголем перед рывком, — улыбнулся Вайхель. — И да, Ильми, думаю пора прикончить голову Лейсона. Ей незачем продолжать путь вместе с вами.

— Но нас же могут выследить?

— Если просто умертвить, то да. Лучше всего утопить её в море, тогда жизнь не сразу покинет её. Годика два три он поживёт на дне.

Ильметра передёрнула плечами.

— Наверное, не слишком приятная смерть — лежать вот так на дне, среди омаров и кракенов, и медленно гнить.

— Вы же, барышня, как раз такой смерти для негодя и требовали, — напомнил Вайхель. — Так в чём же дело?

Верно, требовала. Но теперь у неё появились другие виды.

Глава 12. Белый Консул

Они подошли к воротам Биная закаленными бойцами, готовыми к любым неожиданностям. Три месяца почти

непрерывного движения сделали из них опытных путешественников. Поклажа, изначально доставляющая столько хлопот и лишаящая маневренности, со временем приобрела оптимальные размеры. Ненужные вещи сами собой терялись, забывались на постоянных дворах, необходимые покупались, подгонялись и притирались. Лица компаньонов обветрились, ладони загрубели, ноги привыкли к седлу, а задницы к скамейке кибитки.

Осень кончилась. На южном побережье наступила короткая зима. Снегом засыпало перевалы не только в Щитовых горах, но и на небольших отрогах, тем самым отрезав долины и целые области друг от друга. Погоня сбилась со следа, затерялась в заносах, но беглецы не собирались использовать фору для отдыха, напротив, решили окончательно оторваться. И проще всего это было сделать в Бинае.

В старые добрые времена Второй Империи, Бинай являлся столицей провинции, включающей в себя кроме Южного Берега множество островов, Дымящуюся Долину, а также небольшие колонии на северных берегах соседнего материка Хелта. Короче говоря, всё то, что некогда, задолго до империи, существовало как процветающая страна Холлар, не признающая единого правления, но объединённая языком и культурой.

Город и поныне мог бы оставаться центром всех окрестных земель, если бы не патриотические настроения морских офицеров, возмнивших, будто они могут спасти Империю, по разрушенной столице которой уже давно разгуливали дикие племена.

Подготовкой к своему отчаянному походу моряки разорили город. Большую часть молодёжи обратили в новобранцев, запасы продовольствия и оружия изъяли в походную казну, с горожан собирали пожертвования, добровольность коих подкреплялась ежедневными казнями разного рода изменников и врагов.

Офицеры решили пройтись вдоль всего побережья, пополняя по пути воинство и припасы, а, собрав силы, ворваться в Империю с чёрного хода, каким считался проход Ват Шо Орна — горная дорога через несколько параллельных хребтов Щитовых гор с искусными мостами, скрепляющими пропасти, и тоннелями, прорубленными сквозь гранитные толщи. Затем морские офицеры намеревались за неделю форсированным маршем пересечь бесплодные пески пустыни Патфе-Лива, где дорогу то и дело поглощали барханы и дюны и даже имперские инженеры не могли постоянно поддерживать этот путь открытым. В качестве кульминации похода моряки планировали пройтись огнём и мечом по центральным провинциям империи и, наконец, вышибить из имперской столицы Чименто ожиревших от добычи, изнеженных бездельем кочевников.

Совершенные моряками промахи могли войти в учебники тактики и стратегии, как показательные примеры необдуманых действий. Никто из моряков не озаботился поиском претендента на пустующий трон, без чего вся кампания теряла ясную цель, а значит не имела внятной стратегии. Мобилизация происходила бессистемно, наряду с горсткой опытных вояк, в войско набрали неумех ополченцев, трактирных вышибал, авантюристов, бродяг, амнистированных заключенных. Вся это плохо управляемая масса людей обросла огромным обозом, в котором было много ненужных вещей и недостаточно вещей нужных.

Наспех сколоченные легионы вышли из Биная, чтобы никогда не вернуться. Неприятности начались сразу за стенами города. Жители побережья не разделяли патриотического порыва морских офицеров. Для многих империя так и не стала своей. Люди убегали в горы, в леса, закапывали в землю припасы, отгоняли лошадей. Под влиянием местного населения в легионах началось дезертирство.

Проход Ват Шо Орна стал следующим испытанием. Щитовые горы поработали с ополчением как нож для читки рыбы. Каждый из Щитов словно проводил децимацию, уменьшая войско на десятую часть умершими и покалеченными. Затем свою пошлину за транзит потребовала пустыня Патфе-Лива, где целые отряды сбивались с пути и погибали от жажды, а фуражиры неделями возвращались ни с чем. Центральные провинции империи поглотили остатки войска. Правда ходили слухи, будто несколько офицеров и часть войска уцелело и отправилось на поиски кого-то из императорской фамилии. Но этим слухам в Холларе особо не верили, потому что из центральной части империи с тех пор не пришло ни единого каравана, а из имперских портов не прибыло ни единого корабля. Лишь через вторые и третьи руки, с перевалкой на Четырехгорном острове или острове Девятого градуса добирались товары из портов западного берега. Но любые сведения искажались за время пути, проходя через множество посредников.

Покинутый военными, разорённый поборами город остался беззащитным перед пиратами, гангстерами и мелкими самозваными князьями. Они набросились на остатки имперской роскоши как стая падальщиков. Часто меняющаяся власть, стычки между бандами довершили упадок. Большое число вдов привлекало окрестных фермеров, желающих заделаться горожанами. Простонародная культура вытеснила прежнюю имперскую.

Верховенство на побережье понемногу вернулось к Альпорту, ставшему в имперские времена заурядным курортным городком, где столичная знать и богатые промышленники возводили летние дворцы, а в удобной гавани отстаивались их яхты. Альпорт оказался слишком анархичен, чтобы в нём собралась критическая масса патриотов империи, но слишком велик, богат и последователен в почитании собственной истории, чтобы отдаться во власть проходимцев. Короче говоря, он оказался как раз таким, каким нужно, чтобы тихой сапой, мягкой силой экономики за семьдесят лет прибрать к рукам почти всё побережье.

Всю эту историческую чушь, Дамматрик рассказывал спутникам с таким пылом, словно сам некогда отправлялся в поход вместе с глупыми обманутыми юношами. Ильметра просто кисла от пафоса.

Бинай даже давно разорённый, произвёл на беглецов впечатление. Впечатление, впрочем, неоднозначное. В отличие от Альпорта, имеющего долгую и славную доимперскую историю, Бинай изначально возводили как столицу провинции. Строгая, но величественная архитектура казённых зданий, упорядоченные генеральным планом прямые улицы и перспективы складывались в особую имперскую эстетику, непохожую на привычную выходцам из Альпорта красоту естественного развития с хаотичной застройкой ремесленных и купеческих кварталов и эклектичной роскошью вилл, разбросанных в беспорядке по холмам и склонам.

— У нас только один уродливый проспект, — заметил Дамматрик. — А здесь весь город состоит из таких щрамов и царпин поменьше.

От городских ворот до центральной площади они ехали по проспекту Мореплавателей, названному вовсе не в память о моряках, как мог бы подумать невежда, а в честь одноимённой династии императоров. Проспект являлся продолжением имперской дороги и шириной превосходил все прочие. Согласно прежним нормативам градостроительства на нём должны были при необходимости разойтись встречные армейские колонны. И потому даже высокие здания в четыре или пять этажей не превращали проезжую часть в ущелье.

Однако за семьдесят лет блеску поубавилось. Мостовые ремонтировали от случая к случаю, за фасады зданий и вовсе никто не брался. Может оно и к лучшему — за облезлыми фресками и отбитыми барельефами угадывались шедевры прежней эпохи. В то время как дома поменьше уже "красовались" сделанной под простонародные вкусы дешёвой лепниной.

— А в здешних библиотеках стоит порыться, — заявил Дамматрик. — Наверняка тут есть редкие книги.

— Если ты хочешь собрать коллекцию од в честь императоров, проконсулов и трибунов, учебники риторики, да горы отчётов о сборах податей, то здешние библиотеки — то, что тебе нужно, — заметил Рив. — Но искусством увлекались богатеи, а они жили в Альпорте. История же, в том случае если она не была пропагандой, во все времена относилась именно к искусству.

— Что до меня, то я бы предпочёл не задерживаться в этой дыре даже на одну ночь, — сказал Оборн. — Посмотрите, какими взглядами нас провожают. Наверняка уже прикидывают, как бы ловчее выпотрошить чужаков. Банды тут, небось не хуже наших, вот только я не знаю подходов к ним. Выспаться нам точно не дадут.

Ильметра кивнула, она тоже ощутила тревогу. Не такую, как если бы она почувствовала засаду или готовность к нападению. Здесь опасность излучал как бы общий фон города, а не какой-то конкретный человек или темный переулок.

Она поделилась ощущением с компаньонами.

— Как писал Бейсхолл: "В эпоху розни города — цветы преимущественно хищные. Они дают пищу сильному и поглощают слабого без остатка", — процитировал Дамматрик своего любимого философа. — "Входя в город ты не можешь заранее знать свою силу".

— Хищник, пожалуй, подходящее определение, — согласилась Ильметра. — И я чувствую спиной его взгляд.

— Но уже вечерет, — напомнил Дамматрик. — Куда мы отсюда денемся?

— Закажем ужин где-нибудь поближе к порту, — предложил склонный к прямым решениям Оборн. — Даже комнаты снимем для вида. А я уже сегодня найму корабль. Среди ночи тихо слиняем.

— Нам ещё следует устроить отвлекающий маневр, — напомнил Рив.

— Сколько времени тебе нужно на подготовку? — спросил Оборн.

— Мне? — колдун возмутился. — Я что, буду один трудиться?

— Давай поменяемся, — пожал Оборн плечами. — Ты достанешь корабль, а я займусь ложным следом.

Ривси фыркнул.

— Твой ложный след мало будет отличаться от дорожного указателя "Здесь их нет".

— Я тебе помогу, — предложил Дамматрик.

— Ну, а я пойду с Оби, — сказал Ильметра.

Босс как всегда промолчал. Но что интересно, его вроде никто и не удосужился спросить. Однако, когда Шохальц захотел отправиться с колдуном и красавчиком, никто возразить не посмел.

В гавани, некогда вмещавшей весь Южный императорский флот (Флот Полдня, как называли его), покачивалось теперь не более сотни мачт. В основном они принадлежали торговым бригам и промысловым шхунам. Зимой в Альпорте кораблей отставивалось куда больше. Многие пережидали сезон штормов в тихой гавани, занимаясь заодно мелкой починкой и давая командам отдых. Здесь же или проживали более отчаянные моряки, которые штормов не боялись, или кораблей как таковых насчитывалось меньше. Ильметра склонялась ко второй версии. Ей чужда была сама мысль, что Альпорт может хоть в чём-то уступать Бинаю.

Портовый трактир "Акулий зуб" (над дверью висел вырезанный из дерева и покрытый белилами Y-образный зуб размером с человеческую голову) оказался не лучше и не хуже других. Моряки привычно галдели, словно

пытаясь перекричать шторм. Пиво и ром лились рекой. Шла игра в кости и в сетку. Веселые девицы угощались за счёт морского братства и без лишних предисловий отправлялись в верхние комнаты. Оборн с Ильметрой легко сошли за уже сговорившуюся пару.

Несмотря на образ тупого и грубого гангстера, Оборн оказался галантным спутником. Никаких забот на неё не перекладывал: сам заказал ужин, предварительно узнав её предпочтения, сам договорился с хозяином о ночлеге, сам же потолкался у барной стойки, где прислушивался к разговорам, пытаясь незаметно вызнать о стоящих в порту кораблях.

Ильметра тоже прислушивалась к болтовне, впрочем её интересовало не столько подходящее для плавания судно, сколько информация о "Пьяном дельфине". Она никогда не забывала о своей главной задаче — выяснить обстоятельства пропажи или гибели Ники Торадо. Однако про "Дельфин" за время ужина никто не сказал ни слова. А расспрашивать самой было опасно.

Наконец Оборн подал знак. Оставив в снятых комнатах дорожные мешки, набитые ненужным тряпьем, они налегке направились к пирсам, где нашли лодку со скучающим лодочником, потягивающем из бутылки какое-то пойло.

— "Белый Консул", — произнёс Оборн и бросил лодочнику монету.

Тот прихлопнул монету ногой, подобрал, проверил на зуб, ещё раз приложился к бутылке и спрятал её под банку.

— Доставим, почему нет? — сказал он и взялся за вёсла.

Дамматрик наверняка прочитал бы целую лекцию про Белого консула, в честь которого называли корабль, но Ильметра услышала это прозвище впервые. Что ж, пусть будет консул.

Лодка миновала несколько китобойных шхун, от которых несло прогорклой ворванью, прошла небольшой участок чистой воды и стукнулась о борт стоящего у бочки брига.

— Есть дело к твоему шкиперу, моряк, — крикнул вверх Оборн.

— Минуту, — ответили ему с борта.

Матрос ушёл и быстро вернулся.

— Поднимайтесь по трапу.

Судно сидело низко и подниматься было невысоко. Трап — набитые на борт дощечки и два троса пропущенные сквозь них покорился Ильметре даже лучше чем Оборну. На вахтенного это, однако, впечатления не произвело. После падения империи нравы стали свободней. В Бинае, как и в Альпорте женщины часто отправлялись на кораблях в качестве пассажирок или подруг, а не редко и служили матросами или рыбаками.

Благодаря отличному лесу и грамотному уходу, корабли в Холларе служили по сто лет и больше. Бриг хоть и был старичком, судя по имперскому названию, оказался Ильметре ладным и надёжным. Она разбиралась в таких вещах и видела, что команда хорошо следила за кораблем. Чистая палуба, снасти в порядке, всё аккуратно сложено, закреплено. Медь начищена, дерево и цепи покрашены, канаты пропитаны смолой.

Посреди палубы стоял компактный бронзовый палинтон, способный метать камни или зажигательные снаряды на полмили, если не больше. "Белый Консул" в прошлом наверняка служил имперским пакетботом или корветом. Похоже новые владельцы оставили боевую машину как украшение, потому что использовать её по назначению могли только опытные артиллеристы, причем артиллеристы морские, с навыками колдовства, без которого считалось почти невозможным попасть во вражеский корабль, особенно при волнении, а главное вовремя воспламенить состав, чтобы не сжечь самоих себя.

Вахтенный матрос проводил гостей к капитану. Тот сидел в просторной столовой за обеденным столом и поглощал разнообразную выпечку, запивая её красным вином прямо из бутылки. Кексы, печенье, пончики заполняли хрустальную бонбоньерку, стоящую перед капитаном. Больше ничего съедобного на столе Ильметра не разглядела.

— С кем имею...? — начал было капитан, стряхивая крошки с сюртука и вытирая губы платком.

Он приподнялся из-за стола и Ильметра отметила, что тучностью шкипер не уступал их боссу.

— Оставьте, — отмахнулся Оборн. — Выйдем в море там и познакомимся.

— Выйдем в море? — усмехнулся капитан, опускаясь обратно. — Но я не собирался покидать порт в ближайшее время.

— Собирались. Вчера на борт к вам доставили бочки со свежей водой, окорока, масло, муку. А третьего дня загрузили трюмы горной слюдой. Что определяет вашу цель как Хелт, Котовые острова или Большой архипелаг. А у меня есть дополнительный фрахт для вас, капитан.

Оборн умел говорить, умел торговаться.

— Вы сами упомянули, что мой бриг уже загружен, — напомнил капитан.

— У нас никакого груза, кэп, только пассажиры. Вы получите тысячу палм и узнаете о порте назначения, когда мы минуем мол. А потом уже доставите вашу слюду, хоть на край света.

— Хм. Что ж...

— Но будет одно условие, — быстро добавил Оборн. — С этого момента на берег не должен сойти ни один ваш человек.

— Согласен. Но если вы хотите попасть на Четырехгорный, острова Радости или дальше, то водой запастись не помешает.

— Ближе, — отрезал Оборн, а Ильметра подумала, что на Четырехгорный остров она бы с удовольствием заглянула. Именно там загружался по словам Лейсона Ники Торадо. Там прятался один из концов ниточки.

Но, конечно, никто из компаньонов не намеревался совершать ради неё такой крюк. Это заняло бы лишних два месяца пути, а остров давно превратился в пристанище пиратов. На каждую бухту там приходилась собственная республика под черным или пурпурным флагом, а то и две сразу. Всё что хотели её друзья это пересечь Золотой залив (его часто называли морем за огромные размеры) и высадиться на берегу Долгой дуги. Пропавший или погибший товарищ был забыт во имя призрачной цели. Память об отце и желание прояснить обстоятельства оставались лишь при Ильметре.

— Хорошо, — согласился после некоторых раздумий капитан. — Но мне нужно отправить лодку за матросами, которые гуляют на берегу.

— Как-нибудь доберутся сами. А если нет, не велика беда. Заберёте их, когда вернётесь. Насколько я знаю, экипаж у вас и так больше, чем нужно.

— Лады, — кивнул капитан.

— Остальные пассажиры поднимутся ночью, — добавил Оборн. — Прикажи вывесить два зелёных фонаря на корме.

Шкипер согласился и на это.

Ильметра подумала и решила:

— Капитан, вы не знаете часом, не прибывало ли сюда каботажное судно "Пьяный дельфин"?

— Как же, — расплылся в улыбке тот. — Я лично прикупил ящик вина у Малыша Ойро.

— Он ещё здесь?

— Ящик-то? — хохотнул капитан. — Признаюсь, я хорошо поработал над ним.

— Малыш, — поправила Ильметра.

— Возможно. Он собрался распродать товар и закупить местного вина. Не то чтобы оно было лучше, но Малыш ценит разнообразие.

Чуть позже Ильметра отозвала Оборна в сторону.

— Оби, мне нужно сойти на берег. Поискать старого друга.

— Детка, это неразумно. Успех нашей операции висит на волоске. Имя этому волоску — скрытность. Как только ты начнёшь расспрашивать неважно о чём, каждая портовая собака узнает, что мы здесь. И тогда волосок порвётся, а все ухищрения Ривси с Дамми не будут стоить и гнutoго медяка.

Она вздохнула. Сбежать? Теоретически её ничего не удерживало. Она проголосовала за контракт, что не мешало лично ей в любой момент отделиться от компаньонов и заняться своими делами. Уже потом, если получится, если будет желание Ильметра могла догнать остальных. Правда тогда ей придется в одиночку путешествовать по незнакомым землям, где возможно женщин и за людей не считают, а пугников режут не ради денег, а просто на ужин. Тут и её сомнительная магия не спасёт.

Лодка с компаньонами прибыла после полуночи, а Ильметра так и не пришла к окончательному решению. Вещи быстро перекидали на борт, а с Шохальцем пришлось повозиться. Мало того, что босс боялся воды, так ещё и не отличался ловкостью. Он чуть не сорвался с трапа. В результате, чтобы драгоценная туша оказалась на палубе пришлось поработать сразу четверым. Снизу его страховали лодочник и Дамматрик, а сверху тянула пара матросов.

— Теперь о нас будут говорить во всем городе, — недовольно проворчал Оборн. — Проще было самим ударить в пожарное било на главной площади.

Тем временем сомнения Ильметры разрешились сами собой. Команда отшвартовалась от бочки и подняла несколько парусов. Бриг двинулся к выходу из гавани. Здесь из-за особой конфигурации скал дул почти постоянный ветер, позволяющий заходить и выходить в открытое море под парусами, а система из маяков и бакенов позволяла делать это даже посреди ночи. Тут Ильметра вынуждена была признать превосходство бывшей столицы провинции.

Единственную даму разместили в просторной каюте старшего помощника, который к отплытию не успел. Шохальцу, как главе предприятия, уступили помещение, которое в былые времена занимал старший офицер морской пехоты. Остальные пассажиры заняли один из кубриков в носу корабля. Бывший императорский пакетбот имел избыток помещений для разного класса людей, и компаньоны устроились с относительным комфортом.

Там в носовом кубрике они и собрались для короткого совещания.

— Не поверишь! — громко прошептал Дамматрик, едва юнга, помогавший с обустройством покинул помещение. — Вайхель не соврал. Я научился колдовать! И я начал видеть ауры людей.

Ильметра пожала плечами. Она давно начала видеть свечение, но ничего не понимала в нем. Ривси говорил, что любой обладающий силой колдун видит свечение, что все давно привыкли к нему. Конечно, аура может поведать об эмоциях, даже намерениях людей, если уметь читать сполохи. Но во-первых, существует множество оберегов и других артефактов, способных исказить или полностью скрывать ауру. А вторая проблема заключается в том, что каждый видит их иначе и передать такое знание невозможно, остается лишь понемногу накапливать опыт и сопоставлять факты. Пока для Ильметры это было бесполезное умение. А вот практическая магия другое дело.

— И что у тебя получилось? — спросила она.

— Я создал фантом, — гордо признался Даммарик.

— Фантом?

— Точь-в-точь как ты.

— То есть? — не поняла Ильметра. — Я не создавала фантомов.

— Фантом был похож на тебя, — пояснил Ривси. — Правда у красавчика не хватило воображения, чтобы добавить к иллюзии хотя бы пару звуков. Так что твоя копия передвигалась бесшумно и всё время молчала. Что, возможно, было бы не так уж плохо, отправься я с фантомами вместо вас.

Ильметра отметила, что Дамматрику удалось то, чего не удавалось ей — колдовать без внешней угрозы или сильного раздражения.

— Чем ты ещё недоволен? — удивился Оборн.

— Это все добром не кончится, — проворчал Ривси. — Помяните мои слова! Не кончится!

Он вытащил аз-за пазухи бутылку какого-то явно крепкого пойла и зубами выдернул кукурузный початок, используемый в качестве пробки.

— Хотите отведать местного самогона? Мы с Дамми заскочили на один славный хуторок. Эти чудачки додумались готовить солод из кукурузы. Фруктов им не хватает, винограда. Уподобились чёртовым северянам.

Ильметра отказалась, а Оборн попробовал и остался доволен.

— Забористая штука, — сказал он, с шумом втягивая воздух ноздрями.

— Так вот. — продолжил Ривси, закусывая сушёной фигой. — Что бы там не говорил наш клиент, дикой магии не существует. Любой колдун должен её формализовать или в системе жестов, или в системе заклинаний, или артефактами, или начертанием магических фигур и символов. Именно правильной формализации учат маги-наставники.

— Но ведь Ильметра использовала движение руками, — напомнил Дамматрик. — И я, когда создавал её образ, тоже словно лепил из воображаемой глины.

— Это не жесты системы, а просто жесты, — Ривси произнес это со вздохом, как объясняют малым детям избитую истину. — Они помогают вашему сознанию, а не формализуют энергию. Но если вы сами не делаете этого, значит кто-то формализует её за вас.

— Вайхель? — предположил Дамматрик.

— Да. Это очевидный ответ. Проблема, однако, заключается в том, что клиент наш не стоит у вас за спиной, его вообще не было в нашем мире, когда творилась ваша волшба. И он не смог бы предугадать все ситуации, чтобы заранее зарядить определенные реакции. Кроме того, и это пожалуй главное, Вайхель чурается использовать свою магию, чтобы не выдать себя.

— Но ты сам говорил, будто он накачивал её в нас? — возразил Дамматрик.

— Это другое, мой друг, это другое.

— Подожди. Но если маги учатся друг у друга, у кого обучался первый из них? — задалась вопросом Ильметра.

— Хороший вопрос, Ильми, — Ривси сделал еще один глоток из бутылки и поморщился. — Некоторые думают, будто магические системы это как грибы, ядовитость или съедобность которых определялась экспериментально, а систему агрегируют на основании опыта. Это не так. Вы можете развивать и комбинировать существующие заклинания, но не создавать их спонтанно. Отвечая на твой вопрос, Ильми, считается, что первые маги получили знания от богов.

— А боги? — не отставала Ильми.

— А боги, как впрочем и герои, то есть отпрыски богов и людей, сами создают законы силы и методы её применения...

— То есть боги и герои умеют колдовать без формализации магии? — спросил Дамматрик.

— Скорее они создают правила по ходу дела, — поправил Ривси. — По ходу дела.

— Это удобно, — заметила Ильметра и задумалась.

При всей распространенности магии в Альпорте, всю подноготную этого искусства мало кто из обывателей понимал. Это как со многими обычными ремеслами. Каменщики, замковые мастера, оружейники, бондари. Все видят результаты их труда, многие разбираются в качестве изделий, но мало кто стремится понять нюансы производства. К примеру она не раз удивлялась полной дремучести компаньонов в морском деле. Они не отличали даже свайку от нагеля.

Что не мешает им нестись на всех парусах чёрт-те куда.

Глава 13. Пираты

Щитовые горы становились всё меньше и через неделю плавания сошли на нет. Их последний отрог вдавался далеко в море вытянутым Западным мысом, который считался условной границей между Бинайским и Золотым заливами (или морями). Теперь береговой пейзаж представлял собой песчаные холмы и дюны, местами поросшие мелкой растительностью, местами абсолютно голые, отражающие солнце. Цвет песка по-видимому и определил название залива, потому что про добычу золота, по словам Дамматрика, не упоминалось даже в древних литийских хрониках, да и хорошей торговли тут отродясь не имелось.

Вскоре однако низкий берег скрылся из вида, корабль со всех сторон обступило море. Им повезло с погодой. Хорошая погода позволила им отойти от опасного берега, большой шторм разразился мыса, когда они уже миновали его и только поддал в паруса ветра. Хотя на юге и на западе то и дело собирались тучи команда корабля особенно не беспокоилась, все здесь были опытными матросами.

Ильметре быстро наскучило общество Лейсона и она большую часть времени проводила в гостях у компаньонов в носовом кубрике или прогуливалась по палубе. На свежем воздухе она чувствовала бы себя лучше всего, если бы не ощущала спиной откровенные взгляды моряков. Это немного раздражало. С другой стороны, она давно привыкла к мужскому вниманию. И умела осаживать наглецов, когда нужно.

— Зачем на торговом корабле этот антиквариат? — спросила Ильметра, в очередной раз поймав на себе непристойный взгляд палубного матроса.

Вопрос застал того врасплох и он от неожиданности потупил взгляд. На берегу парень, пожалуй, и не растерялся бы, но на борту царил какой-никакой дисциплина и за вольное обращение с пассажиркой можно было схлопотать наказание.

— Это имперская катапульта, госпожа, — сказал матрос. — А если точнее, то палинтон.

— Имперский?

— Да. Он достался нам вместе с корабликом. Красивая штука, не отнять. К тому же она придаёт уверенности в этих беспокойных водах.

— Но ведь у вас нет огневых снарядов, чтобы воспользоваться орудием? — уточнила Ильметра.

Хотя они плыли вместе уже неделю, матросов по именам она не знала, за исключением двух, которых боцман частенько гонял ставить и убирать верхние паруса.

— Но об этом никто не догадывается, — матрос усмехнулся. — За неимением огневых мы можем швырнуть и обычный камень. При удаче он может проломить палубу или борт, или покалечить кого-то. В любом случае заставит относиться к нам всерьёз. Извиняюсь, госпожа, но мне нужно бежать по делам.

Ильметра кивнула и задумчиво погладила бронзовую станину катапульты.

— Действующее орудие в довесок к избыточной для торгового плавания команде, — произнесла она себе под нос. — И что это может значить?

Что это может значить она почувствовала на себе ближайшей же ночью.

К полуночи поднялся крепкий ветер, но корабль держался отлично, а мерная качка, подобно детской колыбели, только успокаивала Ильметру. Она с детства привыкла к волнам и всегда легко засыпала под них.

Ей что-то снилось, очевидно, какой-то кошмар из тех, что не запоминаются, лишь оставляют тяжелое послевкусие. Что-то тяжёлое и жаркое навалилось на неё, пытаясь раздавить, перекрыть воздух, сковать движения. Сперва она подумала, что попала под лошадь, потом вспомнила, что находится на корабле и решила, что тот завалился на борт, а мебель и вещи завалили её, прижав к перегородке.

Ильметра окончательно проснулась и с ужасом осознала, что это не сон. Корабль, слава богам, стоял на киле ровно, но на неё действительно давила тяжесть. И этой тяжестью был человек. Её ночная сорочка оказалась задрана, чужое колено попыталось раздвинуть ноги, потная лапища сжимала грудь, в то время как другая пыталась просунуться под ягодицу. Пряжка чужих штанов, уже спущенных, царапала кожу то возле коленки, то возле возле щиколотки, а ужасно вонючее дыхание приближалось к лицу.

Затем язык лизнул её щёку и это послужило триггером. Она вздрогнула, попыталась сбросить мерзкую тушу или хотя бы выскользнуть из-под неё, но её хрупкое тело оказалось припечатано к кровати намертво, даже руками пошевелить не получилось. Их сковало точно колодками у позорного столба.

Времени оставалось чуть. Чужое колено давило словно клин, каким в каменоломне ломают камень. Никаких

сил не хватит, чтобы противостоять такому напору, а жалкая попытка сопротивления, казалось, только раззадорила насильника. Разумеется, никто из её друзей не отважился бы на такую мерзость даже в сильном подпитии, да и по весу тут подходил лишь босс, а он, при всех его пороках, никогда не отличался вероломством в отношении женщин. "Шкипер!" — догадалась она. — "Больше некому". Её догадку подтвердили слабые запахи миндаля с корицей, пробивающиеся сквозь перегар. "Клятый любитель сладкого!"

Сознание Ильметры лихорадочно перебирало пути к спасению. Браслет-оберег, что подарил Вайхель, помочь не мог или не хотел, он даже не предупредил её об опасности. Но это не удивительно, артефакт предназначался для отвода глаз и взаимодействовал с чужой магией. Обычный насильник не распознавался им как угроза. А что же с её собственной магией? Почему она не приходит на выручку? Колдовские способности проросли в ней достаточно глубоко и стимул для пробуждения силы имелся — ярость наполняющая сейчас её не уступала той ярости, что накатила в буковом лесу. Видимо не хватало того самого оформления, вернее формализации, как называл это Ривси. Находясь в состоянии раздавленного жука, Ильметра не могла сделать привычный для неё жест высвобождения силы — выбросить сжатую в кулак руку в сторону врага. Её сила попросту не находила выхода и бессмысленно струилась по жилам, как горячее вино.

Ильметра в отчаянии напрягла глаза, пытаясь пронзить тьму, корабельные перегородки, увидеть кого-нибудь из друзей. Отчасти это ей удалось, но никак не помогло. Её взгляд проник за пределы корабля. В тусклом свете звезд и серпа, она видела вздымающиеся волны, несущиеся по небу облака и более ничего. Тогда она представила, что отступила на пару шагов назад.

Каюта стала видна, как при свете свечи, лишь туша капитана перекрывала обзор. Рядом на стуле лежало дорожное платье, но кинжал Ильметры оставила на столе, а клинок с перевязью и вовсе убрала в рундук. Слишком далеко даже если бы она смогла совершить рывок.

Тем временем капитан уже раздвинул ей ноги и пытался проникнуть внутрь. Тут у него правда вышла заминка. Похоже не слишком опытен оказался насильник или слишком пьян. Но всё равно требовалось спешить. До оружия ей не дотянуться. Будь её воля она удавила бы мерзавца голыми руками, а лучше шнурком. Шнурком! Её платье как раз имело шнуровку на декольте. Не столько функциональную, сколько декоративную. Ильметра сосредоточилась, постаралась отрешиться от чужого дыхания, веса, липкой кожи. Она представила шнурок змейкой и начала силой мысли вытягивать его из люверсов, благо их было немного.

Шнурок освободился от платья, скользнул по спинке стула, перебрался на кровать, затем на капитанскую спину. Ильметра изо всех сил сжала кулаки, зажмурила глаза. Одним резким броском точно рассерженная змея шнурок прыгнул на шею насильника и обвился вокруг неё.

Ильметра перестала видеть в темноте. Возможно два колдовства одновременно не работали или требовали слишком больших затрат магической силы. Вещи, как она уже поняла, вообще слушались плохо. Швырнуть тяжесть проще, чем долго и кропотливо манипулировать чем-то небольшим. В результате её магии не хватило, чтобы заставить шнурок сдавить вражеское горло с достаточной силой, но кое-какого эффекта она, однако, добилась.

Туша засипела. Шкипер попытался высвободить шею, поддался немного назад, но тем самым только снял тяжесть с рук Ильметры. Она больше не видела его силуэт, но, сложив пальцы каждой руки в нечто напоминающее устричную раковину, точно и одновременно нанесла удар по вискам. Туша обмякла. Почти сразу Ильми поняла, что лежит не под человеком, потерявшим сознание, а под мертвецом.

Иррациональный ужас от близости к покойнику, ощущение на себе его остывающей кожи, на время парализовали Ильметру. Затем слабость прошла. Несколько минут ушло на то, чтобы выбраться из-под утратившего гибкость тела. Девушка постаралась сделать это без шума и тем более не позвала на помощь, так как явственно осознала, что не один только шкипер задумал недоброе. Некий заговор против пассажиров не возник догадкой в её сознании, он пришел, как уверенность — точно такая же легкая прохлада, почти онемение в области груди, как в тот раз, когда она впервые почувствовала засаду. Если бы она не спала, то вовремя распознала бы угрозу. Но теперь было поздно поднимать шум. Поздно и опасно. Ильметра с ужасом представила, как прямо сейчас её товарищам режут глотки. Медлить извергам ни к чему, если конечно в команде не имелось любителей насилловать мужчин.

"Ривси, Ривси, сраный ты колдунишка. Тревога, нападение. Подъем!"

Она пыталась дотянуться до сознания товарища, не зная в точности, как это сделать. Поэтому просто повторяла про себя на разный лад одни и те же слова, и воспроизводила в сознании ухмылку Ривси — наиболее яркий образ, что отложился в памяти. Ильметра так и не получила ответа, отзыва, подтверждения, она даже не знала, могла ли вообще устроить подобную связь, а если могла, то в каком виде?

По-прежнему стараясь не поднимать шума, она перебралась с кровати на палубу. Разорванная сорочка чуть не свалилась с неё, пришлось завязать на плече узел, чтобы не остаться голой. Одеваться она пока не рискнула. Это отвлечет её, займет на время руки, а оставаться без помощи рук она более не желала.

Босиком на цыпочках Ильметры подкралась к двери. По ту сторону раздавались приглушённые голоса. Она бы

не расслышала их, если бы магия в очередной раз не пришла на помощь. Шепот за дверью стал отчетливым, словно фразы произносили актеры в амфитеатре.

— Что-то тихо слишком, — сказал первый. — На нашего тюленя такая деликатность не похожа.

— Шкипер попросту задавил её насмерть и теперь пользуется мёртвую.

— Типун тебе на язык. Этот козёл никогда не думает о других.

— Может пойдём к остальным?

— Небось, управятся без нас.

Ильми отступила к столику и, перебирая пальцами, словно ползущий по пляжу краб, нащупала рукоять кинжала.

Следовало спешить. При мысли, что её товарищей уже зарезали, и ей предстоит одной сражаться против целой команды, а потом как-то добираться до берега, прошиб пот. На мгновение она устыдилась, что подумала прежде всего о себе, а не о жизни друзей. Это только придало ей сил.

От мощного удара ногой дверь распахнулась и повисла на одной петле. Ильми сама не ожидала такого эффекта, но извиняться, понятно, не стала. Застигнутые врасплох два матроса сперва отпрянули, похоже, думая, что их застукал за подслушиванием сам капитан, однако, быстро сообразили, с кем имеют дело. Сообразили, но не до конца.

— Вот стерва! — воскликнул один из них скорее с восхищением, нежели с тревогой.

— По крайней мере, не придётся любиться с трупом, — ухмыльнулся второй.

Они бросились на неё, даже не подумав достать ножи. Похоже разорванная сорочка на красивом теле лишила их разума.

Первый оказался шустрее. Ильми не ударила, а скорее отмахнулась от него машинально, так, словно отгоняла от себя назойливую муху. И удивилась произведённому эффекту. Кончик стилета должен был пройти в десяти дюймах от груди матроса, не меньше, это оружие вообще не предназначалось для секущего удара, но так получилось, что она рассекла тело чуть ли не надвое, причем даже не почувствовала сопротивления плоти. Зато ей показалось, что лезвие перед ударом наполнилось светом и стало длиннее. Опять магия, вызванная отчаянием? Размышлять было некогда.

Второй матрос оказался сообразительнее. Он успел остановить разбег, отступил, достал из-за пояса нож и, нащупав спиной угол, занял оборонительную позицию. Благодаря чему прожил на минуту дольше товарища. Пригвоздив его к стенке (клинок вновь удлинился чуть ли не втрое, когда Ильметра только обозначила выпад), девушка вернулась в каюту, чтобы одеться, а затем поспешила на палубу.

Масляные лампы, звезды и молодой серп неплохо освещали всё вокруг. Ильметра мельком взглянула на паруса. Ветер был слабым. Бриг нёс грот и фок, из верхних парусов только фор-марсель, а также единственный кливер. Она заметила что паруса полощут, иногда опадают, но никто не спешил выбрать шкоты. Вскоре стало понятно почему.

Большая часть корабельной команды собралась у двери кубрика, где расположились её друзья. Ильметра перевела дух — разбойникам явно не удалось незаметно проникнуть внутрь и перерезать пассажиров во сне. Похоже её попытка разбудить Ривси или Дамматрика сработала или они сами вовремя пробудились. Правда она пока не поняла, кто завладел инициативой? Команда заблокировала выход или её друзья заперлись изнутри? По крикам, доносящимся до кормы, по сильным ударам в дверь, ничего нельзя было понять.

Долговязый рулевой стоял у штурвала и с интересом наблюдал за развитием событий у кубрика. Он не смотрел ни на компас, ни на паруса, ни на звёзды, тем более не заметил он Ильметру, возникшую у него за спиной. Она перехватила стилет левой рукой и резко ударила моряка в бок, снизу вверх. Отец ещё в детстве поставил ей этот удар, вместе с дюжиной других. Он часто отлучался и считал, что её шансы выжить в Альпорте вырастут от знаний такого рода. На этот раз обошлось без магии. Девушка ощутила сопротивление плоти, а когда рулевого охватили судороги, эта дрожь через рукоятку передалась ей. Ощущение было не из приятных.

Долговязый выдохнул в последний раз и умер. Предсмертный хрип и стук падающего тела из-за шума моря никто на носу не услышал. Ильметра закрепила штурвал, прокралась к палинтону и притаилась за его массивной станией.

Что же делать дальше? Напасть на толпу с тыла? Возле кубрика собралось не меньше двух дюжин матросов, одним стилетом их не разогнать. Ильметра не умела толком управлять магией, а значит не могла как следует спланировать её применение. Что если сила откажет ей? Или сработает не так, как задумано? Не лучше ли в таком случае пройти по кораблю и разобраться с теми, что оказались в стороне от основной схватки?

К счастью вскоре всё решилось само собой. Дверь кубрика вместе с окладом и частью навеса выбило изнутри словно молотом горного тролля. Удар вышел куда сильнее того, что недавно удалось провести Ильметре. Массивный кусок надстройки врезался в кучку матросов, точно шар в кегли. Почти сразу следом за ударом из кубрика на палубу выскочили его обитатели. Трое пассажиров были вооружены скимитарами, имеющими

довольно зловещий вид, но уступающими длинной старым имперским клинкам, которые оказались в руках у каждого второго матроса "Белого Консула". На стороне компаньонов была магия Ривси.

Вскоре, однако, выяснилось, что команда унаследовала от империи не только бронзовую катапульти и стальные клинки, но и стандартные обереги, защищающие от боевых заклинаний. Такие продавались в Альпорте по десять палм за штуку и пользовались определенным спросом, хотя и не являлись панацеей — магическая наука тоже не стояла на месте, постоянно разрабатывая средства противодействия таким амулетам.

Во всяком случае какую-то защиту они всё же давали — несколько прямых ударов Ривси не принесли результата. Ему пришлось на ходу менять тактику. В теории всё выглядело просто — там где прямое воздействие на врага исключено или малоэффективно следовало манипулировать предметами и атаковать уже с их помощью. Однако, как Ривси не раз утверждал, неживой материей управлять было гораздо сложнее.

В общем бой поначалу вышел равным. Звенели клинки, тот тут, то там били сполохи отраженной амулетами магии, рушился рангоут и такелаж, рассекали воздух гигантскими плетками верёвки и канаты, летали над головой кофель-нагели, блоки, вымбовки, крышки люков, шлюпочные весла и банки.

Ривси хоть и освоил магию в детстве, теперь явно учился по ходу дела. Ильметра чувствовала, как он шаг за шагом постигает непривычную энергию Вайхеля. И вскоре некогда заурядный колдуниска превзошел самого себя. Он не смог отказаться от привычной формализации заклинаний, зато складывал жест за жестом с такой скоростью, словно зачитывал скороговорки на языке глухонемых. Оборн и Дамматрик прикрывали его, не подпуская бандитов близко. Дамматрик и сам время от времени пытался применить что-нибудь боевое, но пока у него выходили лишь иллюзии. Они впрочем тоже давали эффект, внося сумятицу в ряды противника.

Ильметра выждала подходящий момент и атаковала матросов с тыла. Не обошлось без проблем. Имперские обереги стилету помехой не были, но по-настоящему управлять магией девушка так и не научилась. Примерно через раз ей удавалось напиться стилет силой и рассекать вражеские тела точно выброшенных на берег медуз прутиком ивы. Холостые удары не достигали успеха, хотя и не слишком вредили. Занятые остальными пассажирами матросы просто не догадывались, что смерть приходит из-за спины.

В какой-то момент наступил перелом. Что именно послужило последней каплей, Ильметра понять не смогла — её усилия или магия Ривси — она только увидела результат: команда "Белого консула" бросилась врассыпную. Некоторые полезли на мачты, другие прыгали в трюм, самые глупые бросались за борт. Возможно они надеялись на шлюпку, что шла за кормой на буксире, однако, та лодка давно уже превратилась в обломки.

Оборн перебежал от люка к люку и задраивал их уцелевшими крышками, а когда крышку не находил, заваливал всем, что попадалось под руку. Один люк он оставил открытым и встал перед ним с подобранным где-то пожарным топориком. Дамматрик носился со скимитаром под мачтами, не давая ублюдкам спуститься вниз по вантам или свисающим канатам, а Ривси сбивал их одного за другим, точно игрушки мячиком на ярмарке. При этом он то громко ругался, то хохотал.

— Вот тебе, засранец пучеглазый, получи, ах-ха-ха! Что бы тебя собственными кишками в преисподней кормили!

Упомянутый засранец ещё больше выпучил глаза от натуги. Из последних сил он цеплялся за перт одними только пальцами и тут Ривси с упоением и остервенением принялся бить по ним свайкой, подобно тому, как колот лёд для коктейля. Понятно, он не забирался наверх, а управлял оружием с палубы, дёргая за невидимые нити подобно какому-нибудь звонарю, и зачастую нарочно попадал мимо, чтобы продлить ужас обречённого матроса.

Наконец, тот сорвался и с криком улетел за борт.

— Надеюсь, там уже собрались акулы! — прокричал вдогонку Ривси и взялся за следующего противника.

— Надо выкурить их оттуда! — крикнул колдуну Оборн.

Ривси кивнул, отстегнул от одежды амулет и бросил в люк. Скоро матросы оттуда полезли, словно черти из ада, а Ильметра почувствовала знакомый запах разложения.

Внезапно она осознала, что выдохлась. И не только физически, но и как бы магически. Сила ушла из неё совсем. Внутри воцарилась неведомая до сих пор пустота, похожая на ту пустоту, что возникла после известий о смерти отца. Ильметра даже охнула от неожиданности, потёрла грудь и отступила в тень, отбрасываемую гротом. Там она решила подождать конца битвы.

Долго ждать не пришлось. Сражение заканчивалось полной победой компаньонов. Матросы отправлялись на корм акулам, целиком и частями, в то время как друзья Ильметры отделались лишь лёгкими ранами и ушибами. Под самый конец из бухты толстого швартового троса выскочил парнишка, в котором Ильметра узнала корабельного юнгу. Парнишка побежал к корме, без ясной цели, лишь бы подальше от хаоса битвы. Он с ужасом оглядывался на демонического Ривси и, не заметив Ильметру, врезался в её живот головой.

Ильми устояла и машинально занесла стилет над парнишкой, но остановилась в нерешительности. Юнга присел и зажмурился.

— Бей! — посоветовал Оборн, сидящий на комингсе единственного открытого люка. Его топорик был в

крови, грудь часто вздымалась, на лбу блестел пот. Как и Ильметра товарищ явно устал сражаться.

— Нет. Не могу, — ответила она. — Это же совсем ещё ребёнок.

Юнга открыл один глаз.

— Этот ребёнок не стал бы раздумывать, если бы его дружки взяли верх.

— Но верх взял мы.

— И что нам теперь делать с пленником?

— Возьмём с собой, — она пожала плечами. — И есть ещё кое-что, о чём вы забыли подумать, устраивая резню.

— Что?

— Кто из вас умеет управлять кораблём, парусами?

— Хм. Я — нет. И полагаю Дамми с Ривси не умеют тоже, не говоря уж о боссе, — Оборн принялся чистить лезвие топора о комингс. — Однако об этом следовало сказать чуть раньше, детка. Мы перебили их всех. Парочка возможно ещё хрипит где-то в трюме, но я бы на них не рассчитывал. А юнга? Вряд ли он управится с двумя мачтами.

Убрав стилет, Ильметра присела.

— Как ты попал к этим разбойникам, малыш?

Парнишка молчал, всхлипывая и не рискуя даже вытереть сопли и слёзы, дабы не рассердить лишним движением пассажиров.

— Говори, тебе ничего не угрожает.

— По крайней мере, не угрожает смерть, — добавил Оборн, так как парнишка взглянул на него, ожидая возражений. Вeskости слов девицы он, похоже, не верил.

— Да какие они разбойники, обычные моряки, — заговорил юнга. — Если бы ваш толстяк не любовался день напролёт камушками, то никто бы и не решился на смертоубийство. Богатство и не таким в голову ударяет.

— Чёрта с два обычные моряки, — буркнул Оборн. — С охранными амулетами и мечами.

— В водах нынче беспокойно, — заметил юнга.

— Как тебя зовут, малыш? — спросила Ильметра.

— Тейш.

— Ты умеешь управлять кораблём, Тейш?

— Один? — он фыркнул точно ему не угрожала только что смерть. — Разве что удержу штурвал. Чтобы управлять парусами, нужна большая команда.

— Хорошо что у вас есть я, — сказала Ильметра Оборну.

Тем временем рассвело. Дамматрик принес карту, а Ривси развернул лоцию, которую позаимствовал в каюте капитана. Вахтенный журнал он прихватил тоже, но капитан оказался не особенно пунктуален и последняя отметка положения оказалась всего в трёх днях плавания от Биная.

— Мы наверняка где-то здесь, — палец Ривси уткнулся в самую серединку Золотого моря, затем колдун посмотрел на вымпел, что развеялся на топе грот мачты. — Ветер южный, ты можешь вести корабль к Дуге?

— Ветер юго-восточный, скорее всего, — поправила Ильметра. — Ты принял вымпельный ветер за истинный.

— Вот как?

— Да, вымпел это не флюгер на крыше дома. Следует учитывать набегающий поток от собственного хода корабля.

— Понял, не дурак, — кивнул Ривси. — Так что на счёт курса?

— В общем и целом идти прежним курсом не трудно, — ответила Ильметра. — Проблем на самом деле две. Нас может застать шторм, а мы вряд ли справимся без команды с серьёзной проблемой. Кроме того, мы не сможем маневрировать возле Долгой дуги. Там полно скал, рифов и опасных мелей.

— Мы могли бы спустить лодку, когда подберемся ближе.

— Если подберемся. И если окажемся там не посреди ночи. И если позволит погода. И ещё много "если" на самом деле...

— Что ты предлагаешь?

— Единственный шанс, спуститься по ветру. Если оставим только косые паруса и вы будете выполнять мои команды, то до ближайшего берега как-нибудь доберемся.

Ривси провёл ногтем по карте в сторону северо-запада.

— Мы увидим берег дня через три, — сказал он. — Но ведь это пустыня, друзья мои, Терфе-Лива.

— Зато там песочек, — сказала Ильметра. — Мы сможем выбросить судно на берег или во всяком случае подойти достаточно близко, чтобы перебраться на сушу с вещами. Если успеем до первого шторма, значит, нам повезло.

— И нас там точно никто не ждёт, — добавил Дамматрик. — Оборвём заодно след.

— В том числе не ждут лошади, проводники, постоянные дворы с горячим ужином, — возразил Оборн. — Пересечь пустыню пешком и тащить добро на себе, то ещё развлечение. А ещё босс.

— Как я понимаю, выхода у нас нет, разве что вернуться в Бинай, — подытожил обсуждение Ривси.

Возвращаться в Бинай никто из компаньонов не пожелал. Ильметра с их помощью убрала все прямые паруса (управлять ими вчетвером было сложно, а случись шторм, налети шквал, они просто не успели бы взять рифы). Из прежних она оставила только кливер, добавив к нему фока-стаксель и косою грот. Паруса пришлось развернуть бабочкой, отчего корабль пошёл медленнее и часто рыскал, так что Тейшу приходилось часто поправлять курс. Но так, по мнению Ильметры выходило даже лучше. Постоянная работа займёт паренька, отвлечет от тяжелых мыслей об убиенных товарищах, а её компаньонов убедит в его полезности.

Устроив всё наиболее приемлемым образом, Ильметра отправилась досыпать. Возле висящей на одной петле двери её опять нагнал Дамматрик. После схватки и тяжелой работы с парусами красавчик почувствовал себя смелее.

— Может, пригласишь меня в свою каюту? — напрямик спросил он у Ильми.

— Хорошо что напомнил... — Она заглянула в каюту. Тело шкипера уже скормили морским обитателям, но оставаться здесь ей было неприятно. — Можешь забрать эту каюту себе. Но без меня, Дамми, без меня. А мне помоги с переездом в капитанскую. Все же это я его пришила, значит и каюта теперь моя.

Переезд отобрал последние силы. Однако лечь в грязной в только что застеленную капитанскую кровать Ильметра не захотела. Она скинула с себя одежду и налила воды в кувшин.

— Не могла бы ты подойти поближе, — раздался голос Лейсона.

— Зачем это?

Она повернулась на голос и вдруг осознала, что не стыдится наготы. Не перед этим огрызком человека, во всяком случае.

— Хочу ощутить твой запах, — с печалью произнесла голова. — После битвы женщины пахнут иначе. Более возбуждающе, что ли.

— Забудь об этом, — нахмурилась девушка.

— Забыть? — к печали добавилась ирония. — Воспоминания это всё что у меня осталось, крошка. В моём положении начинаешь ценить подобные мелочи. Как можно забыть эти ночи и твои маленькие шалости, когда ты думала, что скидываешь одежду перед безмолвным уродцем. Поверь, моя дорогая, я запомнил каждое мгновение, проведенное с тобой.

На одно маленькое колдовство сил у неё хватало, а легкое раздражение бывшим бандитом позволило Ильметре использовать магию. Она едва заметно шевельнула пальцем. Чёрный таракан, той породы, что водится только на юге, спешащий по своим делам вдоль балки, остановился и, словно ему пришла в голову свежая идея, повернул в сторону.

Голова, разумеется, не видела насекомое и продолжала вещать.

— Дурак бы я был, если бы не запомнил каждый пупырышек на твоей озябшей коже, каждый волосок на твоём...

Ильми щёлкнула пальцами, и таракан, словно в спасительную щёлку метнулся в открытый рот.

— Тьфу! — голова выплюнула насекомое и заткнулась.

Девушка рассмеялась.

— Вот так-то, мой дорогой. Будешь говорить только то, что тебя спрашивают, — она шагнула в тазик и полила на себя из кувшина. — И первым делом расскажи мне о грузе. Не о вашей грёбаной контрабанде, а о том грузе, который ты взялся доставить Сейле на этот раз. Постарайся вспомнить всё. Имена, названия, даты, каждое слово.

И вот ещё что. Ты всё равно не спишь. Разбуди меня за четверть часа до полудня. Спой что-нибудь, прокричи петухом, в общем придумай сам... хоть какая-то польза от тебя будет.

В полдень Ильметра вернулась на палубу, чтобы сменить у штурвала Тейша. С помощью секстанта провела обсервацию, вспоминая уроки отца. Уточнив положение, попросила Тейша бросить лаг, затем проверила паруса. Ей с пареньком пришлось управлять кораблем вдвоем, а друзей использовать лишь в качестве тягловой силы.

— С таким ходом в три дня мы никак не уложимся, — сказала она скорее самой себе, чем помощникам. — Добавим грота-стаксель, хуже не будет.

Но прежде чем ставить дополнительный парус, она захотела проверить один небольшой трюк. Дело в том, что отсутствие парусов на шкафуте позволяло свободно стрелять из палинтонна. Она сходила в каюту и вернулась со свертком, напоминающим формой кочан капусты.

— Пора отправить тыковку в полёт, — сказала Ильметра. — Возьмите эту вымбовку, парни, и вставьте вон в то гнездо.

Оборн с Дамматриком налегли на рычаг, проворачивая механизм скручивания троса. Через каждые четверть

оборота вымбовку приходилось переставлять. Храповик трещал, основная шестерня вращалась сколько у парней хватало сил и собственного веса, чтобы проворачивать механизм. В конце концов, пал или собачка, выражаясь по городскому, щёлкнул в последний раз и даже резкого броска на вымбовку не хватило для ещё одного щелчка.

— Думаю, достаточно! — Ильми опустила свёрток на чашу катапульты, а руку положила на спусковой рычаг. — Прощай, Лейсон!

Бронзовый антиквариат звякнул. Снаряд устремился в небо.

— Хорошо летит, — удовлетворённо заметила девушка.

— Ты не боишься, что голову проглотит какая-нибудь крупная рыбина, прежде чем она достигнет дна? — спросил Дамматрик.

— Не боюсь, — Ильми щёлкнула пальцами и голова разлетелась розовой пылью.

Это выглядело как колдовство, хотя колдовством не являлось. Подкрашенная сахарная пудра, глазурь, крошки — всё что осталось от запасов сладёны-капитана. Даже Ривси её трюк не распознал.

— Напрасно, — заметил он. — Вайхель ясно сказал тебе, что на дне голова прожила бы ещё пару лет. А смерть подаст знак хозяевам Лейсона. И теперь на нас насядут всерьёз.

— Или, напротив, отстанут, — пожалала Ильметра плечами. — Они и так гнались за нами, не забыл?

— Вопрос в том, с какой целью? Собирались ли они спасти голову, заставить её замолчать, или узнать у неё какие-то секреты? Лейсон наверняка не обо всем докладывал этой Сейле.

— Пусть это тебя не беспокоит, Рив. Я приняла меры.

— Ты еще не набралась опыта, чтобы принимать меры такого рода.

— А вот и посмотрим.

Колдун захотел сказать еще что-то и даже открыл рот, но тут же его захлопнул.

Глава 14. Вино и карты

Зима не властвовала на этом участке суши. Ветер с моря приносил относительную прохладу, но в глубине пустыни воздух нагревался и возносился к небу, превращая горизонт в зеркальное марево. Огромный тент, сделанный из грота, укрывал груды вещей, сваленных на берегу. Под оттянутой в сторону частью тента расположились компаньоны. Они перевезли с корабля всё, что смогли, даже столы и стулья, так что расположились с комфортом.

Дамматрик с опаской поглядывал на пустыню и с тоской на брошенный корабль. "Белый консул" сильно накренился, стоя на мели всего в двух сотнях футов от берега. Корпус частью уже затянуло песком и теперь разбивало волнами. Ближайший шторм уничтожит корабль полностью. Путь назад был отрезан. В их распоряжении осталась лишь небольшой ялик, на котором перевозили вещи. Дамматрик на таком не отважился бы пересечь даже гавань Альпорта.

Полоса мокрого песка прямо у его ног обозначала границу. Лазурное от песчаного дна море здесь сменялось белой из-за палящего солнца пустыней. Волны оборачивались дюнами и продолжали бег, хотя и едва заметный глазу. Груда спасенных вещей выглядела слишком большой для путешествия через раскалённые пески.

— Мы не можем наколдовать чтобы вещи сами плелись за нами? — спросил у друзей Дамматрик.

Втроем они играли в сеточку, понемногу заполняя разлинованный лист бумаги сыгранными комбинациями. Босс храпел на большом рундуке, Ильметра с Тейшем удалились в выгородку и отдыхали от дел праведных. Дамматрик немного злился на девушку за показное равнодушие, но понимал, что на её хрупких плечах фактически держался их трехдневный морской переход.

— Как я уже не раз говорил, мёртвой материей трудно управлять, — ответил Ривси, сбрасывая одну из своих карт и беря из банка другую. — Это не иллюзию сотворить. Через милю мы устанем гораздо сильнее, чем если бы тащили всё на горбу.

— Устанешь-то только ты, — усмехнулся Оборн и поменял две своих карты.

— Вот уж спасибо. Однако, живым существом управлять легче, его нужно покорить лишь один раз. Поэтому куда проще заставить человека тащить вещи, чем двигать их силой магии. Понимаешь, на что я намекаю?

— Ты не посмеешь, — усмехнулся Оборн. — Кстати, у меня большой крест!

Он выложил карты перед соперниками и, взяв карандаш, поставил символ большого креста в нужную клетку.

— Если ты продолжишь в том же духе, то скоро оставишь нас с Дамми с голым задом, — заметил Ривси, сбрасывая карты. — Нет, определенно надо заставить тебя тащить вещи через пустыню.

— При нашем кредите игра потеряла остроту, — заметил Оборн, тасуя колоду, чтобы раздать карты по новому кругу.

Кроме игры в карты они дегустировали трофеи. На корабле оказалась неплохая коллекция вин и крепких напитков, собранных казалось со всего света. Капитан держал их в особом ящике, наполненном стружкой. Это ящик теперь стоял между Оборном и Дамматриком и друзья по очереди выуживали из него бутылки.

— Ты прав, — согласился Ривси. — Можем играть на фунты поклажи. Кто проиграет несёт груз за другого.

— Каждый понесет, сколько сможет, — сказал Оборн абсолютно серьезным тоном. — С пустыней не шутят. Иначе мы сдохнем через несколько дней от жажды. Или нас занесет песком во время бури. Или сожрет какая-нибудь тварь. Что, Дамми, в твоей книге есть что-то про песчаных драконов?

— Это выдумки, — ответил Дамматрик. — Столь крупное тело, как у дракона, не может быстро передвигаться в песке.

— Тело может не двигаться вовсе, а закопаться и поджидать жертву на месте, как муравьиный лев, — заметил Ривси.

— Вот! — кивнул Оборн. — Один головастый парень говорил, будто муравьиные львы не срут, а всю жизнь копят дерьмо внутри себя. Кажется он тогда так изысканно намекал на кого-то из моих приятелей, за что и получил нож под ребра.

Оборн медленно, но не прерываясь пил вино из бокала, продолжая виртуозно тасовать колоду одной рукой. Карты перетекали между пальцами сразу во всех направлениях. После серии манипуляций, он выбрасывал на стол очередную карту, а потом тасовал вновь. Король, король, король, дама.

— Ну и что сие означает? — спросил его Дамматрик.

— Я не гадаю на картах, — улыбнулся Оборн, опустошив бокал. — Выбросил то что выбросил.

— В свете наших приключений, я бы не стал пренебрегать знаками, — сказал Дамматрик.

— Старик давно не проявляет интереса к застолью, к разговорам, — заметил Рив. — Давно не проявляет.

— Старому дураку не следовало перебирать камушки на глазах у чужаков, — ругнулся Оборн. — Совсем из ума выжил.

— Я уже как-то обращал ваше внимание на то, что у толстяка не прибавилось ни мышц, ни способностей, — продолжил Рив. — Он так и остался неповоротливым увальнем с одышкой, болями в спине и прочими радостями жизни. Вайхель даже не упомянул его, когда перечислял наши просыпающиеся таланты. Он накачивает силой нас, но не Пузыря.

— Тот лопнет, если его ещё накачивать, — хохотнул Оборн

— Ты везде ищешь подвох, — возразил колдуну Дамматрик.

— Да, я везде ищу подвох, — согласился Рив. — И это большая удача для вас, мои легковверные друзья.

Большая удача.

Дамматрик откупорил очередную бутылку и разлил тёмное вино по бокалам.

— Ну и что же тебе не понравилось? — спросил он, сделав глоток.

— Почему не понравилось, хороший винчик. Откуда?

— Чёрное. Сухое. Медвежий угол, — сказал Дамматрик, взглянув на этикетку. — Не валяй дурака, я спрашивал не о вине.

— Вайхель постепенно заменил собой нашего старикана. Он стал командовать нами не как клиент, но как хозяин.

— В чём разница?

— Разница есть. И существенная. Клиенты никогда не вмешивались в наши дела. Они заключают контракт и ожидают его исполнения. А как мы будем выполнять работу, их не касается.

— Вайхель обещал, что так будет и в этот раз, — сказал Оборн.

— Нет, он лезет в каждую щель, — ответил Ривси. — Не грубо, но лезет.

— Но он просто помогает нам, разве не так? — возразил Дамматрик. — Без его помощи мы давно кормили бы вороньё или раков.

— Без его, так называемой помощи, мы до сих пор жили бы в Альпорте. Копались бы себе в старинных книгах, расспрашивали бы купцов, приезжих, говорили бы с мудрецами. А если бы так приспичило посетить центральные провинции, наняли бы для этого дела парней.

— Шохальц проголосовал против сделки двадцатью процентами, — напомнил вдруг Оборн.

— Ну и что? — удивился Дамматрик. — Другими-то двадцатью он выступил "за".

— Клиенту не нужны метания, — предположил Оборн. — Я так думаю. А Пузырь с самого начала был не в восторге от затеи. Он согласился из-за денег, но само дело его страшит. По причине ли религиозных предрассудков, или по какой иной, но страшит. А наниматель желает определённости и целеустремлённости, если угодно.

— Возможно, ты прав, — согласился Рив. — Возможно.

Допив чёрное из Медвежьего угла, они взялись за золотые и розовые хелтские вина. Культура виноделия в колониях Хелта возникла давно, но природные условия не позволяли возделывать лучшие холларские сорта. Тем не менее, урожаи некоторых годов в особенности годов дождливых, давали вполне приличные образцы. Их разливали в бутылки и хранили годами. Именно они и оказались в коллекции капитана.

— Ты до чего-то додумался, иначе не стал бы затевать разговор, — догадался Дамматрик.

Рив наклонил голову, соглашаясь.

— Почему мы? Вот главный вопрос.

— Он же объяснил почему.

— Он сказал, мы слышали. Воздух сотрясся от пафоса, только и всего.

— Ты не доверяешь ему? — спросил Дамматрик. — Ну, это понятно. А что с фактами?

— Полнолуние.

— И?

— Вот один из немногих фактов, — Ривси пожал плечами. — Объективно Вайхель может появляться только в полнолуние. И почти каждое полнолуние он использует для встречи с нами.

— Ну и что?

— Что, что? Вот ты, Дамми, или ты, Оби, когда вы отправляете агентуру по важному следу, по такому, когда на кону крупный куш или жизнь, будете вы довольствоваться одним агентом, если у вас есть возможность спустить с цепи десяток парней?

— Я спущу десяток, если позволят средства, — сразу же ответил Оборн. — Информация лишней не бывает, да и страховка никогда не мешает.

— Да, это логично, — согласился Дамматрик.

— И наш клиент, с его-то деньгами, мог легко зарядить сотни осведомителей в десятках провинций, — продолжил мысль Ривси. — Он легко мог купить всех сыщиков этого мира. Легко. Но он остановился только на нас. На встречу с другими у него просто не осталось бы времени. То есть что? Сложил все яйца в одну корзину. Зачем?

— Понятно, — кивнул Дамматрик.

— Что тебе понятно? — слегка удивился Рив.

— Понятна твоя мысль.

— А-а, — колдун задумался. — А с другой стороны, заказывая нечто ювелиру, ты ограничиваешься одним мастером, а не расписываешь заказы по десятку, в надежде, что кто-то из них сделает нужный тебе шедевр.

— Аналогия не бесспорная.

— Всего лишь аналогия, — отмахнулся Рив. — Суть в подходе. Есть вещи и дела, где избыточности не бывает в принципе, а есть такие, где требуется нечто определённое, штучный товар.

— Значит, мы не просто сыщики?

— Выходит что так.

— Тогда кто?

— Три короля и дама, — колдун кивнул на выброшенные Оборном карты. — И старому Пузырю нет среди нас места.

— Всё это очень смутно.

— Ну, пока я не имею ответа, — улыбнулся Ривси. — Пока. Но дай мне только срок, Дамми. Дай только срок.

— Мне кажется, ты слишком увлёкся сопутствующими загадками и оставил в стороне главное.

— Что есть главное, Дамми?

— Конец света.

— Заметь, что кроме тебя об этом никто пока и не думает. Мы ещё не добрались до спокойного места. Какие ко мне претензии?

— Ну, Оби — человек действия. Не мыслитель, — скосив глаза, Дамматрик заметил, что товарищ не обиделся на характеристику, но, тем не менее, счёл нужным пояснить. — Дойдёт дело до поножовщины, до слежки, до вербовки, до поиска нужных людей, ходов и подходов, он проявит себя. Ильми вообще среди нас случайно. Опыта пока мало. Вдобавок у неё свои занозы в заднице сидят. Но ты-то колдун. Мог бы и пораскинуть на досуге мозгами.

— Я раскидываю, ты за мои мозги не волнуйся и за досуг тоже, — усмехнулся Рив. — Я пока что на стадии постановки вопроса. Вот когда вопрос получит чёткие очертания, тогда — и не раньше, буду искать ответ. Не раньше.

— А на вскидку?

— Экий ты настырный. Давай лучше ещё какой-нибудь винчик попробуем. В пустыню с собой капитанскую коллекцию всё равно не потащим, жалко будет, если такое богатство пропадет.

— Мы можем сидеть здесь, пока всё не выпьем, — предложил Дамматрик. — Времени у нас теперь полно. Через пустыню-то путь короче.

— Здесь не только путь может оказаться короче, — пробурчал Оборн. Он склонился над ящиком и принялся шуршать стружкой. — Muskatная слеза подойдёт? — Не дожидаясь ответа Оборн принялся ввинчивать штопор в пробку. — Насколько я помню в бочку к этому вину добавляют немного бренди, чтобы оно не скисло при

перевозке. Ну как, немного? Думаю, порядочно добавляют.

— Я пролистал твою книжонку о тварях империи, — продолжил разговор Ривси. — Что ты хотел найти в ней?

— Тварей часто связывают с концом света, — ответил Дамматрик.

— Это правда. Многие твари считаются предвестниками конца света, впрочем они никогда не упоминаются, как его причина.

— Это неважно. — Дамматрик пригубил новый сорт вина и он ему понравился. — Хорошая штука. Так вот. Я подумал, что мы могли бы присматривать за местами, где говорят о подобных тварях или существуют легенды о них. И если мы узнаем, что какая-то из таких тварей действительно появляется в наши дни, это даст зацепку.

— Как часть стратегии вполне подойдет, — кивнул Оборн. Он пил крепленое вино крупными глотками и казалось совсем не пьянел. — Надо же с чего-то начинать?

— Возможно, — неохотно согласился Ривси. — Но книга Лотта Молчаливого не точна и не полна. Я не нашёл там как минимум одного мифического зверя. Хотя возможно это и не совсем зверь, а какая-нибудь особая аллегория.

Ривси попробовал золотистое вино и тоже остался доволен.

— Так или иначе это существо дало импульс развитию целой страны и с его пробуждением также связаны мрачные пророчества, — продолжил он. — Дословно легенду я не помню, да кажется, учитель и не зачитывал, а лишь пересказывал какую-то рукопись. Суть дела в двух словах такова.

Колдун сделал большой глоток вина, прикрыл глаза и взял долгую паузу. Как подозревал Дамматрик, Ривси собирался насладиться не столько вином, сколько нетерпением товарищей. Хорошо, что благодаря бризу их не развезло от жары и они сохранили способность понимать друг друга.

— Далеко на севере была страна, — начал колдун. — Как она называлась, кому платила дань и платила ли вообще кому-нибудь, не помню. Но империя её не контролировала, считала варварской и малопривлекательной в смысле ресурсов. Ещё севернее лежит огромная полярная пустыня, где люди если и живут, то совершенно дикие. Но это к слову. Самое интересное располагается на востоке от этой страны. Там находится Лабиринт. Огромное плато испещрённое кавернами, ущельями, разломами, в потаённых пещерах, которого обитает всякая нечисть.

— Лабиринт? Я слышал о нём, вернее читал, — вставил Дамматрик.

— В Империи Лабиринт хорошо известен, — согласился Ривси. — Его даже пытались исследовать. Но империя владела южным входом, где-то в Малой Тарсии, в то время как в руках северян находился западный вход. И если империя не нашла внутри ничего опасного, кроме демонов, сдирающих живьем с людей кожу...

— Какие пустяки, право, — заметил Оборн. — Большое ли дело содрать кожу с путника. Не стоит упоминания.

— Демоны нас сейчас не интересуют, — пояснил Ривси. — С ними конец света никак не связан. Жрут путников? Ну и пусть. Не надо соваться, куда не просят. А вот на севере ходила легенда о Полозе. И его появления из Лабиринта все ждали и боялись.

— Полоз? Это что, змея?

— Змея, да, но без ядовитых зубов.

— Удав?

— Нет. Она не сдавливает, а кусает, но без яда. — терпеливо пояснил Ривси.

Дамматрик заметил, что вино действует на друзей по-разному. Если Оборн становится более резким, импульсивным, то у Ривси почему-то прибавляется терпения.

— Понятно.

— Вот она-то, согласно некоему пророчеству, и собиралась опустошить весь наш мир. И остановить Полоза якобы мог только "народ, чтящий договор" — это определение я помню буквально.

— Народ, чтящий договор? — переспросил Дамматрик.

— Да. Но вот в чём штука, никто из толкователей не знает, что за договор, который следует чтить, относится ли определение к тем людям, что населяют сейчас северные пределы ойкумены, к той самой стране, что на севере, или же речь идёт о каком-то ином народе? Мутно всё это, но любопытно.

— Любопытно, — согласился Дамматрик.

— Любопытно, — подтвердил Ривси. — Ещё более любопытно, что Полоза нет в твоей книге. Почему?

Глава 15. Некрополь

На второй день пути их настигла буря. Песок спутывал ноги и проникал под одежду, лез в глаза, нос, рот, скрипел на зубах. Их головы и лица защищали платки и куски парусины, отчего отряд походил на группу кочевников. Говорить стало труднее, но они все равно больше не могли общаться на ходу. Слова попросту рассекало песчаными струями на отдельные звуки и разносило в разные стороны, точно клочья порванной карты.

Ривси не выдержал и применил какое-то редкое заклинание, ради которого пожертвовал не менее редким артефактом. Он добился лишь локального успеха. Ему удалось создать зону покоя, размером с марсовую площадку.

И всё бы ничего, но передвинуть её он даже не попытался.

— Не утопить нас в море, чтобы утопить в песке, — сказал колдун отряхивая одежду и вытрясая песок из платка. — Со стороны богов это пахнет сарказмом.

— Нам повезло, что эта буря не застигла нас в море, — возразила Ильметра. Она скинула с плеч мешок и пристроила его возле ног. — Мы так и останемся стоять здесь?

— Нет, — усмехнулся Ривси. — Больше часа зона покоя не продержится.

Дамматрик уселся на песок, используя мешок как опору для спины. Несмотря на усталость, он наблюдал за девушкой и размышлял о природе её непостоянства. То она подавала ему надежду, то давала от ворот поворот. И что самое неприятное — спрогнозировать её очередную вспышку было невозможно. Это выматывало Дамматрика не хуже песчаной бури. В девушке все время что-то менялось. Прорастали способности, увеличивалась сила, появлялась склонность к экспериментам. Всё это как-то влияло на образ мысли и действия. Она часто брала на себя ответственность, отдавала приказы, хотя являлась самой младшей в их группе.

Вот и сейчас Ильметра вместо отдыха стала принахиваться к пространству и прислушиваться к чему-то внутри себя. Затем показала рукой чуть в сторону от того направления, по какому они двигались, ориентируясь по компасу и путевому амулету.

— Мне кажется, там есть укрытие, — сказала девушка.

— Смеешься? — фыркнул Ривси. — В этих местах тысячу лет никто не живёт. Все сооружения давно сточились в песок и летают теперь среди этого безумия.

— Пойдем и проверим, — настаивала Ильметра.

Оборн её поддержал. Дамматрик пожал плечами, Шохальц тоже предпочел отмолчаться. Он с радостью остался бы на берегу, но босса чуть ли не пинками погнали в пустыню.

— У нас ещё сорок минут на отдых, — заметил Ривси. — Найдем мы убежище или нет, но будет жалко потратить артефакт зря.

С этим согласилась даже Ильметра. Они постарались использовать время по максимуму. Оборн выдал каждому по горсти сушеных фруктов, несколько сухарей. Перекусили сушеными фруктами и сухарями, пока песок не прилипал к пище и не лез в рот.

Когда зона начала ослабевать, быстро оделись и двинулись дальше.

Чутье не подвело Ильметру. Среди дюн они увидели почти не отличимое от песчаной горы сооружение. Купол был сложен из блоков ракушечника с едва различимыми швами. Снаружи он походил на огромную печь вроде тех, в каких некоторые горные народы пекут лепешки, налепляя тесто на внутренние стенки. Дамматрик припомнил, что у литийцев имелись молельни и усыпальницы похожей архитектуры. Правда он видел их только на книжных рисунках.

Судя по всему, купол регулярно засыпало песком, а потом обнажало на некоторое время. Им повезло попасть как раз на второй период. Иного убежища на три дня пути просто не существовало. Обойдя сооружение по периметру, они наткнулись на груды камней у его основания. Поскольку своды не имели следов разрушения, Ильметра предположила, что камни скрывают вход и пояснила мысль с помощью жестов. Дамматрик согласился. В любом случае каменную горку разобрать было проще, чем пытаться сделать подкоп. Кто знает на какую глубину уходит основание?

Впятером (Шохальц в работе не участвовал) они быстро разобрали завал и за ним действительно обнаружили почти круглое отверстие, достаточно широкое, чтобы пролезть внутрь даже тучному человеку. Оборн собрался было отправиться на разведку, но Ривси остановил его. Пальцем он дважды коснулся своего уродливого носа и изобразил в воздухе что-то вроде спирали. Оборн пожал плечами и Ривси полез в дыру первым.

Он пропадал там недолго. Вскоре они увидели, как в темноте вспыхнул шарик света, затем из дыры показалась рука, сцапала мешок и втащила его внутрь. В следующее мгновение рука вернулась и взмахнула, показывая, что путь свободен.

Дамматрик с Оборном пропустили вперед Ильметру с мальчишкой, затем протолкнули внутрь босса. сами залезли последними, после чего подтянули к дыре камни и завалили вход. Сразу стало намного тише. Толстые своды ослабили шум бури, позволяя вести разговор, не надрывая связок. Вот только говорить никому из них не хотелось. Не только из-за усталости, они чувствовали себя неуютно среди странной тьмы, которую даже светлячок Ривси разгонял лишь на небольшом пятнышке возле лаза. Поэтому все уселись недалеко от входа прямо на каменные плиты, которыми была выложена поверхность.

Впрочем, едва все устроились, как Ривси вздумалось прогуляться по убежищу и они оказались в полной темноте. Шарик света теперь походил на блуждающую звезду, на гнилушку, на уличный факел, способный обозначить себя, но не развеять тьму.

— Я обойду зал, — пояснил из темноты Ривси.

— Чёртов огрызок, — ругнулся Оборн без злобы, скорее по привычке.

— Малыш, найди в сумке свечу, — попросила Ильметра Гейша.

Тот подчинился беспрекословно, он окончательно признал в девушке госпожу. Дамматрик ожидал, что она вновь применит магию, но та воспользовалась обычным огнём.

Вспышка, искры, багровое пятно раздуваемого трута, рождение крохотного огонька. Сила свечи оказалась ещё меньшей, чем ожидал Дамматрик. Казалось, тьма подавляла под куполом свет, захватывала пространство, словно упавшая в воду капля чернил.

Тем временем шарик удался от входа уже достаточно далеко, а колдун вновь подал голос.

— Осторожно! — сказал он. — Посреди убежища широкий колодец. И никакого ограждения вокруг. Никакого.

Купол был небольшим. Когда они его обходили, Дамматрик насчитал сто двадцать шагов, что означало диаметр равный примерно сорока шагам. Поэтому Ривси вернулся быстро. За исключением центрального колодца, колдун не нашёл ничего примечательного. Почти ничего.

— Пахнет смертью, — сказал он спокойно, словно вёл речь о жареном цыплёнке.

— Да ну? — усмехнулся Дамматрик.

— На вашем месте, друзья мои, я бы остерегся здесь веселиться, — он погасил шарик и несколько раз встряхнул рукой, словно сбивая с ладони воду или грязь. — Мёртвые не любят, знаете ли, когда живые смеются возле могил. Не любят.

— Мёртвым всё равно, — возразил из упрямства Дамматрик, хотя при упоминании о могилах вздрогнул наравне с остальными.

— Почему ты заговорил о могилах, колдун? — потребовал Оборн ответа.

Отобрав у мальчишки свечу, Ривси показал на стены. На высоте человеческого роста их покрывали борозды и выбоины, которые при более тщательном рассмотрении складывались в символы.

— Литийские иероглифы, — пояснил Ривси. — Большинства из них я не знаю. Но некоторые до сих пор используют в алхимических прописях. Вон тот, похожий на кораблик означает Путь. Он же в зависимости от контекста может означать обучение или к примеру религию. А этот, из девяти горизонтальных чёрточек сложенных в пирамидку, означает, друзья мои, ничто иное, как Город Мёртвых

— Мёртвых?! — переспросила Ильметра.

— Это не случайное совпадение, — сказал Оборн. — Сраный колдунишка ещё когда говорил о некрополе и вот, пожалуйста. Получите. Это ведь тот самый некрополь, о котором ты говорил? Это здесь запрятали Древнее Зло, или как его там?

— Возможно. И тогда этот колодец в центре, он вовсе не колодец, а вход в Некрополь. Лестницы я там не увидел, а до верхушки купола свет не доставал. Там должно быть что-то, вроде такелажного блока.

— Это может быть случайным совпадением, — возразил Дамматрик.

Ривси пожал плечами.

— Я не фаталист. Тем более не любитель конспирологии. Нас никто не заставлял идти именно этим путём.

— Да? — возразил Оборн. — А корабль случайно выбросило на берег именно в этом месте? Течение и ветры могли бросить нас на скалы, или унести к Долгой Дуге, или обратно в Бинай, но мы оказались в пустыне.

— Тем не менее мы сами выбрали курс, поскольку он выглядел самым лёгким, — сказал Ривси.

— Вот именно что выглядел лёгким, — проворчал Оборн. — Так и устраивают западню,

Они довольно долго молчали. И всё это время Дамматрика терзала мысль, что Оборн прав и они попали сюда неслучайно. Как учили в школе на уроках логики и риторики, он придумывал контраргументы, чтобы проверить гипотезу на прочность, но все они выглядели слабыми.

Похоже Ривси занимался тем же. Во всяком случае спустя некоторое время именно он прервал молчание.

— Использование в эсхатологической схеме некоего древнего зла или даже конкретного Древнего Зла, мне представляется маловероятным, — сказал колдун. — То есть я допускаю его существование, более того, считаю весьма опасным, но вести игру со столь непредсказуемой сущностью вряд ли кто-то решится.

— Ишь, как завернул, — хмыкнул Оборн.

— А если это не схема, не чья-то игра? — спросил Дамматрик. — Разве Древнее Зло само по себе недостаточная угроза?

— Само по себе оно не пробуждается. Там такие печати должны стоять что ого-го! А кому придёт в голову его пробудить? Вот кому?

— Да мало ли дураков на свете?

— Если дурак обладает могуществом, способным пробудить зло, он проявит себя гораздо раньше. Просто не утерпит пустить кому-нибудь за шиворот пригоршню блох. Дурак ведь.

Оборн кивнул, соглашаясь с Ривси.

— А если хитрый дурак? — не сдавался Дамматрик.

— Значит это тот самый маловероятный случай, который невозможно предусмотреть.

— А не затруднит ли тебя объяснить, что за зло такое? — не вытерпела Ильметра.

— Присоединяюсь, — кивнул Оборн.

Ривси обвёл товарищей хитрым взглядом.

— Кажется я уже говорил, что не знаю его природы. Могу лишь рассказать о догадках, какими поделился со мной учитель, когда был пьян. Так-то он не слишком откровенничал. — Ривси вздохнул. — Вы пользовались когда-нибудь услугами целителей душ, друзья мои?

— Пожиратели грехов? — испуганно переспросил обычно молчаливый Тейш.

— Мерзость какая, — вздрогнула Ильми.

— Что я кретин? — ответил Оборн. — Позволю кому-то копаться в моих чувствах и изымать что-то?

— Не зря их частенько волокли на костёр, — заметил Дамматрик.

Проняло всех, кроме спящего Шохальца.

— Такой этический подход существовал не всегда. — улыбнулся довольный реакцией товарищей Ривси. — Мы считаем нормальным жить с болью, злом, прочей грязью, с грехами, как сказал бы наш босс. Точно так же, как живём с недостатками характера или внешности, с неприятными воспоминаниями, с неизлечимыми болезнями. Но, заметьте, друзья мои, некоторые певцы позволяют себя кастрировать, чтобы сохранить мальчишеский голос.

— Как бы не так, — возразил Дамматрик. — Их кастрируют без спроса.

— Согласен аналогия не точна. Неважно. В иные эпохи очистка душ считалась вполне нормальным явлением и была поставлена на широкую ногу. Особенно это культивировалось у литийцев. Для них душевная чистота являлась чем-то сродни гигиене и в храмы они ходили как в баню. Но есть небольшое различие. Нынешние чистильщики просто берут на себя чужую грязь. И от этого быстро превращаются в моральных уродов, если не в настоящих злодеев. Мало кому удаётся жить под спудом чужих грехов, таких называют святыми. А раньше люди, не все конечно, а только одарённые люди, умели сбрасывать всю эту дрянь.

— Куда сбрасывать?

— В этом-то и суть, — усмехнулся Ривси. — Нужен мощный артефакт, способный накапливать зло.

— И в чём подвох? — не понял Оборн. — Почему это не практикуют сейчас?

— Может и практикуют. Подвох в том, что артефакт со временем становится опасным, а утилизировать зло, преобразовывать его во что-то иное, например, в чистую энергию, мало у кого получалось даже во времена расцвета магии. Поэтому заряженные под завязку злом артефакты чаще всего прятали.

— А, понял, — Оборн кивнул. — И Древнее Зло на самом деле один из таких артефактов?

— Не совсем. Я думаю, вернее так думал мой учитель, Древнее Зло — живой артефакт. Не камень, какой можно погрузить на корабль и выбросить за борт над глубокой впадиной.

— Но к чему такие сложности, почему бы не камень?

— Потому что, как я не раз говорил, работать с живыми проще, чем с мёртвой материей. Итак, артефакт обладает разумом, а значит и некоторой свободой действий. Не такой, конечно, как у человека, но всё же достаточно широкой. И потому оставлять ему эту свободу действий крайне опасно.

— Живой, — повторил Оборн. — Живого легко сделать мёртвым.

— Да, но в этом случае зло высвободится с непредсказуемыми последствиями. Поэтому разумнее упрятать его в могилу именно живым. И некрополь самое подходящее место. Мёртвые, тысячи мёртвых, сковывают волю, а заодно охраняют живой артефакт от любопытных.

Наступила тишина. И как раз в этот момент глухо лязгнул камень. Они вздрогнули разом. Оборн потянулся за клинком, Ривси сделал оберегающий жест, Ильметра чуть прикрыла глаза, прислушиваясь к пространству. Дамматрик тоже приготовил кинжал. Некоторое время никто из них не смог определить откуда раздался звук, но затем возле входа послышалась возня, словно кто-то пытался растащить камни, закрывающие лаз.

Ну, во всяком случае к ним лезли не из колодца. Дамматрик боялся даже представить, как они смогли бы управиться с Древним Злом или даже с обычными мертвецами из некрополя. При всей обыденности магии в Альпорте, никто из них никогда не сталкивался с некромантией (не считая эпизода с головой Лейсона) тем более с проклятиями древних. Мертвые всегда оставались мертвыми.

Кладка завалилась, впусив внутрь звуки продолжающейся бури, показалась рука. Пальцы на руке сразу же сплелись в магический знак, от которого у Дамматрика перехватило дыхание. Не только у него.

Пока все они пытались протолкнуть в легкие воздух, из дыры показалась голова в широкополой шляпе, а затем и весь человек целиком. Это был Вайхель. Он сделал ещё один знак и дыхание вернулось.

— Прошу прощения, — сказал клиент, восстанавливая кладку. — Мне не хотелось стать жертвой вашего испуга.

— Мы прозевали чёртово полнолуние, — прохрипел Оборн, массируя горло.

Вайхель поднялся, отряхнул от песка одежду, снял шляпу, пару раз ударив ею о бедро, вновь надел.

— Стук в дверь, если принять за таковую сложенные кое-как камни, вы всё равно не услышали бы, — пояснил он.

— Стук напугал бы нас не меньше, — буркнул Дамматрик.

Его уже отпустило, хотя воспоминание о пережитом ещё терзало мозг.

— Зато мы подготовились бы к встрече, — добавил Оборн.

— И отсекли бы мне голову? — усмехнулся Вайхель. — Благодарю покорно.

— Вы воде бы говорили, что опасаетесь колдовать в нашем мире, — напомнила Ильметра.

— Это так, — согласился гость. — Но чуточку магии во время бури никто не заметит. К тому же вы каким-то образом нашли древний некрополь, а его стража, если можно так выразиться, подавляет магию, так что эфирные возмущения быстро затухают.

— Так вы в курсе, что это за некрополь? — заинтересовалась Ильметра.

— Ну нет. Я не настолько знаком с вашим миром, чтобы определять нюансы. Полагаю Ривси или Дамматрик расскажут вам больше.

— Он хотя бы безопасен? — спросил Оборн.

— Вполне. Если вы не полезете в колодец без подготовки. Обычно стены в подобных сооружениях выкладывают из высохших мумий, принесенных в жертву людей или даже добровольцев из числа соратников. Как только полезете вниз, они могут ухватить вас за лодыжку.

Дамматрику показалось, что последняя фраза Вайхеля походила на шутку. Хотя, кто его знает?

— Кстати о мумиях, у нас есть сушёные фиги, — сказал Оборн и предложил: — Есть хотите?

— Обойдусь, вам еда будет нужнее. Зря вы поперлись через пустыню.

— У нас не было выбора, — ответила за всех Ильметра. — Пираты...

— Ты сам загнал нас сюда! — перебил её рыком Шохальц. — Ничего здесь не происходит без твоего ведома!

— Вы всё ещё принимаете меня за этого вашего предводителя демонов, мастер Шохальц, — Вайхель вздохнул. — У меня нет ни желания, ни сил переубедить вас. Но смею напомнить, вы подписали контракт.

— За что буду гореть в пекле по вашей милости!

— Хотите я освобожу вас от обязательств? — предложил Вайхель. — Только чур вас одного, без спутников.

Зато прямо сейчас. Бриллианты передадите молодым людям, отправитесь обратно к берегу...

Шохальц замолчал, Дамматрика передернуло от одной только мысли, что кто-то может добровольно предпринять обратный путь в одиночку. Даже помогая друг другу и используя магию, они едва добрались до некрополя. По сути они уже одолели половину пути и возвращаться назад было попросту глупо.

— Через три-четыре дня мы достигнем обитаемых земель, — сказал Дамматрик. — Там, наверное, будет проще. Возьмем лошадей, повозку, что-то же у них осталось от былой роскоши?

Он обвел друзей взглядом и остановился на Вайхеле.

— Допустим, мы доберемся до центральных провинций бывшей империи. Но что дальше? С чего начать поиски? Мы прихватили с собой несколько книг, какие-то возможно найдем на месте, а что в них искать?

— Ты читал "Цветок во власти ветров" Бейсхолла? — спросил в ответ Вайхель

— Как всякий образованный человек, — Дамматрик пожал плечами.

— Мыслитель хорошо чувствовал пульс империи, её суть, хотя и застал империю в тяжёлый для неё момент, а может именно потому, что застал на переломе и чувствовал лучше многих.

— "На изломе видны качество стали и доброта хлеба, богатство горной породы и возраст дерева", — процитировал на память Дамматрик. — "Мощь империи отчётливо зрима по руинам её".

— Мы говорим о конце света, — напомнил Рив. — А империя, при всех её размерах, это не весь свет.

— Мыслитель не рассматривал этот вопрос, — пожал плечами Дамматрик.

— Явно нет, — сказал Вайхель. — Но он говорил "Власть есть зло, а абсолютная власть — есть абсолютное зло".

— Он просто использовал эсхатологические мотивы в политических конструкциях, — возразил Ривси. — Его волновал не конец света, как таковой, а влияние, оказываемое империей на городскую культуру, и конечно политические интриги.

— Верно. Но только небожители не слишком отличаются от правителей, те же интриги.

— Вы слишком упрощаете, — упорствовал Ривси. — Пытаетесь свести эсхатологию к обыкновенной политике.

— Катастрофа конца света может иметь множество воплощений, — пояснил мысль Вайхель. — Например, уничтожение всего живого или всего разумного. Однако простое уничтожение кажется мне маловероятным. Власть над людьми, над их душами — вот достойная цель для игроков высшего дивизиона. И в связи с этим один признак почти обязателен для эсхатологической игры — борьба за власть над миром, так или иначе, должна вовлечь в себя большую часть людей. Приобрести эпические масштабы. Не какая-то мелкая интрижка, пусть даже

и борьба за верховный престол. Нет, эту сюиту исполняют на всех струнах, в танец вовлекаются все. Ведь именно люди определяют суть мира.

— Мне кажется вы переживаете с метафорами, — заметил Оборн.

— Я хочу сказать, что империя как раз и есть объединение всего цивилизованного человечества. А раз так, то идея возрождения империи будет притягательной для желающих установить власть над миром. Вы прочли множество книг, знакомы со сказками, мифами. Один из самых распространённых мотивов или сюжетов связан с возвращением Императора, или Короля, с возрождением старых добрых порядков.

— Реванш? — предположил Оборн.

— Реванш? — Вайхель попробовал слово на вкус. — Нет. Пожалуй, нет. Время реванша упущено. Только поколение, испытавшее поражение на собственной шкуре способно на подлинный реванш. Кроме того, для реванша не хватает одного важного фактора — законного претендента из старой династии.

— А мог ли кто-нибудь выжить после резни?

— Вряд ли. И потому следует вести речь скорее не о восстановлении империи, а возведении новой.

— Третья Империя? — оживился Дамматрик. — Звучит неплохо.

— Звучит как третий брак, — фыркнул Ривси. — Интриги всё это. Политические интриги.

— А что предполагаешь ты? — спросила Ильметра.

— Ну, я поставил себя на место богов...

— О как! — воскликнул Оборн.

— Именно, — улыбнулся Рив. — Так вот, поставив себя на место какого-нибудь небесного интригана, я стал размышлять, как бы так прибрать к рукам человечество, чтобы оно человечество и не заметило, и размышления привели меня к выводу, что есть путь гораздо проще, нежели политика.

— И?

— Религия, — ответил Ривси. — Объединяющим фактором может послужить религиозный культ, который загонит людей в дихотомическую систему. Вот вам граждане добро, прошу любить и жаловать, а всё то, с той стороны — зло. Это будет посильнее империи. А главное — дёшево и сердито. Взять хотя бы нашего толстяка. Его и поддерживать в вере не надо, он сам разложит всё по корзинам.

— Не лезь к моей вере, коротышка! — подал голос Шохальц.

Впрочем энергии и пафоса в его отповеди поубавилось.

— Церковь? — уточнил Дамматрик, не обращая внимания на босса.

— Церковь опять же только политический институт, — сказал Ривси. — Возможно и церковь, а возможно просто сильный культ, подкреплённый чудесами и прочими фокусами, привлекающими народ. В одном из таких культов, помнится практиковались оргии. Чем не морковка для осликов?

— Возможно, — согласился Вайхель. — Возможно. Хотя мне ни разу не приходилось слышать, чтобы какой-нибудь культ смог стать доминирующим без серьёзной поддержки политической власти. А это возвращает нас к империи. Такой культ обязательно должен проявить себя там, в центральных провинциях.

Вайхель задумался, потом улыбнулся и махнул рукой.

— А вообще, не берите в голову, — сказал он. — Боги любят играть на нескольких досках сразу, со множеством разнообразных фигур.

— И тут, друзья мои, возникает вопрос, кто они? — вновь перехватил инициативу Ривси. — Собственно с него и следовало начинать, ещё в Альпорте. Ведь всякая эсхатология упирается в конфликт космогонии. Чтобы понять конец света, нужно знать подробности его рождения.

— Bravo! — гость медленно хлопнул в ладоши.

— Космогония, это сказки о происхождении мира, что ли? — уточнил Оборн. — Насколько я помню, в наших краях популярна история про небесную утку нагадившую в море и тем давшую начало жизни.

— Большинство таких концепций ни что иное, как умозрительные спекуляции, — согласился с ним Ривси. — Они созданы людьми. А находясь внутри системы невозможно описать её зарождение. Что возвращает нас к дорогому гостю, имеющему способность взглянуть на мир, так сказать, с расстояния.

Дамматрик в очередной раз восхитился умением Ривси вести разговор и плести интригу. Даже клиент улыбнулся, признавая отличную игру колдуна.

— Ну что ж... — пробормотал он. — Если попытаться, опираясь на вашу терминологию... но с другой стороны... Всё не так просто. Я не знаком с местной космогонией. Но могу рассказать кое-что об общем устройстве мироздания.

— Отлично, — сказал Оборн. — Мы не против послушать.

— Делать-то все равно нечего, — поддержала его Ильметра.

— Если сильно упрощать, то существует Великое Множество, — Вайхель замялся, подбирая слова. — Полиуниверсум. Штука эта довольно сложная и можно сказать непознаваемая в принципе. Но в ней, как клетки в

курином бульоне, пребывают более простые структуры — отдельные миры, вроде вашего. Миры эти не зарождаются сами собой, их создают. Это своего рода искусство богов, если называть этим примитивным понятием сущности, способные к сотворению. Не единственное, надо отметить, искусство, но одно из самых престижных.

Вайхель подождал, пока сказанное уложится в головах собеседников.

— Каждый мир представляет собой определённую ценность. Он наполнен силой, которая вызревает в нём веками. Можно определить её в ваших терминах, как совокупность запасов магической энергии, хотя это будет не совсем точно. Так вот, эта сила способна при высвобождении породить нового бога или послужить росту могущества того, кто сможет наложить на неё лапу. И высвобождается она как раз при гибели мира.

— Ох, — вздохнул Ривси.

Остальные, не будучи опытными в магических делах, не сразу прониклись масштабом грядущей катастрофы и призом, что стоял на кону.

— Поэтому всякий мир — есть лакомый кусок для любой могущественной сущности, — продолжил Вайхель. — Разумеется создатели защищают его от алчущих. Во-первых, мир не так просто обнаружить, а во-вторых, в него почти невозможно незаметно проникнуть и тем более начать самостоятельную эсхатологическую игру. Чужая магия обнаружит себя "эфирным возмущением", как я уже не раз говорил.

Дамматрик подумал, что Вайхель как раз подходит под описание которое сам же только что дал. Но не стал углубляться в размышления. На этом пути открывались слишком глубокие бездны.

— Это первая из возможных причин. Вторая может иметь в основе конфликт между создателями — классическая эсхатология, так сказать. Или, если создатель был один — его внутренними противоречиями, антагонизмом в широком спектре от шизофрении до логических изъянов в парадигме. Здесь всё гораздо сложнее.

Он обвел собеседников взглядом и кивнул, решив, что они достаточно образованы, чтобы понять его речь.

— Обычно стороны закладывают страховку против узурпации. Но если они вдруг схлестнутся, то миру станет туго в любом случае, кто бы из них не одержал верх. Мало никому не покажется.

И, наконец, проблема третьего рода может быть заложена несовершенством мира, какой-нибудь фатальной ошибкой, оплошностью при конструировании. Совершенного мира ещё никто никогда не создал. Всегда есть избыток первичного материала, или его недостаток, есть протечки, лабиринты, карманы. Отлаживая в процессе систему, ставя на неё заплатки, высшие сущности вынуждены сотрудничать с людьми. В результате этого общения возникает мифология, содержащая, в том числе и эсхатологические маркеры. Вот их вам и предстоит обнаружить.

Глава 16 Ожог. Крепость Шмель

Сержант по прозвищу Ожог вдыхал, словно пил маленькими глотками морозный воздух и не без удовольствия наблюдал, как Мышонок на вытоптанном в снегу пяточке, управляется с новобранцем Жабой. Лихой он парень и умелый, этот Мышонок. Жаль будет расстаться с таким бойцом. А ведь, скорее всего, придётся. Служить Мышонку оставалось меньше года и, судя по частым разговорам с товарищами, ветеран желал выйти в отставку в тот самый день, как только истекут предписанные контрактом пятнадцать лет службы. После чего, опять же исходя из многочисленных разговоров, Мышонок собирался осесть в каком-нибудь городке, обзавестись корчмой или гостиницей, жениться, и провести немаленький остаток жизни за хлопотами по хозяйству, воспитанием детишек и приятными воспоминаниями об армейских буднях.

Большинство солдат мечтают ровно о том же самом. Кого не послушаешь, всякий видит себя за стойкой с рушником на плече и многозначительным взглядом, намекающим посетителям на добрые старые времена. Воплотись в жизнь мечты хотя бы половины из ветеранов, в государстве проходу бы не стало от кабаков. Но пусть кабаков и наплодилось изрядно по трактам и гарнизонам, проходы все же имелись. А самое печальное заключалось в том, что за стойкой редко встретишь ветерана. На самом деле мало у кого из них обнаруживались способности к этому ремеслу. Многим приходится довольствоваться скромной работой извозчика, промышлять мелкой торговлей, охотой; иные, не выдержав гражданской жизни, возвращались в армию.

Но почему бы и не помечтать на досуге?

Под смех и подначки зрителей, Мышонок заставил новобранца споткнуться. Насмешки не были злыми, они являлись частью игры, частью обучения. Бойца ничто не должно отвлекать и, боги упаси, выводить из себя. Жаба справился с волнением и даже воспользовался всеобщим ожиданием нервного срыва для ложной, якобы безумной атаки. Мышонок купился на хитрость и, решив проучить горячего, но неопытного соперника, бросился в молниеносную контратаку, но тут же чуть не пропустил точно рассчитанный удар.

— У-у-у, — загудели зрители, подбадривая новобранца и подначивая уже ветерана.

Фаворитов на таких поединках не признавали, и теперь Мышонку приходилось успокаивать нервы, а получалось это у него не то, чтобы очень. Всё же не его стезя армия.

Ожог — другое дело. Он об отставке даже не помышлял. Вся его сознательная жизнь была связана с армией, больше того, связана именно с этой волонтёрской ротой, ротой Ковыля, известной по официальным документам

как "Когти Трагара", а в народе и среди друзей под ласковым прозвищем "коготки". Ротой, где он вновь обрёл и дом и семью, утраченную в раннем детстве, где он научился читать и писать, нашёл друзей и почувствовал себя человеком. Нужным человеком. А кому нужным, не столь уж важно.

Родителей он потерял в девять лет. Мальчишкой, но мальчишкой, который уже всё понимал. Пять долгих лет сиротства остались в его памяти как кошмар. Потеря взрослых членов семьи вовсе не освободила мальчонку от податей и тягот, возложенных на их небогатый двор. Сборщиков не волновало, что двор этот превратился в кладбище, так как средств на погребение у мальчишки не имелось тоже. Люди тогда вымирали от голода и болезней целыми селениями, государство пришло в упадок, а налоги от этого становились только выше.

В четырнадцать он завербовался учеником в роту коготков. Тщедушного паренька, явившегося к вербовщику, словно истаявшее приведение, поначалу хотели отправить "обратно в гроб", но он настоял. Схватил с жаровни уголья, на которых господин вербовщик изволил подогреть себе кофе, и сжал в кулаке. Слезы, скопленные за пять лет, потекли сами собой. Он оплакивал и мать, и отца, и двух братьев, и разорённое хозяйство, и собственную судьбу; но лицо сохранило твёрдость. Вербовщик одобрительно крикнул, а парнишка получил место в отряде и нынешнее прозвище.

В армейскую жизнь Ожог втянулся сразу. Не физически — положенные семь потов он сливал на общих основаниях — но, что гораздо важнее, втянулся психологически. Если обычный новобранец только на второй год службы начинал понимать, что истязания не являются прихотью сержанта, или тем более его патологической тягой к насилию, а обусловлены лишь заботой о выживании бойца и роты, а также выполнении ими задачи, он, Ожог, принял правила игры в первый же день службы. Безропотно. Сознательно. Возможно, именно это и открыл ему дорогу к сержантским нашивкам.

Не то чтобы дорога эта вышла ровной и прямой. Целый год всё его жалование составляла бесплатная кормёжка, а чистка нужников и котлов дополняла армейские будни, и только ещё через год он стал полноценным воином, купив на скопленное жалование у старого ветерана меч и доспехи. В волонтёрских ротах личное оружие приобреталось каждым самостоятельно. Ибо лучшим считалось то оружие, которым лучше всего владеешь.

Три года назад Ожог получил звание сержанта и первый взвод "коготков" под команду. Сейчас ему двадцать семь. Для солдата не возраст. Дальнейшая карьера виделась ему точно санный путь на заснеженной тундре в безветренную погоду.

Пройдёт ещё год-другой, и он получит шанс сдать экзамен на лейтенанта и занять офицерскую должность. Заместителя ротного мастера, адъютанта, вербовщика, или интенданта. Офицерское звание подразумевает переход на иную ступень в воинской иерархии государства, а всякая иная иерархия в Хоту просто не имела значения. К офицерскому значку многое прилагается. Хорошее содержание, возможность оставаясь на службе купить собственный дом или полдома. При желании он сможет обзавестись семьёй. Настоящей. В невестах недостатка не будет.

Сержант даже улыбнулся, представив каменный домик на Оружейной улице в Крапиве. Пять сотен шагов до крепости, до ротных казарм. Идиллия. Мечта, но такая, которую можно сперва вдоволь помечтать, а потом и воплотить. Хорошая мечта, правильная. Не какие-нибудь полеты в облаках.

А дальше? А вот дальше развилка. Выбор. Наверное, самый большой во всей его прошедшей и предстоящей накатанной жизни с тех пор, как он попал в армию.

Может быть, какой-нибудь ротный подаст в отставку по старости, или, что случается редко, получит дворянский чин и будет отозван в гвардию, или назначен подполковником в городской полк. Возможно, погибнет или получит ранение не совместимое с дальнейшим прохождением службы. Тогда у сержанта (тогда уже лейтенанта, конечно) появится возможность занять вакантное место.

Лучше конечно в собственной роте (дай боги долгих лет нынешнему командиру). Тогда он останется в привычной обстановке, со старыми приятелями — сержантами и ветеранами, на которых сможет положиться, с бойцами, которых знает как себя самого. В чужой же роте придется доказывать свое право не только на экзамене, но и перед подчиненными. Но сперва, конечно, предстоит экзамен.

Семь мастеров лучших рот будут испытывать претендентов на должность командира. Претендентов будет много, а испытания сложные и опасные. Каждый десятый гибнет или выходит из них калекой, из уцелевших лишь один получает вождеденный серебряный знак. Так говорят. Возможно нарочно пугают претендентов. Тех, кто не прошел испытания Ожог видел не раз. Они возвращаются на прежнее место службы под ухмылки да издёвки товарищей, с печатью неудачника, без права на повторные испытания в ближайшие десять лет. Впрочем, и по истечении длинного срока неудачнику мало что светит. Люди, неспособные оценивать свои силы, не годятся в ротные мастера.

Есть, однако, и другая возможность. Прослужив не менее шести лет в заместителях, подать прошение на получение чина ротного мастера без вакантного места. Пройти тот же самый экзамен, и если государю будет угодно, получить лицензию на право формирования собственной роты. Важное отличие в том, что среди

экзаменаторов обязательно будет и нынешний ротный. А их брат не особо горит желанием расставаться со способными командирами.

Формировать собственную роту куда сложнее. В новобранцах нехватки не будет, а вот ветеранов, опытных сержантов и прочих начальников найти будет ох как непросто. Из других подразделений их не переманишь, в деревне или городе не завербуешь. Нет там безработных военных. Разве кто из отставников согласится вернуться к прежнему ремеслу. Но такие предпочитают старых друзей. Вербовку иностранцев Государь не приветствовал, делая исключение лишь для чародеев, которых воспринимал не столько воинами, сколько родом оружия. Единственная возможность переманить кого-то из ополченцев, но даже их придётся натаскивать годами, прежде чем рота станет боеспособным подразделением.

Мороки не приведи боги, зато и почёт небывалый. Тот, кто формирует новую роту, вписывает своё имя в историю. Роты на иностранный манер брали звучные имена. "Головорезы Ожога" — чем плохо? Разве что прозовут головастиками.

Испытаний он не особенно боялся. В волонтёрских ротах сержантов принято натаскивать так, чтобы каждый из них смог случись чего заменить любого из старших офицеров, включая и самого ротмистра. Поэтому каждый день он читал книги по тактике, истории войн, изучал вопросы тылового обеспечения, осадную и оборонительную инженерию, строительство крепостей. И конечно тренировал тело. Он бился в спарринге с каждым из своих подчинённых по очереди, заодно натаскивая и их. Служба давала массу возможностей для подобных занятий.

Ожог отстранил новобранца, забрал у него меч и кивнул Мышонку. Некогда тот обучал его основам ремесла, хотя и пришёл в роту на год раньше, но пришёл, уже имея за плечами опыт службы в ополчении. А теперь воин вряд ли выигрывает у сержанта один бой из пяти. Всё же не тот настрой у горожан, что пришли в армию скопить денег или избежать наказания. Большая часть сержантов и офицеров выходцы из крестьян, людей закаленных изнуряющим трудом и голодными временами. И хотя возвращение к унылой жизни землепашца им больше не угрожало, отчаяние прошлого служило хорошим стимулятором карьерного роста.

Служба на северной границе по царящему здесь спокойствию мало чем отличалась от отдыха на квартирах в Крапиве. Пожалуй, на взгляд сержанта, даже имела некоторые преимущества. Здесь на удалённых от большого начальства блокпостах было меньше тупой муштры, излишней субординации, зато парням хватало настоящей полевой практики. Разведывательные вылазки в тундру, тактические игры на рубежах обороны, занятия по ориентированию, тренировки и учёба со всевозможными видами оружия, собранного в местных арсеналах — всё это позволяло натаскать новобранцев подтянуть бойцов без риска реального столкновения.

Северные форты неплохо годились для тренировки войск в суровых условиях, но в напряжении людей не держали. Достойного врага здесь отыскать трудно. Бойницы были обращены к полярной пустыне — тундре и заснеженным горам, где кроме бродячих народов и северных горцев тохчи-ма обитали только белые тигры и их основная пища — снежные верблюды. Когда-то давно племя тохчи-ма согнали с верховий Змеиной. Поэтому от них исходила основная опасность на севере, шаманы их славились коварным волшебством. Но и против тохчи-ма войско могло быть лишь вспомогательным инструментом. Шаманы насылали порчу на вельмож и командиров, остальные только прикрывали их колдовство.

К тому же ладичи с тохчи-ма давно замирились, на их нынешние владения не покушались, а поэтому, положив руку на сердце, солдаты считали службу на северных багнях разновидностью отдыха. Так что сержанту стоило некоторого труда разубедить бойцов в этом заблуждении.

— Точило со второго пикета! — крикнул кто-то из бойцов.

Схватка остановилась, круг зрителей разомкнулся, пропуская к началу вестового. Точило запыхался от быстрого бега. Всего-то пять вёрст до казармы от второго пикета, а дышит, словно от самой Крапивы бежал. Вообще-то у них имелась конюшня, а в ней сытые и отдохнувшие лошади из Крапивы, но отцы-командиры предпочитали держать людей в форме. И посылка верхового гонца с пустяками, к коим относилось всё, исключая боевую тревогу, могла стоить старшему бойцу пикета хорошего нагоняя.

— Упряжка, — сообщил посыльный, всовывая доклад между пыхтением. — Сюда идёт.

Сержант неохотно вернул учебный меч Жабе, набросил на плечи полушубок. Поединок пришлось отложить. Да и других охотников мечами махать не нашлось.

Обычно с севера не ожидали никаких гостей. Ни друзей, ни врагов. Бродячий народ возле блокпостов появлялся редко. Туземцев привлекала дичь, что бежала сюда от ветров и хищников. Но, завидев солдат, дикари сразу же уходили обратно в тундру. К северо-западу в сорока верстах была устроена фактория, где природные обитатели севера могли обменять меха на соль и всякое полезное железо. Приближаться к крепостям туземцам не позволялось. Вольные трапперы же здесь и вовсе не появлялись. Поэтому теперь бойцы гадали, кого и каким ветром могло занести на блокпост?

Сержант по должности знал чуть больше. И потому сразу направился к казарме. Первый взвод ведь не зря отделили от роты и направили на север, в то время как остальные вышли по назначению к Западным Вратам

Лабиринта. Взвод получил особое задание, и сержант был доволен самостоятельным командованием, во-первых, и доверием ротного, во-вторых. Однако и напортачить боялся.

— Жаба, Прыщ, проход откройте, — распорядился Ожог. — Бегом!

Уже стемнело, дорога просматривалась едва на сотню шагов. Молодые бойцы оттащили в сторону прибитое к крестовинам бревно, как раз успев освободить дорогу упряжке из пары безгорбых верблюдов легко везущих широкие нарты.

Миновав рогатку, упряжка подъехала к крыльцу бревенчатой казармы. Лохматые зверюги остановились без какой-либо команды и тут же улеглись в сугроб. Куча шкур на нартах зашевелилась, оттуда появилась сперва рука, а затем голова и так, понемногу, выбрался человек. Он хоть и был одет в туземную парку, отнюдь не походил на обитателя тундры. Лицо его выглядело слишком смуглым даже для смелянина. Скорее всего, уроженец внутренних провинций бывшей империи, или королевств, как они теперь назывались, а то и какого-нибудь из южных островов. Что ему делать на севере?

Но Ожог как раз и ожидал кого-то в таком роде. Он протянул гостю фляжку с самогоном. Небольшой запас пошла держался им как раз для подобных случаев.

— Морозы страх какие там, на ледяных мостах, — глотнув, сообщил гость.

Это могло быть и простым замечанием о погоде, хотя ни про какие ледяные мосты здесь знать не знали. Зато для Ожога в коротком сочетании слов прозвучал пароль. Он даже вздохнул с облегчением от мысли, что ожидание закончилось. Тот, о ком его предупреждали, прибыл благополучно. Его озадачило, правда, что среди армейских разведчиков оказывается служат южане, причем не простые, а с характерным профилем, виденным им только на имперских монетах. Слышать о таком раньше не приходилось. А если даже южане и служат, то кому вздумалось посылать такого на север? Но вопросов он, понятно, не задавал, лишь спросил:

— Вас зовут Искатель?

Тот кивнул.

— Прошу, — Ожог сделал приглашающий жест.

Человек вновь кивнул.

— Торыщ, Ловкач, дров и воды к бане, да протопите как следует! Остальным продолжать занятие! — распорядился сержант, но увидев, что бойцы подступили к казарме в предвкушении новостей и расходиться не спешат, добавил: — Кто меньше других вспотеет, побежит на пикет с донесением.

Они вошли в казарму, где сегодня дневал Дерюжка. Южанин, никого ни о чём не спрашивая, сразу прошёл к столу. Бросил на лавку мешок, вытащил из него обычную одежду — льняную рубаху, суконную телогрейку, а так же сапоги и шапку. Достал перевязь с коротким мечом, "локотком", как называли его в волонтёрских ротах. Затем стянул с себя парку, малицу и, аккуратно свернув, запихнул в похудевший мешок.

Инструкции сержанта гласили, что он должен сопровождать человека, известного под псевдонимом Искатель, но как срочно, про то в бумагах ничего не было сказано. Нужно ли дать разведчику отдых, хотя бы накормить с дороги или баньку организовать? В любом случае, Ожогу требуется время, чтобы вернуть парней с пикетов и передать посты парням из роты Светлячка.

— Дерюжка! — подозвал он дневального. — Давай похлёбку, мясо, что там осталось?

— Сделаю!

— Перекусите? — на всякий случай спросил сержант южанина.

Тот посмотрел на меховую свою обувь, с которой уже начала капать вода, на негнущиеся от мороза сапоги, и видимо решил пока остаться в торбасах.

— Не откажусь.

Обед собрали быстро. Еду всегда оставляли для тех, кто сменяется с дежурства на пикетах, с караула или возвращается с эстафеты. Причем оставляли с запасом, так что от бойцов не убудет. Вспомнив, что и тем не помешает поесть перед дорогой, Сержант выглянул во двор.

— Мышонок! — позвал он. — Дуй на пикет, снимай парней. Мы уходим.

— Куда? — удивился Мышонок.

— Туда, где течет вода, — ответил сержант популярной у старателей Лабиринта поговоркой, и подумал мимолетно, что в этот раз поговорка пришлась прямо в масть.

Южанин ел расчётливо, как сформулировал для себя Ожог — быстро, но аккуратно. Рот подобно какой-нибудь мужику не набивал и вполне мог поддержать разговор. Вот только сержант разговора не начинал. О чём можно выпрашивать разведчика, профессия которого состоит и в том, чтобы уходить от расспросов?

Ожог едва заметно вздохнул. При всей удовлетворённости нынешним своим армейским положением, разведка привлекала его, как нечто таинственно и манящее, как минимум не уступающее по значимости армейской службе, а, скорее всего, далеко превосходящее оную. Но даже не вопрос превосходства волновал сержанта, скорее вопрос судьбы, предназначения. Нет, он не завидовал. Он вполне осознавал разделяющую солдата и разведчика пропасть.

И это понимание навевало неясную тоску. Это был другой путь. Иная жизнь... иное окружение... Кто он этот южанин? Как он попал в разведку и вообще на север? Из каких далей пришёл и в каких далях побывал и в каких ещё побывает? Видел ли он тот вертел, на который по сказкам, нанизан мир и который вращают снежные великаны? С чем ему приходилось сталкиваться, кому сообщать добытые сведения? В каждом вопросе тайна. В каждой тайне тоска.

Миска опустела. Ожог налил гостю вина.

— Баньку? — предложил Ожог.

— Благодарю, — южанин улыбнулся.

— Если не спешите, конечно, — поправился Ожог. — С другой стороны, мне все равно нужно собрать людей.

— Зачем? — уточнил гость.

— Так ведь предписано вас сопровождать к Западному входу Лабиринта. Не один же вы туда отправитесь?

Места здесь дикие.

Едва сказав, он понял что сморозил глупость. Из каких, спрашивается, мест вернулся только что Искатель, как не из самых дичайших? По сравнению с ними верховья Змеиной должны показаться цивилизацией.

— Вам лично предписано? — переспросил Искатель.

— Моему взводу.

— Что ж, отлично, — гость глотнул вина и протянул руку. — Дамматрик. Можете называть просто Дамми.

— Ожог, — сержант пожал руку. — Не хочу выглядеть грубым и лезть с советами, но попросил бы вас имя своё настоящее больше никому не открывать. Здесь, а тем более рядом с Лабиринтом, положено только кодовым пользоваться.

Расслабился видать разведчик в тундре, отвык от человеческого коварства. И ладно бы только от человеческого.

— Хорошо, — улыбнулся гость. — Побуду ещё немного Искателем. Однако, раз вы сопровождающий, тогда сами и скажите, когда нам лучше выступить?

— В баньке попариться успеете, — обнадёжил Ожог. — Потом вас в шкуры замотаем, отоспитесь в лодке.

— Пойдем на лодках?

— Здесь так быстрее. Река сама донесет. С упряжкой-то что делать?

— Ничего, — отмахнулся южанин. — Я её займы взял, как и одежду, так что назад отправлю.

— С кем?

— Сама доберётся. Снежные верблюды — животные умные. Родной дом найдут.

Он с заметным сожалением снял торбаса и натянул сапоги.

Мешок с туземной одеждой и обувью, южанин уложил в нарты. Затем каким-то незнакомым словом, подкреплённым шлепками по длинным шеям поднял верблюдов из сугроба.

— Кучо, кучо! — крикнул разведчик, как завзятый дикарь, схватился за нарты, помогая животным сорвать с места примороженные полозья. Верблюды тронулись, развернулись и потрусили на север.

Долго париться в баньке южанин не стал, лишь смыл с себя грязь горячей водой, вымыл голову. Тем временем Мышонок снял людей с постов, а сам Ожог заскочил в форт Шмель, где доложил Светлячку — ротному мастеру "Душителю Чанга" или душков, как их звали. Сообщил, что уходит со взводом совсем, согласно приказам. А посему пикеты и казарма остаются без присмотра и надо бы туда отрядить людей; просил вернуть ротных лошадей в Крапиву, в конюшни тамошнего гарнизона. Затем, выслушав десятиминутное ворчания ротного, спустился к бурной Каменке.

Парни уже складывали в лодки припасы и личные вещи. И того и другого у них с собой имелось немного, потому что обоз остался при роте. Всё складывалось как нельзя лучше. Ожог успокоился и вернулся в казарму.

— Пора, — сказал он южанину.

Глава 17. Засечная черта

Сплав продолжался уже четыре дня. Каменка скоро влилась в Змеиную, по левой стороне которой тянулся нескончаемый лес. В ясный день за лесом можно было увидеть Лабиринт, но сейчас стоял утренний туман, так что и берег показывался в разрывах белой пелены лишь время от времени.

— Что думайте о нём, сержант? — спросил Дамматрик, попивая едва теплый кофе из кружки. — О Лабиринте, я имею в виду.

Ожог пожал плечами. Что ответить разведчику? Ничего такого, сокровенного он не знал.

— Внутри не заходил, не довелось, — ответил неопределенно сержант. — Да и не армейское это дело, там свои следопыты есть.

— А Пророчество знаете?

— Кто же его не знает? — фыркнул Ожог.

Подобный вопрос мог задать только чужак. Каждый житель государства Хоту знал о Великом пророчестве с

малых лет. Одни верили, другие делали вид, что верят, третьи сомневались открыто. Но знали все.

Оригинала, разумеется, никто из простых людей в глаза не видел, его, собственно, и не существовало в природе, так как сам Хейш Прорицатель ничего не записывал и вообще был человеком неграмотным. Но сохранилось несколько прижизненных записей, сделанных то ли учениками, то ли заезжими путешественниками и самый достоверный из них хранился у Государя Сташа Старателя в сокровищнице Змеиного Зуба. "Грядёт нашествие из трещин земных", — говорил Прорицатель. — "Извечный враг задумает одолеть людей. Поработить, уничтожить. И только ладичи смогут остановить его". Так, или примерно так, слова запомнил каждый житель Хоту.

Пророчество стало по сути триггером (это умное слово Ожог подслушал у ротного чародея Косача), приведшим к созданию государства Хоту из множества мелких княжеств, городков, туземных родов, владевших отдельной рощицей или болотцем. Прадед нынешнего правителя Колош Собиратель не церемонился и загонял людей под свой герб жесткими, можно сказать зверскими, методами. Посадки недовольных на колья, ряды которых выстраивались вдоль дорог, запомнились людям надолго и вошли в баллады и страшные сказки. Колош сколотил народ из всех, кто говорил на языке ладичей, а Пророчество стало парадигмой (ещё одно слово, подслушанное у чародея) нового государства, смыслом его существования, великой миссией государей и отчасти национальной идеей.

Сын Собирателя и дед нынешнего Государя, взявший себе имя Сташ Лодочник, за почти полсотни лет правления создал мощную оборонительную систему из засек и укрепленных линий. Он окружил города стенами, поставил дюжину каменных крепостей по южному берегу реки Змеиной. Разослал способных к колдовству на учёбу по странам более развитым в этом отношении.

Несмотря на то, что молодая нация не слишком верила Пророчеству, перемены многим пришлись по душе. Разбой мелких князцов прекратился, оживилась торговля, ремёсла. И хотя государи с их новыми дворянами сдирали с мужика по те же три шкуры, это казалось уже не таким обидным делом, как постоянные набеги прежних хозяев. Потому что Государь имел цель!

Всё в стране было подчинено ожиданию исполнения Пророчества. Перечить общему курсу не рекомендовалось категорически. Кто не соглашался — бежал, кто не бежал — попадал в жернова Тайного Приказа.

Внук основателя, Колош Учитель, правда, увлёкся другими делами. Обустроивал границы, придал блеск столице, где появился университет. Поговаривали, будто он человек образованный, считал пророчество вымыслом, но ему хватило благоразумия не заявлять об этом открыто. Его реформы отлично ложились в канву следования прежним путем. Колош Учитель возвысил дворянство, раздавая имперские титулы, о которых тут раньше не слышали. Появились графы и бароны, виконты и маркизы. При нём гвардия превзошла по численности обычные армейские формирования, ибо дворянство не желало служить с мужичьём.

Правда непомерными расходами и запретом ходить в Лабиринт он едва не разорил страну. Так что завершение его правления запомнилось всеобщей нищетой, когда даже дворяне носили сюртуки с заплатами.

Зато правнук основателя, ныне правящий государь Сташ Старатель, вернулся к истокам. Он реорганизовал армию, открыл курсы чародеев уже в столице.

В той или иной степени Пророчество определяло всю жизнь государства без малого сотню лет. Но вот Ожога оно нисколько не цепляло.

— Кто же его не знает? — повторил сержант, но уже задумчиво. — Только всё это, думаю, сказки. Как и старые предания о том, что в Лабиринт уходят души мертвых.

— Возможно, — согласился южанин. — Но сказки тоже не на пустом месте появляются. Я слышал, что предки ладичей верили, будто в Лабиринте обитает некий каменный полоз. Чудище. И чтобы его задобрить туда отправляли молодых юношей и девушек.

— Надеюсь, они выбирались тайком через некоторое время, — заметил сержант.

Южанин усмехнулся.

— Вы с нашим Торышем поговорите, — сказал Ожог. — Он про полоза сказки знает, сам из тех мест.

— Правда? С удовольствием послушаю. Устройте?

— Позову, как туман разойдется, — пообещал сержант.

— А соседи ваши, михьярцы отправляли в Лабиринт стариков, которыми тяготились, — продолжил Дамматрик. — И это уже не предание, а исторический факт. Возможно, именно отсюда и пошли мифы про страну мертвых. Однако люди действительно пропадали и продолжают пропадать в Лабиринте. Исследователи, старатели, даже ваши следопыты.

— Что-то там есть, конечно, — не стал спорить Ожог. — Зачем бы тогда Засечная черта понадобилась? Зачем крепости? Но думаю, это не столько против тех, кто там обитает, сколько против людей что пытаются пролезть без разрешения. И убийства с пропажами не их ли рук дело?

— А кто пытается пролезть туда? — спросил южанин.

— В основном хищные старатели, что без позволения промышляют. Но не только, — Ожог задумался. —

Завтракать ещё не хотите, господин Искатель? А то один кофе хлещите, как граф какой-нибудь из столичных.

Поскольку Искателем южанин значился в приказах, Ожог только так его и называл, даже наедине, хотя настоящее имя тот ему и открыл. Регламент есть регламент.

— Что ж, можно и позавтракать, — ответил разведчик.

— Эй, кто там в наряде? — крикнул сержант в туман.

— Ловкач, сэр, — ответил парень с соседней, частью скрытой туманом лодки.

— Поджарь нам чего-нибудь, боец.

— Курицу, сэр?

Ожог посмотрел на Дамматрика, тот кивнул.

— Пойдет! — крикнул Ожог.

Уже через минуту вдоль реки потянуло дымком — на кухонной лодке развели огонь в походной жаровне.

— Кофе бы горячего, — после некоторой паузы высказал просьбу Дамматрик.

— И кофе, господину Искателю, — добавил громко Ожог.

С лодки подтвердили приказ.

— Кроме старателей попадаются темные людишки с непонятными целями — мелкие колдуны, которые надеются получить от Лабиринта мощь, члены темных орденов, ищущих пути в Преисподнюю, — продолжил Ожог разговор. — А ещё есть такое предположение, что некоторые люди в Лабиринте меняются. Тут я охотно верю, потому что и сам видел таких. Иногда возвращаются старатели, охваченные безумием. Вроде как демонами одержимы становятся. В глазах страх или тоска. Трясутся точно похмельные или качаются из стороны в сторону. Ничего толком не говорят, мычат, по ночам кричат что-то. Жуткое дело.

— И куда их?

— В старые-то времена кончали прямо возле ворот. Одержимых нам тут не нужно, так считалось. Но сейчас вяжут бедолаг и кожаны увозят их куда-то. Пытают или лечат, кто его знает? Кожаны-то, знаете, кто такие?

Дамматрик кивнул. Да и то верно, без содействия Тайного Приказа подобные миссии не устраивают.

— Ну вот, — продолжил сержант. — Бывает, встречаются и не столь тяжелые случаи. Возвращаются оттуда вроде люди как люди, но позабыв почти все, что знали. И потом они бродят, как неприкаянные по стране. А пока бродят, могут и бед каких-то по глупости натворить. Поле поджечь или воду из пруда спустить. Но думаю, тут обычное объяснение должно быть. Может, их напугало что-то внутри, может, от зноя тамошнего свихнулись. В Лабиринте ведь воды ни капли не найдешь. Некоторые из таких полоумных, по слухам, потом назад в Лабиринт возвращаются — память искать. Вот они пропадают с концами.

— А что на счет старателей?

— Есть хищные старатели, которые пытаются камушки искать в неположенных местах. Тут ведь по всему Плато трещины, расщелины, пещеры. Да у нас вся страна в пещерах, если подумать, говорят даже под Долгим Озером ход есть на божидарскую сторону. А Лабиринт — он как потрескавшаяся стена. Обычно трещины не глубоко идут, в сам Лабиринт не попадают. Драгоценных камней в них тоже не находят, так что и смысла нет ковырять. Но некоторые ковыряют. А кто его знает, вдруг ход пробьют? Получится еще одна дырка из преисподней. Еще один путь для врага. Еще одна головная боль для стратегов. Я-то не верю во всю эту чертовщину, но там наверху должны учитывать любую опасность, так что лишняя дырка им не нужна.

— Но ведь крепости на всем протяжении Плато стоят, — напомнил Дамматрик.

— Поди их все прикрой войсками. А без войск они просто груды камней.

— Но зачем-то их построили?

— У нас разные государи правила. Одни боялись больше, другие меньше, одни верили в пророчество, другие нет. Постепенно и понастроили. К тому же новым дворянам замки нужны, вот им и отводили земли по берегу Змеиной.

А есть еще интересны казны. С опалов, топазов, гранатов и прочих камешков положено налог уплачивать. Так что патрулируем по всей Черте, ловим хищников, а когда и колдунишки попадают. Всех кожанам сдаем. А что оттуда кто-то большим числом полезет, не верю я.

Кухонная лодка приблизилась, им передали котелок с курятиной, завернутый в тряпицу хлеб и кружку с горячим кофе.

— Скоро Мшистые пороги, так что завтракайте быстрее.

Едва они закончили с едой и кофе, как лодки начало болтать в узких пенных проходах между поросшими мхами камнями.

Торыша удалось заполучить только на следующий день, когда туман рассеялся и походное охранение не

требовало столько глаз и ушей. Молодой боец забрался в лодку сержанта, а Ожог перешёл на корму, чтобы не мешать чужому разговору. Он не вмешался даже тогда, когда южанин угостил Торыша жесткой копченой колбаской из собственных запасов и глотком бренди из фляжки. Не вмешался, но в памяти зарубку сделал, чтобы накрутить нарушителя хвост. У разведчика свои резоны, ему требуется язык собеседнику развязать, а сержанту дисциплину блюсти.

Слово за слово, южанин подвел разговор к преданиям о Каменном полозе. Мол, известно ли, отчего тот вдруг появляется, гневается ли на кого или привлекает его что-то у людей? Говорил ли кто, чем его пронять можно, как избавиться от напасти? Обереги какие особенные нужны или ещё что?

— Много сказок я про полоза каменного слышал, но только одну знаю, где его одолеть смогли, — ответил задумчиво Торыш.

— Расскажи, — попросил Искатель.

— Расскажу, — Торыш дожевывал колбаску, запил водой и только тогда продолжил: — Давным-давно это было. Те, кто своими глазами всё видел, умерли давно. Но их внуки рассказывали. Поводился, как говорят, Каменный полоз в одну деревню под названием Выселки, что стоит недалеко от Крапивы. Приходил каждую полную луну. Приходил и угаскивал каждый раз по детенышу. Особенно любил таскать маленьких и тех, что плакали накануне. Хотя про плачь, возможно и позже додумали. Матери до сих пор в тех местах непослушных детей полозом страшат.

— Логично, — кивнул Искатель.

— Ну вот. Являлся он со стороны Лабиринта, но точно не из ворот. До западного входа от Выселок далеко будет, незамеченным не проскочишь, а стража уже тогда у ворот стояла. Из какой-то дыры в скалах стало быть выползал. И в деревеньке никто не мог его увидеть, потому что находили на людей сонные чары. Поутру-то видели землю примятую, мох с камней содранный, деревца поломанные, кусты. Но возле самой стены лабиринта след терялся. Там кругом камень, а потому не увидишь, откуда тот змей взялся.

И так селяне пробовали, и эдак. Ни обереги не помогли, ни заговоры. Хотели из той деревни совсем люди уйти. Тогда многие уходили на закат, к городам поближе. Но решили последнее средство испытать. Отрядили ходоков к известному колдуну, что жил в болотах Михьяра. Как звать колдуна не знаю, в сказках имя не поминают, а в Михьяре каждый второй ворожит, так что...

— Понятно, — поддакнул южанин.

— Ну вот, — продолжил Торыш. — Колдун этот согласился помочь и даже денег не взял, мол, самому интересно сойтись с таким чудовищем. Пришел, окрестности осмотрел. Потом сварил зелье против сонных чар. Но предупредил, что никаких иных сил оно не придаст и ломать каменного полоза придется всем миром, возможно, с большими жертвами.

Ну что делать? Согласились и на это. Когда время пришло, затаились люди по домам с топорами, молотами, железными крючьями, кирками, в общем у кого что было, что камень могло взять.

И только кузнец смекнул, что не поможет против полоза железо. Сказал он селянам, что подаст знак костром когда начинать нужно будет. Но на уме другое держал. С друзьями, с какими за девками по юности бегал, отправился он к оврагу, что рядом с селом, по какому полоз обычно пробирался. Заполнил его, как говорят, смолой, земляным маслом, сухим деревом, древесным углем, серой. А где он все это взял, я и сам удивляюсь, но так говорят. И леса, говорят много тогда извели. А кроме того ручей запрудили, что бёг к ямине этой из соседнего распадка. На сажень, а то и больше вода поднялась.

И вот ночью появился полоз. Громадный. Толщиной — в красные ворота едва пролезет, карету княжескую проглотит легко, вместе с лошадьми, а длиной и не измерить. Перед деревней аккуратно он в овражек попал, но что такому зверю какая-то яма? Пополз дальше. Вполз он в деревню и к одному из дворов, где малый ребенок накануне плакал. Но это опять же думаю позже придумали, про плач-то. Рылом в избу не пролез так язык двойной в окошко просунул. Но пока он шарил языком-то тут кузнец подпалил все что в ямине приготовил.

Полозу на огонь — тьфу! Каменный он. Даже не дернулся, продолжил по избе языком шарить. Но зато движение его прекратилось. Люди как огонь завидели, так бросились со всех сторон. И давай его бить кромсать, по кусочку откалывать. Но что полозу люди?

Нашел он ребятенка, обвил языком, утянул в рыло своё тупое и собрался уже обратно двигать...

Торыш, как положено в подобных рассказах сделал паузу. Разведчик однако не поддался. Торыш вздохнул.

— Тут кузнец плотинку разрушил. Знал он по делу своему, что вода с пламенем не дружит, а у полоза бока-то раскалились уже, он долго на месте стоял, пока детёныша искал. От воды пыхнуло паром и трещины пошли по всему телу. Тогда селяне с ломами, кирками, крюками начали растаскивать его. А как основную броню растащили так дело быстрее пошло, внутри-то он полым был.

— Любопытно, — сказал южанин.

— Вот и всё, собственно, — Торыш развел руками. — Говорят частью чешуек этих каменных потом дорогу к

Выселкам замостили.

Глава 18. Лабиринт

Путешественника, ожидающего увидеть воспетый в мифах и сказках Западный вход в Лабиринт, как некое монументальное сооружение, что-то вроде триумфальной арки, заряженного магией портала или ворот с башенками, машикулями и зубцами, ждало разочарование.

Западный вход на самом деле состоял из трёх, несвязанных между собой проломов в отвесной скале. Проломы располагались саженях в пятнадцати-двадцати один от другого без каких-либо надстроек, украшений или хотя бы знаков. Узкие щели уводили вглубь Лабиринта каждая в своем направлении, чуть дальше они ветвились, но долго не имели соединительных переходов. И только в дне пути системы сопрягались и можно было перейти из одной части в другую. Именно у Западного входа родилась известная среди ладичей присказка и даже сюжет про путевой указатель со словами: "направо пойдешь — коня потеряешь, налево пойдешь — голову потеряешь, а прямо пойдешь назад не воротишься".

От реки Змеиной до Лабиринта считалось двадцать вёрст, если смотреть по прямой на карте, но пятьдесят вёрст по извилистой узкой дороге, проходящей сквозь Засечную Черту. Охраняла Западный вход небольшая крепость под названием Молот с гарнизоном, таможенной службой и всем, что положено, как если бы это была обычная граница. Отдельно от крепости, недалеко от входа в Лабиринт располагался острожек, в котором распоряжались кожаны и особая стража.

Рядом с крепостью возник городок старателей, где велась бойкая торговля припасами, картами, мулами. Проводники и носильщики предлагали свои услуги исследователям, авантюристам, желающим не столько разбогатеть, сколько пощекотать нервы. Скупщики драгоценных камней стремились перехватить товар раньше конкурентов. Процветали кабаки, бордели, игорные дома и гостиницы.

— Один старатель семерых шлюх кормит, так здесь говорят, — сказал Ожог, когда показывал городок Искателю. — А я думаю, что пожалуй и больше. Половина страны с этого доход имеет.

— Казна должна молиться на этот источник, — заметил Дамматрик.

— В теории, так, — сказал Ожог и помрачнел от воспоминаний. — Но предыдущий государь, Колош Учитель, теории не внял, запретил добычу. Вернее, он закрыл Лабиринт, а с ним и добыча, разумеется, прекратилась. И через несколько лет всё рухнуло. Не только здесь, по всей стране. А там еще и неурожай добавил. Голод, болезни. Плохие времена были. Я-то мальчонкой тогда с лебеды на крапиву перебивался. Едва выжил.

— Вроде бы непохоже, чтобы их сейчас гоняли, — заметил Дамматрик.

— Нынешний-то государь не зря Старателем называется. Как на трон вошел сразу отменил запрет. Так что жизнь вроде бы налаживается.

Выложенная белым камнем полоса обозначала запретную зону в радиусе примерно сотни шагов от каждого пролома. Внутри передвигались лишь патрули вооруженные длинными копьями. Все стражники носили щелевые очки, делающие их похожими на сказочные рептилии с офортов Станаша Эда. Разведчик разглядывал патрульных с большим интересом.

— На севере в таких очках ходят тохчи-ма, чтобы не слепило глаза солнцем, — заметил он. — В Лабиринте обязательно их носить?

— Это не от солнца очки, и вообще не для Лабиринта, — ответил сержант. — Против тамошнего воздуха очки не помогут.

— А что не так с воздухом?

Вопрос удивил сержанта. Странно, что разведчика не предупредили об опасности. Воздух ущелий был вреден. Не просто вреден, а опасен. Он был настолько сух, что быстро вызывал болезни легких, глаз, шелушение кожи. Некоторым хватало недели, другие держались чуть больше. Опытные старатели и следопыты смачивали водой платки и дышали сквозь них, регулярно протирали водой кожу и промывали глаза, но это помогало лишь на некоторое время. Больше двух недель внутри не продержался никто. Старатели умирали рано, если не хватало духу вовремя остановиться. А таких сержант мог по пальцам пересчитать.

Ожог, как мог, пересказал южанину всё, что знал. Здесь в ста шагах от входа воздух не казался опасным. Из ущелий просто тянуло теплым сухим ветерком. Как обычно. Без запаха, без пыли. Даже среди зимы тепла хватало, чтобы трава у входа на десятки саженей вокруг оставалась зеленой. Зато сам Лабиринт оставался абсолютно безжизненным. Там не росли растения, даже мхи, не обитали животные, над ним не появлялись птицы.

— Ни воды, ни пищи, ни мух над дерьмом, как сказал мне один из знакомых следопытов, — закончил рассказ Ожог.

— Но для чего тогда очки?

— Защита от сглаза, или что-то вроде того, — пожал плечами Ожог. — По мнению господ дворцовых чародеев, одержимые способны обращать людей или убивать их, только если полностью видят зрачки жертвы и через них проникают в душу.

Как раз в это время из Лабиринта вышел небольшой отряд — трое старателей и пара носильщиков — все в длинных стеганых халатах, с головами, замотанными в тряпки подобно тарсийским кочевникам. Охранники выставили перед собой длинные копья. Старатели безропотно и привычно отправились в сторону острога.

— Карантин, — пояснил спутнику сержант. — Одержимые проявляют себя в течении двух недель, так рассчитали чародеи. За это время одержимый на кого-нибудь да нападет или, например, изменится, трансформируется по-научному. Терпежу у них не хватает, что ли, натура прорывается. Чужую плоть начинают терзать. Поэтому всякий, кто выходит из Лабиринта, проводит две недели в остроге. На всех вышедших в один день отдельная комната. Некоторые, впрочем, выходят отдохнуть только на пару дней, а потом снова идут на промысел. Чтобы время зря не терять. Специально для них в остроге устроили особые комнаты с ванной. За отдельную плату, конечно. А вот тот, кто желает вернуться в мир, обязан отсидеть полные две недели. Ну, понятно, кроме господ.

— А господа что же? — заинтересовался южанин. — Их одержимость не берет?

— Господа и разведчики, вроде вас, проходят ускоренную проверку. Негоже заставлять ждать занятых людей.

Сержант в который уж раз подметил ту странность, что южанин не знает ни о вредном воздухе, ни об одержимых, ни о проверке на выходе. Как мог кто-то отправить в Лабиринт разведчика, не поведав ему элементарных вещей? Но вслух, понятно, ничего не сказал. Не его ума дело.

По просьбе Дамматрика они заглянули в лавку ювелира. Пожилой мужчина, седой, но еще не старик, прямо за прилавком обрабатывал крупный темно-розовый камень на полировальном столе.

— Родолит, — определил Дамматрик. — И неплохой.

— Вы не здешний, — ювелир отвлекся от работы и окинул посетителей взглядом, как бы оценивая на предмет платежеспособности.

— С юга, — расплывчато ответил Искатель.

— Хотите приобрести, что-нибудь?

— Пока просто присматриваемся, — ответил Дамматрик.

— За погляд денег не берут, — согласился мастер и вернулся к полировке.

— А в столице не выгоднее торговать? — спросил Дамматрик.

— До столицы ещё добраться надо, — не прекращая больше работы сказал ювелир. — А места здесь дикие. Выследят, ткнут по тылке в тихом месте, или в трактире сонного яда в похлебку кинут. И готово. Крупные перекупщики, конечно, в столице камни продают, но то уже не самый лучший разбор, да и цены там задирают. А знающий покупатель сам сюда приезжает. И уже среди необработанного камня видит, что ему нужно.

Сержант в драгоценностях разбирался плохо. Шлюхам их дарить не с руки, а постоянную подругу он так и не завёл. Но вон та брошь с зеленоватым камешком, пожалуй могла бы сойти за свадебный подарок.

— Сколько она может стоить? — спросил он указав пальцем на товар под стеклом.

— Ваш заработок за полгода, сержант, — ответил ювелир, бросив короткий взгляд на прилавок. — Это хризолит, но довольно редкого для Киеры оттенка. А оправка из чёрного серебра.

— Сколько вы получаете за полгода? — спросил сержанта Дамматрик.

— Если на имперские, сорок монет.

— Думаю, вы могли бы скинуть половину цены, — заметил южанин мастеру. — Оттенок действительно интересный, но хризолит это всего лишь хризолит.

Ювелир улыбнулся.

— Придёте с деньгами, господа, тогда и поторгуюсь.

Они вышли из лавки и направились в крепость. Там к южанину присоединились два следопыта, нанятых заранее из местных. У их ног стояли мешки с припасами на две недели пути и многочисленные меха с водой. Южанин получил карту, набросил поверх привычной одежды стеганый халат, перебросил через плечо перевязь, прицепил меч-локоток с ножнами, а потом замотал голову тряпками, да так ловко, точно проделывал это каждое утро. Для человека идущего в Лабиринт впервые, да ещё и не знающего про его опасности, разведчик справился просто отлично. Его сноровка ещё раз убедила Ожога, что он имеет дело с профессионалом. А может южанин с самого начала всё знал, но распрашивал сержанта и других, чтобы получить независимое мнение? Не исключено. За всем этим скрывалась куча неразгаданных тайн, и только сержантские нашивки не позволяли Ожогу засыпать спутника вопросами ни во время пути, ни теперь.

Весь отряд Искателя снабдили быстрыми эстафетными лошадьми со сменой. На памяти Ожога такого здесь еще никто не предпринимал. Как вьючных животных использовали мулов, однажды пригнали караван песчаных горбатых верблюдов, но чаще ходили пешком. На скаковых лошадях ни камней в разломах не углядишь, ни опасность не заметишь. Но Искатель собирался рискнуть, чтобы пробраться как можно дальше.

С этой же целью он очевидно выбрал для входа центральный пролом, за которым были более прямые коридоры и более изученная местность.

После погрузки на запасных лошадей мешков с припасами и мехов с водой, они распрощались.

— Рад был знакомству, — протянул руку Дамматрик.

— Ещё увидимся, надеюсь, — ответил сержант.

Искатель вернулся из Лабиринта ровно через две недели, используя каждую отведенную минуту до последней песчинки в часах. Ожога, как сопровождающего, специально вызвали в сторожку кожанов, чтобы он принял участие в процедуре установления личности.

Три года назад, будучи свежее испеченным сержантом он присутствовал на инструктаже. Тогда его и других молодых командиров собрали в Клешне, в штабной избе Восточного Командования, что ведало Засечной Чертой и Лабиринтом. Кроме армейских начальников на инструктаже присутствовали люди из Тайного Приказа — кожаны, как называли их военные. Считалось, что называли их так за необычные плащи, напоминающие в распахнутом виде крылья летучих мышей, но ходили зловещие слухи, будто особую проницательность и неестественную силу кожанам обеспечивала человеческая кровь. И вот эти самые кожаны в вопросе пропуска возвращающихся из Лабиринта людей, оказались главнее любого из гвардейских генералов.

"Когда имеешь дело с дьяволом", — говорил инструктор. — "Лишняя страховка не помешает". Вот почему каждый из дворян или государевых разведчиков, что отправлялся в Лабиринт, получал собственный пропуск, а книжечки, содержащие их перечень, хранились у дежурного кожанского инспектора в Молоте и регулярно обновлялись.

И вот теперь сержант мог увидеть воочию, как проходит опознавание. Следопытов под конвоем отправили обычным порядком в острог, а Искателя два стражника привели в сторожку. Выглядел он уставшим, но довольным, а кожа его высохла и стала более темной. Южанин уже избавился от халата с перевязью и тюрбана, но его глаза закрывал чёрный шелковый платок.

Инспектор-кожан выслушал пароль, сверил его с указанным в книжечке. Пароль совпадал. Инспектор взглянул на помощника. Тот показал сторожевой амулет. Амулет не светился. Это означало, что тело человека не захвачено чужой волей. Но тот ли он за кого себя выдаёт? Назвать пароль в сущности может кто угодно. Много ли труда надо, чтобы вытащить пытками нужное слово? Кожанам это известно больше, чем кому либо. Однако парни из Тайного приказа даром кровь из народа не пили, предусмотрели они и такой вариант.

Инспектор заглянул в книжечку и рядом с паролем нашёл вопрос.

— Название скалы, на которой стоит институт? — прочитал он.

Разумеется, ни сам инспектор, ни его помощник, ни тем более сержант понятия не имели, о чём речь. Что за институт такой, что за скала? Предполагалось, что вопрос заранее не был известен и человеку, которого допрашивали, а значит, никакие пытки не заставили бы его проговориться. Нельзя выдать то, чего не знаешь. Если же человек тот самый, то он легко ответит, ибо темы вопросов касались его обыденной жизни.

— Отрезанный Ломоть, — сказал южанин.

Правильного ответа пока не знал и сам инспектор. На тот (предусмотренный опять же Тайным Приказом) случай, если враг умеет читать чужие мысли даже с завязанными глазами. Он перевернул несколько страниц, сверил ответ.

Подозрительные кожаны предусмотрели и такой вариант, как налёт на крепость и захват книжечки с паролями, а возможно и предательство. Поэтому у каждого инспектора была личная книжечка, а в каждой книжечке помещалась своя пара вопросов и ответов. Кому-то приходилось много мудрить, обеспечивая операции. На первый взгляд проще было посадить ходока на две недели на гауптвахту. Что с того, что дворянин? Зато никакой мороки с паролями, секретными вопросами. Что за две недели может произойти?

Но начальство считало иначе.

— Порядок, — инспектор убрал книжечку. — Можете снять повязку и добро пожаловать в Хоту. — Затем кожан повернулся к Ожогу. — Он ваш, сержант. — И крикнул в дверь. — Часовой!

Они покинули сторожку и направились в крепость к казармам. К этому времени уже стемнело, но южанин явно не собирался здесь ночевать. Что делать дальше Ожог не знал. Никаких инструкций на счёт спутника он больше не имел. Вернее инструкция имелась и гласила — "по возвращении из Лабиринта и после проверки предоставить сопровождение, не задерживать". Но под последней фразой скорее всего подразумевалось, что разведчика не следует сажать под замок или чинить какие-либо препятствия. А вот как сам южанин собирается распорядиться временем, сержант не знал.

— Может ещё разок баньку? — спросил он на всякий случай. — После Лабиринта банька не хуже чем после тундры помогает.

— С большим бы удовольствием, сержант, но надо спешить. Я так понимаю, голубей почтовых у вас тут не водятся?

— Нет, — теперь улыбнулся Ожог. — Засечная Черта хищниками голодными кишит. В том числе и птицами.

Соколы, ястребы, совы. А если их егеря и прикармливают, то как раз голубями. Ни один не проскочит. Так и задумано. Правда, не слышал я, чтобы хоть одного перехватили. Не летают они из Лабиринта, тем более в лабиринт. Да его и перелетные птицы стороной обходят. Вот доберётесь до Змеиной, там государевы голубятни в каждой крепости имеются. Оттуда и кинете восточку.

— Понятно. А вот воды попить бы не помешало.

— Известное дело! Теперь неделю будете точно лошадь воду хлебать. Мышонок!

Ветеран будто за дверью дожидался. А возможно что и дожидался.

— Мышонок! Воды гостю! И лошадей готовы! Двух бойцов в сопровождение.

— Лишнее, — сказал гость. — Помню я дорогу-то.

— Нет. У нас без сопровождения можно легко заплутать, а то и в ловушку какую-нибудь угодить. Тем более в темноте. Так задумано. Даже местные без конвоя не ходят.

Пока южанин пил ключевую воду, Мышонок уже привёл лошадей и встал чуть поодаль, чтобы разговору не мешать.

— Что там? — мотнув головой в сторону Лабиринта, спросил, наконец, сержант. Среди массы не заданных вопросов, этот, по крайней мере, касался службы. Его роте как раз предстояло здесь служить. Разведчик пожал плечами.

— Рано или поздно пророчество сбудется, верно? — расплывчато ответил он.

— Сбудется? — переспросил сержант. — И когда?

— Трудно сказать. Но думаю, срок подходит. Хотя ничего определенного я там не увидел. Скорее почувствовал. И вот ещё что: когда я у тохчи-ма гостил, заметил, что тот ледник, который по словам ученых закрывал долгие века полумифический Северный вход, быстро тает. Уже скалы виднеются.

Дамматрик посмотрел на готовых лошадей, о чем-то задумался и, вытащив из маленького кармашка на перевязи костяной кружок с монетку размером, протянул Ожогу.

— Возьмите, сержант. Я бы и спутникам, с какими внутрь ходил, дал бы, но они себе на уме. Суеверные до жути. Дырку просверлят и на шею повесят, как оберег. А тут нужен трезвый ум. Вещица от врага не поможет, но если он вдруг появится, переломите её, и мы узнаем о вторжении раньше, чем доберётся армейская эстафета.

Кто они эти "мы" Искатель не уточнил, предоставив Ожогу додумывать самому. Какие-нибудь крутые ребята, танцующие на лезвии и играючи дёргающие волосы из задницы дьявола.

Южанин забрался в седло.

— Ну, бывайте, сержант.

Сопровождаемый парой бойцов, он нырнул под кроны деревьев, превращающих без того тёмную дорогу в чернильную реку. Стук копыт быстро угас.

А сержант всё стоял у ворот крепости и сжимал в ладони амулет, словно ребёнок неожиданную конфетку — всё, что осталось от тайны, к которой он на несколько недель прикоснулся.

Глава 19. Тайхар. Трое

На завтрак или на обед, это как посмотреть (время-то близилось к полудню), Тайхар заказал яичницу с беконом. Шесть хрустящих ломтиков бекона, шесть яиц с целыми желтками. Капитан поглощал блюдо прямо с почерневшей от копоти сковороды, помогая вилке кусочком хлеба. Время от времени он делал глоток красного сильно разбавленного вина, на которое пришлось согласиться потому, что пиво накануне у хозяина скисло, а новая партия ещё не созрела.

Портовая таверна "Змея и якорь" стала обычным местом его дневных трапез. Капитан не держал в доме прислугу, не желая ни с кем себя связывать, пусть даже это будет наемный работник. А самому готовить не хотелось. Вечером он лишь поджаривал кусок сыра над каминным огнем, как закуску к сорпскому мальту. Но днем следовало наполнить желудок всерьез, предстояло беготня с покупкой новых канатов и парусины. К счастью теперь у него хватало средств, чтобы снять в заведении отдельный закуток. В трактирах крупных городов Киеры такие называли кабинетами, их защищали от случайных глаз и ушей различными ухищрениями вплоть до магии, но здесь, в Киле, жили люди попроще и хозяин ограничился небольшими выгородками из досок и парусины. Их обычно использовали для свиданий, переговоров, заключения контрактов и денежных расчетов, но Тайхар просто хотел поесть в одиночестве, не слыша чавкающие звуки завсегдатаев, их тупые разговоры, не дыша перегаром и обильными кишечными газами, которые простолюдины не стеснялись выпускать в публичных местах.

Каких-то восемь лет назад он не смог бы даже посмотреть на почерневшую от копоти сковороду. Его вывернуло бы от одного вида пригоревшего сала, от жира, покрывающего посуду. Но одиночество, всё пережитое за годы бегства, превратили аристократа в плебея. Тихи уголок — единственное, что он мог себе нынче позволить.

Наказание или возмездие. Так он понимал превратности судьбы. В свое время ему следовало принять вызов, но он сбежал от ответственности. И вот, как искупление, получил этот странный контракт... груз детей...

Капитан вздохнул. Быть может, он слишком накручивает себя, изводит? Ведь можно просто плыть по

течению, пока судьба не предоставит возможность свернуть. Или вернуться.

Его мрачную рефлексию прервал стук в дверь. Стук был коротким, но сильным. На хозяина, тем более на кого-то из прислуги, это не походило, а никого другого Тайхар не ожидал. Может быть письмо? Но и писем он не ожидал тоже. Единственный клиент, вернее его представитель в образе жуткой твари, появлялся сам, когда желал и без стука.

Капитан отодвинул сковороду, глотнул вина. С трудом отыскав чистый уголок на изрядно грязной салфетке, вытер рот.

— Входите! — крикнул он в сторону двери.

В комнату вошли трое мужчин. Они выглядели как монахи какого-нибудь странствующего ордена. Скорее всего таковыми и являлись. Их одинаковые тёмно-бордовые плащи имели грязные разводы — на первый взгляд свидетельство пройденного пути, но скорее всего, следствие неумелой кустарной покраски. Плащи были плотно запахнуты и скреплены золочеными фибулами в виде древнего литийского иероглифа, означающего "путь" или "строительство", в зависимости от контекста. Впрочем, простому капитану знать о литийских иероглифах не полагалось, поэтому Тайхар не задержал на фибулах взгляд.

Один из визитёров выглядел старше двух других. Он обладал жиденькой бородой с седыми прядями и морщинистым лицом. Этот смотрел капитану прямо в глаза, в то время как двое более молодых бегло, но тщательно, и видимо со знанием дела, осмотрели комнатушку. Монахи, значит, с определенными навыками.

— Доброе утро, капитан, — произнёс старший, отбрасывая назад капюшон.

Его спутники чуть поклонились и приложили правые ладони к груди, как бы присоединяясь к приветствию. При этом раздался глухой лязг железных пластин, что навело капитана на мысль о кольчугах. Кроме них опытный взгляд Тайхара угадал под плащами мечи. Вместе с осторожным поведением эти детали свидетельствовали в пользу того, что перед ним воины. А если воины вырядились монахами, или монахи взяли в руки оружие, то возможно затеяли что-то недоброе.

Несмотря на свое положение изгоя, Тайхар, однако, трех воинов не испугался. Во-первых, за много лет бегства все его страхи переплавились в своего рода ожесточение. Во-вторых, его нынешний наниматель выглядел серьезным игроком, который не позволит просто так поломать с трудом налаженную схему. А в-третьих, гости его поприветствовали, значит хотели поговорить. Так что время на то, чтобы разобраться с причиной визита, как и с самими визитерами, у него имелось.

— Чем обязан? — капитан рукой показал монахам-воинам на свободную лавку и грубые табуреты.

Старший кивнул и, подрезав ладонью плащ, уселся напротив Тайхара, двое пристроились в стороне, присев вполборота, чтобы не выпускать из поля зрения дверь. Рассаживаясь, они едва заметно поправив ножны под плащами, чем подтвердили недавнюю догадку капитана.

— Меня зовут Сторкап, — представился старший. — Это мои спутники Лис и Бенро. У нас к вам дело, капитан.

— Я не беру фрахт, если речь об этом, — сразу очертил границы возможного разговора Тайхар.

— Вы не берете фрахт, — согласился монах. — Мы это знаем. Однако мы не купцы, как вы могли заметить по нашей одежде.

Сторкап улыбнулся наидобрейшей улыбкой, точно увидел играющего с солнечным зайчиком котёнка. Тайхара деланная доброта не обманула.

— Не трудно догадаться, — мрачно заметил он. — И дело вовсе не в одежде, её может надеть любой. Но ни один купец или промышленник в этом городе не обратился бы ко мне, даже если мой корабль будет единственным свободным для фрахта на всём побережье. Вы знаете, что его называют Проклятым? А знаете почему?

Капитану захотелось поскорее избавиться от гостей и доесть яичницу с беконом, поэтому он решил не затягивать разговор.

— Мы знаем и об этом, — спокойно ответил старший. — Собственно, нам нужно именно ваше судно, а не какое-то другое. И мы даже в мыслях не держали его нанимать.

— В чём же дело?

— Дело простое, — Сторкап вновь улыбнулся. — Не согласитесь ли вы, капитан, взять на борт трёх пассажиров, чтобы доставить их на Ореховый остров?

— Неожиданное предложение.

Тайхар задумался. Они всё же сумели его озадачить. И вовсе не сумасбродной идеей отправиться на остров, куда он отвозит зачарованных детей. Эти люди явно знали что-то связанное с его проклятой работой. Капитан чувствовал, что они могли приоткрыть завесу над тайной.

Несёт ли это какую-либо угрозу ему самому, его кораблю, экипажу, нанимателю, в конце концов? Кто знает? По крайней мере, среди условий контракта не было запрета брать на борт попутных пассажиров. Возможно хитрая тварь даже не предвидела такого поворота. Не такая уж она, выходит, и хитрая.

— Вина не хотите? — предложил Тайхар, скорее чтобы выиграть время, чем из вежливости. — Оно кислое и разбавленное, но жажду вполне способно утолить.

— Нет, не хотим, спасибо, — ответил за всех Сторкап. — Так что вы скажете о нашем предложении? Мы хорошо заплатим, не сомневайтесь.

Похоже это было приглашением к торгу.

— Деньги не интересуют меня, — отрезал Тайхар, подливая вино в оловянную кружку. — Но это не означает, что мне нечего с вас взять.

Теперь смутились гости. Они обменялись взглядами.

— Чего же вы хотите? — неуверенно спросил Сторкап. — Товаров-то у нас никаких не припасено.

Тайхар ещё раз подумал, глотнул вина и произнёс:

— Допустим, вы заплатите знанием.

— Знанием?

— Или так, или ищите другое судно, — равнодушно бросил Тайхар. — Но смею заверить, кроме меня никто не возьмётся доставить вас на Ореховый остров.

— Знанием какого рода? — осторожно уточнил Сторкап.

— Если подумать, зачем вам на остров? — спросил Тайхар и сам же ответил. — Вряд ли вас интересуют морские котики или тюлени, или допустим, птицы. Северные дикари там не появляются, не с кем торговать, некого обращать в свою веру. Только мой странный груз и его непонятное назначение могли привлечь внимание людей вроде вас. Ведь так? Поэтому, для начала, вы расскажете мне всё, что знаете об этом деле. Об острове, о зачарованных детях, о целях их перевозки. Ведь что-то вы уже знаете, верно? Иначе не явились бы в Килу.

— Что ж, наш путь открыт для вас и знания не являются тайной, — довольно запутанно ответил Сторкап. — Мы готовы поделиться информацией. Однако нам не хотелось бы говорить об этом здесь, в таверне.

— До отплытия ещё будет время поговорить, — сказал Тайхар. — Следующий рейс послезавтра. Вы голодны? Здесь неплохо готовят.

— Спасибо, мы поели в дороге.

Капитан достал из потайного кармашка ключ и положил на стол.

— Можете остановиться в моём доме на улице Костров. Спросите малую башню старых Мельничных ворот, вам покажут. В ней я и обитаю. До вечера я управлюсь с делами, тогда и поговорим. Но ужинать лучше здесь — у меня нет ничего, кроме сорпского мальта и сыра к нему.

— Вам не стоит беспокоиться о нашем ужине, — Сторкап склонил голову. — Но приглашение мы с благодарностью принимаем.

— Так или иначе, вечером вы расскажете мне всё, что знаете об этом деле. А теперь позвольте мне завершить завтрак. А заодно и обед.

Старший взял ключ. Все трое поднялись и молча вышли из комнаты. Тайхар с минуту поразмышлял над внезапной оказией, а потом вернулся к еде и вину.

В Киле капитана Тайхара чурались так, как в иных местах Киеры старались избегать городского палача, шагающего на исполнение приговора в своей мрачной одежде и колпаке с прорезями для глаз. Но тайну личности палача власти обычно хранили, поэтому после работы он переодевался и становился одним из горожан, а вот капитана знали в лицо. Люди, завидев его, сторонились, отводили взгляд, многие заранее переходили на противоположенную сторону улицы, или даже сворачивали в сторону, если считали улицу недостаточно широкой. Лавочники продавали товар не торгуясь, стараясь побыстрее избавиться от неприятного покупателя.

Это было не смертельно, однако, неприятно. Даже загрубевшая за годы отчасти добровольного отчасти вынужденного изгнания личность Тайхара не могла полностью игнорировать атмосферу всеобщего презрения. Особенно если учесть, что не так давно всякий встречный кланялся ему, если не с уважением, то с подобострастием.

На Ярмарочной улице, которая в Киле служила вместо торговой площади, избегать капитана у обывателей не получалось. В толчее непросто увидеть чужое лицо заранее, чтобы свернуть. Пробираясь сквозь толпу Тайхар то и дело ловил случайные взгляды, в которых начальный испуг сменялся злобой или презрением. Если капитан и не принял данность сердцем, то разумом уже привык и к тому, и к другому. Впрочем, если бы не конкретная цель, он бы и не подумал соваться сюда.

На углу Ярмарочной и улицы Угольных копей, на коврике, вышитом необычным угловатым узором, сидел, скрестив ноги, мудрец по прозвищу Кожа. Его лицо представляло собой сплошной рубец от ожога. Словно голову бедолаги когда-то сунули в пылающий горн или в чан с кипящим маслом. Один его глаз видел плохо через узкую щель, второй не видел совсем. Тот, кто впервые встречался с Кожей принимал поначалу его лицо за восковую маску, вроде той, в какой играют злых духов бродячие актеры, но затем приглядевшись пристальнее столбенел от

ужаса. Однако таковых становилось все меньше. Время шло, город был невелик, мало-помалу люди привыкали к ужасному виду и даже бросали убогую монетку-другую.

Кожа просил подаяния, но просил так изящно, что не шёл ни в какое сравнение с прочими нищими и калеками. Каждому жертвователю он воздавал словом. Ободряющим или остерегающим, весёлым или мрачным, но всегда подходящим к месту и ко времени. По сути, он получал не милостыню, а плату за изрекаемую мудрость.

Никто и никогда не видел Кожу где-либо кроме этого угла. Как будто он никогда не покидал своего плешивого коврика. Но Тайхар, ведя с Кожей кое-какие дела — два изгоя не могли не найти друг друга — знал, что тот отлучается. Более того, он знал, что отлучки эти, бывало, отзывались непредвиденными смертями какого-нибудь негодяя или чудодейственным спасением невинного.

Тайхар бросил в выдолбленную тыкву монетку и произнёс:

— Здравствуй, Кожа. Позволишь угостить тебя вином?

— Добрый день, капитан, — ответил тот слегка искаженным уродством голосом. — Спасибо за щедрое предложение, но за вином нужно идти до корчмы, а моё тело не предназначено для столь дальнего путешествия. Лучше угости меня пивом, что продают в развоз уличные торговцы.

Тайхар тут же подозвал одного из них. Торговец, узнав капитана, нехотя приблизился. Отказаться совсем он не мог из цеховой чести, но и нежелания обслуживать изгоя не скрывал.

— Пива мудрецу! — произнес Тайхар и бросил монетку в чашу.

Торговец наполнил из крана и вложил в руки клиента оловянную кружку на длинной цепочке. Кожа поднёс кружку к щели, заменяющей ему рот, и в несколько затяжных глотков осушил её. Разносчик забрал кружку и, не дожидаясь возможного повторения заказа, поспешил укатить свою тележку подальше.

— Что делать, капитан, люди боятся того, чего не понимают.

— Я тоже не понимаю.

— Ты ведь тоже боишься.

Тайхар вздохнул, но спорить с мудрецом не стал. Всё равно такого не переспоришь, да и незачем.

— Мне нужно поставить оберегающие чары для дома, — сказал он.

— Ждешь гостей?

— Сегодня меня нашли одни странные люди. Не думаю, что это те, кого я опасаюсь. Но если нашли одни, значит могут найти и другие.

В полую тыкву звякнула ещё одна монета. Кожа отвлёкся, чтобы поблагодарить прохожего.

— Ты найдёшь, что ищешь, добрый человек, но радости в находке не обретёшь.

Однако на сей раз благодетель даже не остановился, чтобы выслушать мудреца до конца. Капитан проводил взглядом широкую спину воина и пожалел, что не разглядел его лица.

— Станный какой человек, — заметил Тайхар.

— Нездешний, — охарактеризовал прохожего Кожа. — С защитой помогу. Оставь мне ключ от дома, когда уйдешь в рейс, я сделаю всё что нужно. Но ты хотел спросить у меня ещё о чём-то, капитан? Спрашивай.

— Эти трое, что сегодня обратились ко мне...

— В них было что-то необычное?

— Почти всё.

Тайхар в двух словах описал, как выглядели его гости, утаив от кожи только их необычную просьбу.

— Багровые плащи с грязными разводами? — переспросил Кожа. — А не было ли под плащами мечей и не услышал ли ты звон кольчуги?

— Всё верно, — согласился Тайхар. — Так и было.

— Думаю, ты встретил монахов Ордена Пути.

— Никогда не слышал о таком. Но у них на плащах были фибулы в виде литийского иероглифа "путь"

— Да, они не занимаются проповедями. Не стремятся заполучить неофитов или пожертвования. Потому мал кто знает о них.

— В чём смысл их службы?

— Орден пути исповедует культ единого бога.

— Орагана? — уточнил капитан. — Моя матушка придерживалась его. Она никогда не ела свинины, и усердно молилась по каким-то своим дням.

— Нет, культ Орагана стар, как мир, а Орден пути считает себя последователем нового учения, впрочем во многом основанного на прежних догматах. По сути и те и другие верят в одного и того же бога, но разнятся относительно личности Посланника. Последователи Орагана или, скажем члены Церкви единого бога считают Посланника лжепророком, обычным мошенником, коих возникает множество во времена потрясений. Другое дело экзегеты Орден пути. Они считают древние догматы неточными, потерявшими суть в процессе бесконечных пересказов, переводов и обновлений списков. А Посланник, по их мнению, за тем и пришёл, чтобы уточнить одно

и объяснить другое.

Как и все мужчины их рода, Тайхар придерживался веры в богов Палаора, одного из трёх божественных семейств, признанных в Империи. Но придерживался скорее в силу традиции. Он соблюдал религиозные каноны в той же степени и с тем же равнодушием, что и прочие церемонии, к коим обязывало происхождение. Его душу, сознание вера не затрагивала никак. Он никогда не обращался к богам в молитвах с просьбами и никогда не благодарил их за то, что сделали другие или он сам. Даже случай он не относил к божественной категории. Не удивительно, что чужие верования капитан уважал не больше тех, что с детства навязали ему.

— Насколько они опасны? — спросил он.

— С кольчугами и при мечях? — ответил вопросом на вопрос Кожа.

— Меня больше интересуют намерения, — уточнил капитан.

— Думаю, если ты не заступишь им Путь, нарочно или случайно, тебе нечего опасаться монахов.

Улицей Костров город когда-то заканчивался. С первых дней освоения берега здесь разжигали костры (из каменного угля и высохших водорослей), чтобы отпугивать непрошенных гостей. Хищные звери, как вскоре выяснилось, здесь не водились, а северные дикари в гиблые места предпочитали не заходить, это только утвердило поселенцев во мнении, что бесплодная пустыня может породить гораздо более могущественное зло. Кроме того, особо дерзкий пират или какой-нибудь амбициозный правитель могли высадить свои войска в Дальней бухте и обойти город с запада. Разведение и поддержание костров возлагалось на обитателей крайних домов. Разумеется, это отнимало силы и средства, люди роптали, требовали возмещения расходов, некоторые переселялись поближе к порту. И в конце концов, город тряхнул мощной и построил стену с тремя воротами. Мельничные прозвали так потому, что за ними находилась каменоломня где брали камни для жерновов и якорей. В двух каменных башенках обитала городская стража, которую так же нанимали на счёт города.

Однако время шло, город понемногу рос, улица Костров вместе со стеной и воротами оказались глубоко внутри жилых кварталов. Но угроза не исчезла и лет двадцать назад закончилось строительство новой стены. Умные властители непременно сохранили бы прежние укрепления в дополнение к новым. Но тогдашние правители Килы были жадными. Старая стена частью пошла на камень для мостовых, частью стала основой новых домов. Мельничные Ворота снесли, дабы не мешали проезду, а башенки продали с торгов и они превратились в жилые дома.

Один из таких домов теперь занимал Тайхар. Кое-что пришлось перестроить, но в основном капитан сохранил хитрую планировку башни с её военным стилем и духом. Возможно, толстые стены, узкие бойницы и лестница, закрученная против часовой стрелки, ещё пригодятся, вздумай горожане осадить его жилище, как это они проделывали иной раз с колдунами, ведьмами и слишком жадными правителями. Вспомнив прощальный взгляд Хоба, капитан лишней раз похвалил себя за предусмотрительность. Впрочем, больше опасался он того, кто мог явиться из прежней жизни. Той, которую он постарался забыть. Появление монахов как раз напомнило ему, что в мир тесен и скрыться в нём сложно.

Монахи времени зря не теряли. Когда капитан вернулся домой, камин и кухонный очаг уже пылали, а над жаровней вращались на вертеле две курицы. Налив себе сорпского мальта из бутылки без этикетки, но с сургучной печатью на шнуре, Тайхар присел к камину.

— Вы можете испортить птицу, если продолжите жарить её над вонючими углями. Здесь так не делают. Каменный уголь дает неприятный привкус. Лучше положить мясо в латку, это такая сорпская утятница, здесь они распространены. Откройте вон тот шкаф с резьбой в виде виноградной лозы, там найдете все, что нужно.

Пара молодых монахов тут же убрали вертел с тушками и занялись спасением ужина.

— У вас неплохой дом, капитан, — сказал Сторкап усаживаясь рядом. — Жаль, что он пустует без доброй хозяйки.

— Странно слышать такое от монаха, давшего обет безбрачия.

— Мы не требуем его от мирян, — усмехнулся старший. — Да и члены Ордена придерживаются обета лишь во время следования Пути.

— Итак. Вы собирались рассказать мне всё что знаете о моем грузе.

— Знаете, в наших краях многие полагают, будто Посланник только затем и сошёл в наш мир, чтобы разрешить людям потреблять свинину.

— Но, конечно, дело не только в кулинарии, — предположил капитан.

— Вот именно. Суть иная. Наши предшественники, последователи культа Орагана и других подобных ему, видели в боге пастыря, который, создавая мир, обо всём позаботился, всё предусмотрел. Посланник же принес весть, что мы зря уповаем на одного только бога. Он объяснил, что Создатель не всемогущ и не вездесущ. И он нуждается в помощи детей своих, чтобы сделать мир ближе к задуманному. Так что мы пытаемся исправить то, чего Создатель не предусмотрел.

— Каким же образом?

— Каждый из нас ищет свой путь, а когда найдёт, то идёт по нему до тех пор, пока не достигает успеха или не погибает. Конечно обычно каждый выбирает путь по силам.

Догматы мало интересовали Тайхара. Во имя чего или кого собирались монахи отправиться на остров было не так важно, как то, что они знали о предназначении детей, о силах, которые все это заварили.

— И каким образом ваш путь касается меня, моего корабля и тех, кого мы перевозим на Ореховый остров?

— Сложный вопрос. Считается, что бог и демоны, что ему противостоят, сражаются за души людей. Но тут есть разные интерпретации. Возможно это воины будущей Последней битвы. И тот, кто соберет их больше, скорее всего и выиграет сражение. Назывались и другие версии. Однако все это лишь спекуляции. Мы не можем до конца познать мотивы высших сил.

Монах на некоторое время задумался и смотрел в пламя камина. Тайхар попивал небольшими глотками мальт и не торопил собеседника.

— Орден отслеживает события, которые потенциально могут быть признаками противостояния бога и демонов. При получении информации монахи отправляются на место с целью определить подлинность божественного проявления в этих событиях и на какой стороне находится правда, что вовсе не так легко, как может показаться на первый взгляд.

— Но с детьми все ясно, не так ли? — спросил Тайхар. — Я ума не приложу зачем было бы нужно... скажем так силам света, свозить зачарованных детей на приполярный остров.

— В подобных вопросах не может быть ничего очевидного, — с короткой улыбкой возразил Сторкап. — И так, мы услышали о вашем контракте и решили разузнать подробности.

— И прибьли за ними сюда?

— Не сразу. Детей в ваших рейсах много. А если они здесь откуда-то берутся, значит где-то пропадают, верно?

Капитан кивнул.

— Ну вот. Поэтому сперва мы проверили сведения о пропажах большого числа детей на всех территориях, где присутствует Орден. А он присутствует практически везде.

— Здесь ваших нет, — сказал капитан.

— Мы не всегда расхаживаем в столь приметном одеянии, — ещё раз улыбнулся монах. — Только когда встаем на Путь.

— Допустим. И что же?

— Мы выяснили, что нигде, ни в одном городе или селении, не отмечалось исчезновений детей сверх обычного числа. Конечно, малыши часто пропадают, становятся жертвами диких зверей или не менее диких людей с извращенным разумом. Они гибнут, их похищают. Но так было сто лет назад, остается ныне и, к сожалению, продолжится сто лет спустя. Случаются всплески гибели и исчезновений во время моровых поветрий, стихийных бедствий, голода или войн, но все они объяснимы и зримы. Массовых исчезновений в обозримом времени зафиксировано не было.

— И к какой версии вы пришли?

— Демонам сложно дотянуться до человеческих душ, как бы не погрязли они в грехах. Всегда есть возможность искупления, раскаяния. Однако у демонов есть лазейка. Высшие силы принимают, так сказать, на учёт только души рождённых людей. Однако, по нашему мнению, душа начинает развиваться ещё внутри материнской утробы. И если плод погибает или беременность прерывают, для демонов появляется возможность заполучить эти слабые души. Слабые, потому что они неспособны ни к познанию мира, ни к пониманию морали, ни следовательно к очищению. Но хотя они слабые, их можно взрастить, если создать соответствующую среду. И вот одной из наших рабочих версий является такая, что возможно вы перевозите как раз их.

— Но мои, если можно так выразиться, дети выглядят несколько старше, чем нерожденные, — возразил капитан.

— Тело не имеет значения. Поместите душу ребёнка в плоть старика и он будет выглядеть стариком, но вести себя будет как ребенок. Ваши подростки не очень-то разговорчивы?

— Верно. Но и на новорожденных они не похожи. А что до стариков, то они зачастую и без всякого волшебства ведут себя словно дети.

Капитан насадил на деревянную спицу кусочек сыра и немного подержал над огнем. Вонючий дым каменного угля не успевал обезобразить вкус сыра. Он откусил немного, потом допил мальт. Версия монахов не понравилась Тахару. Она опиралась на предположения, которые исходили из религиозных догматов. А это очень зыбкая почва для мыслительных построений. Вряд ли монахи темнили, вряд ли пытались его обмануть, скорее всего сами не разобрались до конца.

— За этим мы и собираемся на остров, чтобы узнать всё доподлинно, — словно прочитав его мысли сказал

Сторкап.

Глава 20. Тайна. Змеиный Зуб

Светлые почти белые волосы, лишь самую малость оттенённые золотом. Крупные голубые глаза, но не настолько крупные и голубые, чтобы сравнивать с куклой. Тонкие брови. Ямочки на щеках.

Наверное, её облик должен считаться красивым. Сама Тайна не была в этом уверена. Ведь никто не скажет правды. Ни один из окружающих её людей не признает даже малейший изъян. Одни из любви, другие из осторожности или заискивания. Зеркало не врало, оно показывало, что есть, но не комментировало, не давало оценок. И девушке оставалось только сверяться с идеалами. По крайней мере, портреты, вернее живописцы их пишущие, подавали идеалы именно так, как видели сами. Тайна перевела взгляд на портрет матери — небольшую копию с полотна, висящего в Каминном Зале. Красота зрелой женщины, конечно, отличалась от девичьей. Но общих черт с каждым прожитым годом становилось всё больше.

Тайна вздохнула. Красота — слабое утешение, когда некого ей сразить. Она не может даже мечтать о принце, как простушки из сказок. Потому что сама является принцессой, а значит и принц ей положен, если можно так выразиться, по определению. "Вынь да положь" — как выражалась няня. Вытаскивать и класть принца предстояло её отцу, государю Сташу Старателю. И к счастью, он не собирался разменивать дочь на политические предпочтения.

Отец любил её. Вообще-то он одинаково любил и сына, и дочь, но если принц Колош воспитывался в строгости, так как с рождения являлся Наследником, то Тайну Государь баловал почти без ограничений. Однако, при всей строгости воспитания, наследник имел куда больше свободы. Он кутил с гвардейцами, уезжал из столицы на воинские сборы, на охоту, пару раз даже сопровождал посольства в соседние страны, а вот принцессе некуда было деться. Военизированная система государства просто не предусматривала достойного места для барышень. Страна гремела железом. Удел женщины — рожать и вскармливать воинов, всё остальное — чистая блажь. Разумеется, какие-то развлечения были — балы, турниры (пусть не такие как в Эстральде), охоты, но даже дамы знатных родов образованием себя не обременяли. Вернее их никто и не спрашивал.

Принцессу тоже не спрашивали, но ей повезло со сводным братом. Кольшка учили всерьёз, без скидок на происхождение и даже вследствие происхождения, а он никогда не гнал сестру, если она садилась рядом и слушала уроки. Наставники в свою очередь опасались выставлять за дверь дочь государя, или отмалчиваться в ответ на её вопросы, однако, и не помогали, если вопроса она сформулировать не могла. Так что Тайне приходилось с детства рассчитывать только на себя, на свою сообразительность и интуицию.

Так она научилась читать и писать, разбираться в географии и естествознании. Не более того (на занятия, где звенели клинки, свистели стрелы и ржали лошади, её всё же не допускали), но и не менее. Дальнейшее образование взяли на себя книги. Эстральдские рыцарские романы редко забирались на книжные полки подданных государства Хоту, но беллетристика, то есть книги о войне, обязательно находили читателя. Целый приказ занимался их поисками, переводами, переизданиями. В список входили не только трактаты военачальников или военных философов, но и живописания битв, походов, частных историй офицеров и солдат. Среди этих книг принцесса откапывала приличествующее девушке чтение, дающее ей знания и темы для игр.

Тайна всегда играла одна. Служанки просто не понимали, чего от них хочет юная барышня, а подругами судьба обделила. Все эти фрейлины — дочери знатных вельмож, что составляли когда-то Двор Принцессы, оказались ещё менее понятливыми, чем служанки. Их интересы от кукол резко, без видимой паузы, переходили к женихам. Начались фальшивые вздохи, поиски подходящих румян, пудры и той границы до которой можно оголить плечо.

В одиннадцать лет Тайна совершила свой первый и пока что единственный политический акт — разогнала весь этот игрушечный двор ко всем чертям. Скандал тогда вышел нешуточный. Слуги и гвардейцы с трудом уворачивались от летящих вниз по лестнице кукол, корзин, сундучков. Пух из перин и подушек превратил залы цитадели в зимнюю сказку — кружился в воздухе, скользил по полу, парили в лестничном колодце. Фрейлины ревели, отправляясь с отцами в родовые имения с дурацкими куклами в руках и женихами в глупых головах.

Государь Сташ Старатель имел с принцессой Тайной беседу. Официальную. Как государственное лицо с государственным лицом, пусть одной из "высоких договаривающихся сторон" исполнилось в то время только одиннадцать лет от роду. Принцесса заявила, что больше не потерпит над собой издевательства, что лучше останется совсем одна, чем будет киснуть среди туповатых фрейлин и слушать их глупые разговоры.

Отец не перечил. Он передал в полное и исключительное распоряжение дочери комнаты её матери — спальню, гостиную и уборную, — наполненные удивительными и загадочными вещами. И, отдав все эти сокровища, выдвинул взамен единственное условие — Тайна не должна покидать без разрешения и сопровождения территорию Цитадели, отведённую под личные покои Государя и его семьи. Девушка легко дала обещание. По большому счёту, за пределами четвёртого яруса, где и проживала правящая фамилия, во дворце не существовало ничего интересного, а когда интересное вдруг возникало, она просто расширила понятие личных владений на

вновь обретенное пространство.

Среди загадочной и странной обстановки маминых комнат Тайна провела следующие несколько лет жизни. Здесь она нашла, наконец, свой мир, или скорее собрала его из фрагментов головоломки, обнаруженных тут и там. А чем ей ещё было заняться?

Настоящим сокровищем стали матушкины костюмы, в числе которых обнаружилось много мужских, а ещё больше экзотических, собранных, казалось, со всего света. Надетые на манекены, они поначалу изображали собеседников, товарищей по приключению, но со временем, принцесса начала примерять костюмы на себя, вживаясь в образы, созданные отчасти книгами, отчасти собственным богатым воображением.

Тайна убрала волосы под широкополую шляпу — пиратскую, как постановила она — набросила на плечи поверх платья нечто похожее на офицерский сюртук. Вытащила из ножен кинжал — единственное оружие, дозволенное отцом, и в таком виде направилась к зеркалу.

— Выглядит не убедительно, — решила принцесса, взмахнув пару раз кинжалом перед горлом собственного отражения.

Она убрала кинжал в ножны и упала в кресло. Сегодня игра не пошла. Самое бы время почитать что-нибудь, но и тут был тупик. Новой книги ждать ещё целую неделю, до очередной поездки с отцом в город, на ярмарку; старые перечитаны сотни раз, а чтобы взяться за книгу в сто первый, нужно особое настроение. Его-то и не было. Оставалось, правда, ещё одно развлечение — подслушивать сплетни придворных и государственные секреты.

Честно говоря, Тайну к секретам такого рода особенно не тянуло. Она давно сформировала представление о государственных делах и сделала выбор в пользу книг или игр. А среди сплетен редко попадалось что-то понастоящему любопытное. Но чем чёрт не шутит, возможно, именно теперь ей повезёт.

Принцесса метнула шляпу на манекен, но промазала и та укатилась в угол.

На стенах матушкиной уборной висело три гобелена. Ни один из них не являлся только лишь украшением. Все три несли информацию. Первый изображал схему Лабиринта. Причем начальные ходы от Закатных Врат были прорисованы в мельчайших деталях, но чем дальше ветвились проходы, тем подробностей становилось меньше, пока Лабиринт не превращался в набор чёрточек. Второй гобелен тоже изображал схему каких-то ходов. Её сопровождали рисунки людей, застигнутых смертью в разных позах, а также скелетов, зверей — настоящих и мифических. Тайна так и не смогла понять, что за место изображено на этом гобелене. С Лабиринтом никакой связи она не находила, с подземельем, что располагалось под Цитаделью, рисунок тоже не имел ничего общего. Эту загадку она оставила до лучших времен. А вот на третьем гобелене был изображен замок, который точно копировал Цитадель. Причём стены на рисунке как бы просвечивались насквозь, а ракурс был таким хитрым, что каждое, даже самое маленькое помещение, не перекрывалось другим.

Изучая наследство матушки, принцесса однажды разгадала и секрет этого гобелена. Стоило прислонить к избранному месту ухо, как становились слышны разговоры, происходящие именно в том самом изображённом на гобелене помещении. Никакой магии в этом, впрочем, не оказалось. Среди матушкиного наследства колдовство вообще отсутствовало, хотя про её магические способности ходило множество слухов. Тайна однажды заглянула за гобелен и обнаружила выходы трубок, идущих сквозь стены. Затем она придумала использовать для усиления звуков маленькую воронку (найденную в другой сокровищнице — небольшой алхимической лаборатории), прикладывая к гобелену широкий конец и слушая через узкий.

Хитрое устройство позволяло прослушивать большинство комнат и залов нижних ярусов, где располагались приёмные палаты, кабинеты советников, высших чинов правительства и армии.

Этим принцесса теперь и занялась. Прислоняя наугад воронку то к одному рисунку, то к другому, она вскоре наткнулось на голос отца, но успела уловить лишь окончание фразы.

— ...совершенно некстати.

Почти сразу же наступила тишина. Не совсем тишина — слышались шаги, какое-то постукивание, поскрипывание, но разговор на некоторое время приостановился. Принцессе, однако, стало любопытно, что именно некстати показалось отцу, и она набралась терпения. Минуту спустя разговор возобновился.

— Ладно, допустим, сорпов покорять хлопотно, — голос принадлежал старшему советнику Генушу, весьма неприятному, по мнению Тайны, старичку. — Допустим, морской порт тебе не нужен. Ладно. Но Божидарское княжество ныне слабо как никогда. Одного решительного броска на столицу хватит, чтобы завладеть им. Нам даже не нужен флот, хватит рыбацких и торговых лодок. Высадим десант, а там рукой подать. Больших сил такая операция не отвлечёт. Подожди! Выслушай!

Генуш говорил довольно резко. Так разговаривать с Государем больше никто себе не позволял.

— Я понимаю твоё беспокойство, мой государь, но нельзя же всё время жить ожиданием войны, не начиная её, всю жизнь провести в седле, не пришпорив лошадь. Есть множество занятий достойных правителя мощнейшего государства и множество целей достойных его великой армии. А такой приз, как Божидарское княжество, способен украсить историю рода.

— Граф Писсель сравнивал войну с наркотиком, — спокойно возразил отец. — В неё легко втянуться, но трудно избавиться.

— Ты стал слишком осторожен, мой государь, — с укором заметил советник.

— И расчётлив, — невозмутимо добавил отец. — Тот же граф говорил: и победитель и побеждённый влезает в долги, с той лишь разницей, что победителю предстоит их оплачивать, а побеждённого часто избавляют от головной боли вместе с головой.

— Граф Писсель не провёл в своей жизни ни одного мало-мальски стоящего упоминания сражения. Вся его мудрость — чистой воды спекуляция скучающего в родовом замке заурядного вояки.

— Я бы мог привести сотню доводов против твоей идеи, — сказал отец. — Но приведу лишь один — что дальше? Зачем нам Божидарское княжество, что с ним прикажешь делать? Только ради записи в летописях о славной победе? Для поддержания армии в напряжении довольно и пограничных стычек с дикими сорпами.

— Экономика, это, во-первых, — ответил Генуш (он наверняка при этом загибал пальцы, но Тайна этого, конечно, не увидела). — Княжество контролирует большинство торговых путей в Центральную Киеру. Наши купцы, а вместе с ними и казна, теряют десять процентов на пошлинах. Альтернатива — Межевой тракт. Но чтобы до него добраться нужно сделать серьёзный крюк и пройти через Гороховские земли, а там тоже взимают пошлину.

— Знаю.

— Второе, — продолжил Генуш. — Божидарское княжество сейчас покрывает половину наших потребностей в железе. Имея страну под контролем, мы перестанем зависеть от превратностей политической обстановки. Это не только экономика, это уже и снабжение армии.

— А сколько потребуется войск на поддержание режима оккупации?

— А зачем оккупация? — принцессе, как наяву представилась мерзейшая из всех улыбок столицы. — Мы могли бы предоставить смелянам равные права с ладичами, благо, что и предоставлять-то особенно нечего. Подтвердим титулы их дворян, вольности городов, всё это пустяки в сравнении с податями, какие, смею заметить, потекут уже в нашу казну.

— Но это будет означать единое государство.

— Именно, мой государь! Именно!

— Нет, милый мой Генуш, — возразил отец. — Тогда мы перестанем быть ладичами. Это будет государство пусть и родственных народов, но уже не ладичей. А ты знаешь, что пророчество не допускает подобного толкования.

— Да, — в голосе советника послышалась досада. — Пророчество прежде всего. Пророчество стало прекрасным цементом, скрепившим страну, наполнив её смыслом и силой. Но держать огромную силу только для одной единственной миссии, время которой ещё неизвестно когда наступит, на мой скромный взгляд нерационально. Клинок выкован, отточен и только ждёт достойного применения. Твой отец прекрасно понимал это, хотя и не успел воплотить задумку на практике...

— Вопрос пророчества не обсуждается, — с железом в голосе произнёс отец. — Ты слишком легкомысленно относишься к нему. Между тем я только что получил новые сведения о Лабиринте. И они подтверждают мои опасения. Срок подступает.

— Эти сведения наверняка пришли от Мирша, — попытался спасти дело Генуш. — А Мирш Воевода умеет подавать блюдо под нужным гарниром.

— Ты тоже, — возразил Государь.

— Я тоже, — согласился советник. — Но ты не стал бы держать меня в Думе и выслушивать, если бы не сомневался в правоте Мирша.

— Я сомневаюсь во всём, мой дорогой Генуш, и это основополагающий принцип власти. И я, разумеется, лично проверю донесение Мирша.

Собеседники опять замолчали.

Тайна собиралась уже вернуться в кресло, как вдруг разговор возобновился и к великому ужасу коснулся её самой.

— Принцесса, — тихо произнёс отец. — Ей скоро шестнадцать.

Генуш не зря продержался в советниках дольше всех прочих. Он уловил суть и взялся за новую тему, словно и не выдержал только что серьёзную схватку.

— Как я понимаю, тебя не интересуют династические союзы, раз уж ты отказываешься от того, что само плывёт в руки.

Советник сделал паузу. Видимо государь кивнул в ответ, потому что Генуш с насторожившим Тайну воодушевлением продолжил.

— Стало быть, речь идёт исключительно о благополучии самой принцессы.

Ещё одна пауза и видимо ещё одно молчаливое согласие.

— Тут мне видится два пути, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки, — теперь Генуш встал на тропу мысли и заговорил без длительных пауз, а короткие лишь подчёркивали весомость слов. — Главный вопрос в том, что именно полагать за благо? То, что таковым считает принцесса, воспринимающая предмет через призму юношеской наивности, или то, что видим мы с высоты своего опыта и знания жизни. Иначе говоря, выбор между чувством и обеспеченностью во всех смыслах, между коротким счастьем и длительной перспективой. Серьёзный выбор, если иметь в виду особу такого уровня.

Но... — сейчас пауза подчёркивала переход к выводам. — На самом деле никакого выбора нет, ибо при реализации первого подхода принцессе почти наверняка ждёт разочарование и неизбежное, но, к сожалению, запоздалое осознание правильности второго подхода. Или, в том случае если приемлемая с её точки зрения кандидатура не будет найдена в обозримые сроки, увядание в девичество под крылом отца или брата с постепенной потерей хороших перспектив. Что тут хуже, даже не стоит обсуждать.

Кроме того, я слабо себе представляю, как принцесса сможет вообще воспыпать чувством и сделать выбор, находясь безвылазно в цитадели. Портреты передают лишь внешность, да и тогда врут, как и послы, заверяющие о намерениях претендента. Разве что устроить ей путешествие по белому свету. Но белый свет велик, а у нас нет времени.

— Пожалуй.

Тайне захотелось придушить старого мерзавца. Вот ещё советник выискался на её голову. Отец тоже хорош, раз выслушивает это словоблудие, да ещё и поддакивает, вместо того чтобы захватить старикану в ухо.

— Следовательно, остаётся родительская мудрость и родительская любовь, которая преданнее и надежнее любви женщины и мужчины, — продолжал между тем советник. — При таком подходе выбор претендента остаётся за тобой, мой государь. И значит, уместным будет очертить критерии возможной кандидатуры.

— Было бы любопытно послушать.

— Суверенный престол сейчас или в будущем — первое и, наверное, главное условие. Причём древность рода имеет меньшее значение, как и легитимность, но все же и их отбрасывать не стоит. Таким образом, нас могут интересовать особы владетельные или их наследники, а всякие ленники, вассалы отпадают, и наш список сокращается до минимума.

— Продолжай.

— Мы имеем четыре княжества на наших границах, пять, так называемых, старых королевств, три новых и две дюжины независимых герцогств и графств на Западе Киеры. Ещё какие-то государства есть на юге и на востоке, в конце концов, есть заморские державы, но было бы слишком жестоко отправлять девочку в такую даль.

— Чтоб тебе лопнуть, благодетелю, — прошептала Тайна. — Выискался жалостливый такой.

— Есть ещё царство Михьяр, — заметил отец.

— Ты это всерьёз? — удивился советник.

— Нет, для полноты списка. Люблю, знаешь ли, точность.

— И кстати хороший пример для следующего моего посыла, — ничуть не смутился Генуш. — Какой престол достоин дочери великого государя? Титулы и названия мало о чём говорят. Есть герцогства посильнее иных королевств, есть королевства, или царства вроде Михьяра, которые и с иным графством сравнить постыдишься. Но прежде чем рассматривать список более подробно, хочу напомнить о возникающем неизбежно политическом вопросе.

— Я дал обещание принцессе, что не буду искать политической выгоды от её брака. И намерен сдерживать обещание.

— Кто говорит о политической выгоде? — Тайне опять померещилась ядовитая улыбочка советника. — Я говорю всего лишь о предосторожности. Принцесса при определённых обстоятельствах, каковые надеюсь никогда не случатся, будет иметь право на престол Государства Хоту. Право это, если не юридически, то фактически перейдёт к её мужу. А стало быть...

— Если такое, не дай боги, случится, по-твоему лучше вообще оставить страну без правителя? — перебил собеседника отец.

— Нет, но зачем вводить зятя в соблазн? Плодить интригу на пустом месте. По крайней мере, я бы убрал из списка претендентов, отпрысков четырёх соседних княжеств. Они соседи, а трое из них соседи потенциально враждебные, и в них проживают родственные народы. Это может стать серьёзной проблемой. Если ты не желаешь объединения народов, это не значит, что его не пожелают другие. А четвёртое, союзное, ты уж меня извини, просто навозная куча, где только и умеют, что хорошо делать водку.

— Продолжай.

— Далее следует вопрос надёжности брака. Его расторжение, к сожалению, практикуется в некоторых государствах, что ставит принцессу в щекотливое и зависимое положение.

— В цепи, навек! — ругнулась Тайна. — Чтобы без шансов!

— Допустим, — сказал Государь, то ли соглашаясь, то ли просто позволив продолжать.

— И, наконец, мы возвращаемся к знатности и легитимности, — пафосно произнёс Генуш. — Короли, все короли без исключения, являются потомками завоевателей, разрушивших Вторую Империю. Они сильны, во всяком случае были сильны, но не родовиты. Другое дело — владетельные герцоги запада. Некоторые их роды восходят ещё к Первой Империи. И если мы исключим глубоких стариков, то вакансий останется не так уж много.

— И ты назовёшь того, кто соответствует всем перечисленным критериям?

— Принц Родгингот Эльмасский, — прозвучало имя. — Единственный наследник герцога Розы

— Но ведь он женат!

— Он овдовел год назад и не имел детей в браке. То что нужно для наших планов, то что нужно.

Как бы невзначай, советник присоединил себя местоимением "наши" к государевой семье.

— Чтоб ему лопнуть вашему наследнику, — прошептала принцесса, хотя не видела до сих пор ни принца, ни даже его портрета. И даже имя его слышала впервые.

Возможно, он мил собой и у него добрая душа, но принцесса его уже ненавидела.

— Спасибо, мой друг, я подумаю, — сказал отец.

— Будешь сомневаться, советоваться с другими?

— Обязательно.

— Тут Мирш тебе мало поможет, Тайне показалось, что Генуш победно ухмыльнулся. — Его агентура работает внутри страны и у ближайших соседей. Ему просто не было смысла рыть землю так далеко на юге.

— Не беспокойся, мой друг, я изыщу способ получить альтернативное мнение.

Глава 21. Дамматрик. Змеиный зуб

Если верить сержанту, река прозывалась Змеиной вовсе не из-за обилия ядовитых и не ядовитых гадов. Хотя вообще-то согреваемые дыханием Лабиринта болотца по берегам, особенно те, что рядом с Михьяром, извергали ползучих тварей в большом числе и разнообразии. Пересекая государство Хоту, что называется из угла в угол, река дважды меняла направление на противоположенное. Собираясь у подножья Северных гор из множества речушек и ключей, Змеиная проходила первую тысячу вёрст между болотистой равниной, где располагалась Засечная Черта и небольшим каменистым поднятием, которое местные географы называли гордым именем Плато, хотя по высоте оно сильно уступало тому же Лабиринту.

Возле Крапивы река принимала обильные воды Таёжной, вытекающей из неистощимых болот Михьяра и делала первый свой разворот. Затем, по пути на север она рассекала Плато каньоном следующие семь сотен верст. Там Северный отрог ставил реку на прежний путь, а Плато сходило на нет.

При впадении в Долгое озеро, река делилась на множество мелких и два основных рукава, которые на картах походили на змеиную пасть. Потому и укреплённый центр столицы, расположенный на острове дельты назывался Змеиным Зубом.

Существовало и ещё одно толкование гидронима. Те же тёплые болота, дающие приют змеям, превращали реку зимой в коварную ловушку для санных поездов, всадников и вообще любого, кто рисковал опробовать на прочность ледяной панцирь. С виду внушительный он не раз и не два за сезон раскрывался перед путником, иногда поглощая целые обозы.

— Змеиная, она змеиная и есть, — сказал Дамматрику возница, с которым он пробирался к столице трактом, имевшим то преимущество, что держался подальше от строптивой реки, пересекая её лишь дважды по прочным мостам.

Столица северного края не имела единого названия. Образующие её несколько городков и селений, что возникли в разные эпохи и при разных обстоятельствах, носили свои старые имена. Пристань была единственным портом в государстве, лишённом выхода к морю и с древних времён обеспечивала ладичам внешнюю торговлю. Рыбачий до сих пор промышлял ловлей осетровых и фабрикацией чёрной икры, хотя давно превратился из грязного посёлка в городок с богатыми домами и мощёными улочками. Ломки давали лучший в округе строительный камень, а из-за близости озера его поставляли на баржах и лодках даже божидарским князьям. Змеиный Зуб являлся, наверное, единственным на всём севере по-настоящему киерским городом, где улицы мостили не колодами и даже не булыжником, а брусчаткой; дома крылись черепицей, украшались барельефами, горельефами и скульптурами, а простые и привычные прямоугольные формы зданий ломали всевозможные эркеры, портики и балконы, считающиеся здесь, на севере, архитектурными излишествами. Особая статья Цитадель. Ей могла бы позавидовать любая крепость бывшей империи. Ровные без заметных швов стены упирались в небеса и казались неприступными. Ни одна лестница не достала бы до гребня и ни один ловкач не забросил бы туда крюк. Осадные башни пришлось бы строить слишком высокими, отчего они не смогли бы двигаться вверх по холму, тем более что холм этот давно был застроен домами простых и не очень простых горожан. А на приличную земляную насыпь, по какой осадную башню можно было бы подвести к стенам, здесь

просто не хватало места. Оставался таран. Но пробиваться с его помощью было некуда. Основание Цитадели наполовину состояло из материнской скалы, наполовину было заполнено бутовым камнем вперемешку с песком и глиной. Прогрызать сквозь основание ход под потоками кипящей смолы, камней и стрел считалось делом практически невозможным. А если бы кто и смог оказаться по ту сторону стен, то обнаружил бы себя в одном из захабов, где неминуемо принял бы смерть. Все это Дамматрик знал по книжным описаниям, которые были неполны, а то и нарочно искажены, так что защитники крепости наверняка приберегли для врага несколько неприятных сюрпризов.

Он выбрал лучший ресторан в Змеином Зубе просто, потому что захотелось поесть и выпить по-человечески. Соскучился за четыре месяца странствий по изысканной пище. Собирался заказать что-нибудь из мясной кухни Этральда, известной умением готовить мясо на тлеющих углях десятками способов, но пока к нему пробирался "человек", как называли здесь официантов, замысел вдруг изменился, и он заказал для начала традиционный местный набор.

— Лучшей водки, какая есть, и к ней солёных огурчиков.

— Не извольте беспокоиться, мой господин.

Выточенная из липы миска полная влажных от рассола огурчиков с листьями смородины и зонтиками переросшего укропа, возникла перед Дамматриком через минуту.

— Настоящая Гороховская, — сообщил "человек", наливая водку из запотевшего стеклянного графина. — Поставляют непосредственно от княжеских винокурен.

Дамматрик опрокинул стопку в горло. Зажмурился, отгораживая внутренние ощущения от суеты брэнного мира.

Поход на север, к поселениям тохчи-ма, затем безумная скачка внутрь Лабиринта, к краю известной карты, стоили Дамматрику немало нервов и физических сил, а результатов почти что не принесли. Но все же он был доволен. До него так глубоко в Лабиринт проникали лишь немногие экспедиции, к которым тщательно готовились на государственном уровне. А он совершил бросок с наскока, почти без подготовки, если не считать заранее посланных инструкций и значительной суммы в золотых монетах.

Дед нынешнего правителя Сташ Лодочник отправился в Лабиринт лично с небольшим отрядом воинов и огромным числом носильщиков. Зная о губительности воздуха он взял шатер в котором весь отряд останавливался на ночь. Внутри шатра курили благовония и развешивали пучки влажной ароматной травы. Это помогло, но не сильно. Через три восемнадцать дней начали болеть не только носильщики, но и воины. Обратный путь занял еще неделю — государь приказал бросить всё, кроме воды. В результате он потерял половину отряда и большинство носильщиков, но вернулся с подробными описаниями коридоров и поворотов. Эта карта легла в основу следующих экспедиций и дополнялась до сих пор. По ней Дамматрик и шёл.

Задолго до Сташа Лодочника, Лабиринт пыталась покорить Империя. Первый император из династии Гонцов предпринял другую хитрость. Он приказал устроить подъемники и настилать мосты между стенами лабиринта, таким образом, значительно сокращая путь. Отчасти выигрыш времени тратился на долгие остановки, так как на ночь его людям приходилось спускаться вниз на веревках, а утром подниматься, чтобы продолжить путь. С каждым днем приходилось все дальше таскать доски, продвижение замедлялось. Один их храбрецов предложил брать мостки сзади и настилать впереди. Он ушел далеко вперед с небольшим отрядом. Этот отряд так и не вернулся. Остальные продвигались вглубь медленно, но верно. Нездоровый воздух, однако, добрался и до них. Люди стали умирать. Они прошли дальше всех, но всё равно отступили. К сожалению такой метод передвижения не мог оставить после себя карт и для последователей оказался бесполезен.

Помимо Западного, Лабиринт имел Южный вход, который находился посреди пустыни и после распада Империи добраться до него было гораздо труднее. Тем более, что все карты путей от Южного входа были утрачены. Известно только, что две системы так и не соединились вместе, хотя несколько экспедиций преследовали именно эту цель. Сквозной проход мог стать неплохим торговым путем между югом и севером, несмотря на все опасности. Ведь сейчас торговцам приходилось огибать сам Лабиринт, топи Михьяра и Долгое Озеро. Это занимало несколько месяцев. Но не сложилось.

Кроме того, существовал ещё Северный вход. До нынешнего времени его скрывал огромный ледник, что делало невозможным любые исследования. Теперь этот ледник начал таять. Возможно был ещё один вход на востоке. Впрочем это было уже из области околонуточных спекуляций. Никаких свидетельств его существования не содержали даже самые древние рукописи.

Дамматрик откусил половинку пупырчатого огурца прожевал, наслаждаясь соком, затем опрокинул ещё одну стопку ледяного пойла. Как его учил старый гороховский князь, он проследил внутренним зрением за катящимся по пищеводу шариком огня, стараясь не шевелиться, не дышать. Канон!

Но когда на вдохе Дамматрик открыл глаза, перед столиком вместо одного "человека" обнаружилось целых два. Это не было вошедшим в местный фольклор эффектом от паров алкоголя, да и подействовать водка ещё не

успела толком. Два человека, возникшие из ниоткуда, оказались при ближайшем рассмотрении кожанами.

— Прошу отдать клинок и пройти с нами, — спокойно произнёс один из них.

— Ъх, — дыхание перехватило. — Нельзя же так, господа!

Дамматрик потянулся левой рукой к огурцу, правой же начал снимать с плеча перевязь. Он подумал, что следовало свалить ещё в Заусенце, хотя с его внешностью затеряться среди северян весьма затруднительно. Это на юге он мог похвастаться белизной кожи, здесь же на севере, его вряд ли отличили бы от любого другого альпортца.

Мысли о причинах внимания тайной службы, да о том, где он мог проколоться, занимали его разум лишь несколько мгновений. Дамматрик быстро опомнился и погнал их прочь. Дурацкая старая привычка рассуждать в критической обстановке о том, что сделано неверно. Подобная неуместная рефлексия всякий раз краля у него ценное время, а вместе с ним и шанс на спасение.

Левая рука поднесла огурец ко рту, правая за миг до того, перекинула перевязь через голову. Он мог бы без труда положить здесь обоих. Он давно уже перерос того парня из Альпорта, который умел делать лицо, но не набрался духу для серьёзной схватки. Вайхель накачал силой их всех, но главное — дух — Дамматрик обрёл сам.

Итак, он мог легко вырубить обоих кожанов. Не насмерть, понятно, только на время. Но что дальше? Прорываться с боем из чужого города, из чужой страны? Шансы, конечно, имелись, пусть небольшие. Но дело заключалось даже не в шансах, а в миссии, ради которой он здесь. Нельзя же так просто перечеркивать сделанное. С другой стороны, никакой явной вины за ним вроде бы не числилось. Возможно, возникли вопросы по его отчёту или какая-нибудь формальность, связанная с пребыванием на севере или у Лабиринта иностранцев. А ретивые исполнители перестраховались. И хотя выбраться из-за железной решётки будет сложнее, нежели сбежать прямо из ресторана, Дамматрик принял решение дать отбой.

Жуя огурец, он протянул перевязь с мечом "локотком" ближайшему кожану.

— Вас не интересуют мои грамоты? — спросил на всякий случай.

— Нет.

— Мне нужно расплатиться.

— Забудьте.

"Ну, хоть выпил на халяву, — подумал Дамматрик, шагая вслед за кожаном к выходу. — Хотя какое в этом удовольствие, с моими-то средствами".

Он быстро шагал между кожанами, один из которых забегал немного вперёд, показывая арестанту дорогу, а другой, нёсший его меч, чуточку отставал. В провинции от подобной процессии люди шарахались, шепча в спину страдальцу молитвы, а в столице, похоже, привыкли. Даже взглядов на смуглом арестанте не задерживали.

Дамматрик шагал и думал. Поездка на север вызывала у его товарищей много споров. В центральных провинциях бывшей империи, где они свили уютное гнёздышко, все эти рассказы, связанные с Великим Пророчеством считались сказками. У них на юге в каждой деревне таких страшилок имелось по дюжине. С другой стороны, нужно же было с чего-то начинать. А рассказы о Храме Чаши или Древнем Зле из Некрополя выглядели не менее нелепыми. К тому же, как говорил Вайхель: боги любят играть на нескольких досках сразу.

И только попав сюда, Дамматрик ощутил настоящую силу Пророчества. Не какую-то магическую силу, а влияние, оказываемое на умы людей словами. Взять хотя бы тех же кожанов, что вели его сейчас. Тайная полиция в Хоту занималась не столько поиском заговоров или мятежей, сколько утверждением Пророчества в сознании людей. Нет, скептиков как правило не бросали в подвалы, но и не позволяли им мутить воду. Как только ворчание формировалось в политическую программу, к умнику приходили и для начала выносили предупреждение. Обычно этого хватало. С другой стороны, такие упёртые крестьяне, как Ожог, могли хоть язык стереть, сомневаясь опасности Лабиринта.

Течение мыслей прервалось, как только Дамматрик понял, что конвойные пропустили поворот к Осетровой площади, где располагалось главное здание Тайного Приказа и где три месяца назад они распрощались с Оби. Тогда Дамматрик отбыл на разведку, а Оборну перед возвращением предстояло составить хитрую задачку для пограничного вопросника, а потом "осмотреть местные достопримечательности". Это так сказать в декларации. А вот неофициально Оби собирался половить рыбку в мутной водичке здешнего криминального мира и как минимум заложить базу для агентурной сети.

Теперь Дамматрик засомневался, а выбрался ли вообще отсюда Оби, не перемудрил ли с "осмотром достопримечательностей"? Или быть может товарищу закрутили за спину руки? И в таком случае они, возможно, встретятся гораздо раньше, чем планировали. Например, на какой-нибудь очной ставке в пыточном подвале. Но почему всё же его повели мимо здания тайной полиции? И куда тут, в центре города, можно ещё вести арестанта?

Цитадель! Неужели? Видимо, ему следовало гордиться собой. Официально в Цитадели арестантов не содержат и допросов не ведут, но там по слухам расположена тайная темница для особо важных преступников, а также для личных врагов Государя. Интересно, в какую категорию записали его?

На Речных воротах Цитадели кожаны передали его вместе с оружием с рук на руки местной охране, состоящей исключительно из гвардейских офицеров. В святая святых государства тайной полиции, видимо, ходу не было.

— Прощу следовать за мной, — произнёс гвардеец и, не дожидаясь согласия, направился к лестнице. Второй пристроился сзади и в этом смысле гвардейцы не отличались от тайной полиции.

Его, однако, повели не в подвал (в толще скалы это скорее могло называться пещерой), а напротив вверх. Миновав четыре пролёта и пару оборотов винтовой лестницы, они оказались в комнате без окон и дверей, если не считать того отверстия в полу, через которое они поднялись. Все четыре стены были задрапированной серой тканью. Несколько светильников на литых бронзовых ножках разгоняли мрак, а кроме них всю обстановку составляли дюжина кресел и большое зеркало.

— Присядьте, — предложил конвоир, показав на ближайшее кресло.

Дамматрик сел. Второй конвоир скрылся где-то в складках драпировки.

Долгого ожидания хватило, чтобы Дамматрик спокойно оценил положение. Удобное кресло, мягкий ворсистый ковер под ногами, вежливое обхождение гвардейцев. Он почти не удивился прозвучавшему вскоре приглашению:

— Государь ожидает, — офицер отдернул ткань, за которой обнаружился проход.

"Кто интересно кого ожидает?" — лениво подумал Дамматрик.

Офицер его пропустил, но сам заходить не стал. Оказалось что "Государь ожидает" не было только формой приглашения. Зал, куда попал Дамматрик был невелик по меркам монарших покоев, скорее напоминал интимный кабинет для переговоров или совещаний. Три стены покрывали гобелены и драпировочная ткань, в четвертую был встроены камин с красивым порталом, покрытым лепниной, и массивной полкой, на которой стояли бронзовые подсвечники. Ни окон, ни явных дверей в кабинете не оказалось.

В центре располагался изящный столик с кривыми ножками, уставленный яствами и кувшинами с напитками. Возле столика прохаживался человек. Прохаживался не просто так, а именно ожидая. И поскольку никаких других людей в зале не было, а человек держался свободно и явно не относился ни к слугам, ни к телохранителям, Дамматрик пришёл к выводу что это и есть Сташ Старатель, правитель Государства Хоту.

Глава 22. Государь и принцесса

Государь повернулся на шелест портьеры или скорее почувствовал ток воздуха, который она произвела, потому что шагов по мягкому ковру он услышать не мог.

— Вас вытащили из-за стола, — сказал Сташ с улыбкой. — Посему, приглашаю продолжить ужин вместе со мной.

Из-за драпировки появился слуга с медной чашей в руках и рушником, переброшенным через локоть.

— Вы с дороги, — Сташ указал на слугу.

Дамматрик погрузил ладони в тёплый отвар, пахнувший одновременно пальмовым орехом и календулой, потер пальцы друг о друга, затем вытер руки мягким полотенцем. Слуга сразу же удалился.

— Садитесь, — предложил Государь. — Рассказывайте.

Он собственноручно налил из керамического кувшина тёмно-красное вино в пару серебряных кубков, а Дамматрик не рискнул сесть первым и продолжал стоять, лишь положив руку на спинку стула.

— Ваше Величество, — на самом деле он не знал, как принято обращаться к здешнему правителю. Ведь тот не носил королевского титула и вообще какого-либо титула, принятого в цивилизованном мире. Государь и всё тут. И ведь никто из его конвойных не потрудился пролить свет на сей щепетильный для всякого монарха вопрос. — Ваше Величество, я составил полный отчёт о поездке на север и по экспедиции в Лабиринт и передал его вашим людям из Тайного Приказа ещё в Клешне.

— Я знаю, — чуть улыбнулся Сташ. — Мне захотелось услышать рассказ лично от вас. Да и вообще познакомиться.

Государь, наконец, сел, и Дамматрик последовал его примеру.

— Когда брат мой, Гороховский князь Братыня, попросил оказать содействие разведчику, я не стал отказывать союзнику и счёл это простым любопытством, — Сташ взял кубок и сделал небольшой глоток. — Но потом мне доложили, что разведчик вовсе не смелянин, больше того, он похож на южанина. "Искатель из Валикерста", как записано в бумагах. И я заинтересовался... да вы пейте вино превосходное.

— Благодарю, — Дамматрик тоже отпил немного и соглашаясь кивнул.

Здесь на севере предпочитали именно сладкие даже приторные вина, а уж если нет, то пили водку или самогон. Но то, что предложил государь и впрямь оказалось неплохим. В меру терпким, в меру кислотным, в меру пьянящим. То что надо под разговор.

— Честно говоря, не думал, что пророчество так уж волнует кого-то на юге, — продолжил Государь. — Тем более так далеко на юге. Даже наши ближайшие соседи считают его мрачной сказкой. И тут вдруг появляетесь

вы... Занятно... Искатель из Валикерста? Знаете, я видел тамошних жителей на ярмарке. Они конечно смуглые и темноволосые, но не настолько. От вас же просто веет пряностями, табаком, тропическими фруктами. Откуда вы родом?

— Из Альпорта.

— Это кажется на южном побережье? — припомнил Государь. — Кто носит корону вашей страны?

— Никто не носит, Ваше Величество, за отсутствием таковой. Альпорт в некотором роде республика. От имени народа правит Сенат, его выбирают граждане. Но на самом деле у нас олигархия. Выборы — пустая формальность. Сенаторы если и меняются, то на собственных наследников. Поделили доходные места, оставив впрочем от пирога пару крошек простому люду, чтобы не бунтовал. Скука смертная. Не то, что у вас.

— А у нас, значит, весело? — улыбнулся Государь.

— У вас тут, как я понимаю, эпохальные дела назревают, если не сказать эпические.

— Возможно, — кивнул Сташ и вновь поднял кубок, явно приглашая собеседника выпить.

Дамматрик сделал ещё несколько глотков.

— Попробуйте наших пирогов, сыров, блинов с белужьей икрой.

Дамматрик выбрал самый маленький пирожок и надкусил. Кажется внутри была дичь, приправленная луком и травами. Что-то похожее он уже пробовал возле Закатных Врат. На севере готовили пироги в основном с сытной начинкой, в то время как в бывшей Империи предпочитали сладкие.

— Иностранцу обычно трудно понять наше беспокойство, я бы даже сказал страх перед Лабиринтом, — сказал Сташ. — Но для ладичей угроза с той стороны часть культуры. То, что у вас, как я слышал, относят к сфере Нижнего мира, у нас помещают в Лабиринт. В наших сказаниях все демоны, чудовища, всё злое и тёмное приходит оттуда. Предки считали, что где-то в ущельях обитают похитители душ, что там расположен загробный мир. Предания ладичей переполнены историями о каменных чертях, Каменном Полозе, Белой Мгле, приходящей из узких ущелий, Пещерном Демоне. Даже в детских сказках Парень Жаркий Ветер наделён человеческими чертами и выступает как посланец смерти. И, наконец, Пророчество. Согласитесь, оно легло на удобренную почву. Пещерный Демон древних сказаний получил новое воплощение, а мифическая угроза стала реальной.

— Да, пожалуй, я смог это почувствовать.

— Хорошо, — Государь кивнул и взмахнул рукой, как бы переворачивая страницу беседы. — Следопыты и колдуны наших патрулей регулярно проверяют лишь окрестности возле входа. А там они до сих пор встречали только старателей или их нетленные трупы. Почему кстати нетленные?

— Один наш ученый муж, из Альпорта, я имею в виду, когда-то давно предположил, что гниение плоти — суть поедание её мелкими организмами, вроде червей. А поскольку в Лабиринте жизни нет, то нет и червей.

— Хорошее объяснение. Не скрою, мне и самому хотелось забраться в Лабиринт поглубже, посмотреть на истоки нашей мифологии воочию, так сказать. Но экспедиция всё время откладывается. Нехватка средств, времени. Итак, вы забрались далеко вглубь Лабиринта, прошли гораздо дальше обычного патруля. Что вы там искали?

— Ничего определённого.

— Но какое-то общее направление поисков у вас наверняка имелось?

— Видите ли, меня заинтересовала мифология ладичей относительно вторжения из Лабиринта. А всякое вторжение, а тем более война эпических масштабов, требует подготовки. Некой базы. Стало быть, нужна экономика, в том числе производство, металлургия, сельское хозяйство, обучение, в конце концов. Вам, как правителю, это должно быть близко.

— Какое сельское хозяйство и какая промышленность могут существовать в Лабиринте?

— Вот! — Дамматрик поднял палец — То-то и оно! Можно, конечно, наделать каменных монстров и, зарядив магией по самую морковь, заставить их двигаться. Но всё это годится только пугать детишек. Для настоящего вторжения требуется нечто серьёзное. Требуется армия, причем армия из людей. Чародеи утверждают, что людьми управлять легче, чем неживой материей. Во много раз легче. Ведь камни далеко наступать не могут и принимать решения не могут тоже. А всякая армия из людей подразумевает наличие кормовой базы и всего прочего.

— Не бесспорно, — кивнул правитель. — Но, допустим.

— Я искал нечто подобное, — Дамматрик сделал глоток вина и кашлянул в кулак. — Теоретически где-то в глубинах Лабиринта могла конденсироваться влага, и создать в ущельях своего рода оазисы. Скрытые сады, ручьи, что-то такое. Искал, но не находил.

— Но зато нашли нечто другое? — догадался правитель.

— Запах.

— Запах? — Сташ прищурился.

— Да, Ваше Величество. Ведь Лабиринт не пахнет. Там ощущаешь, конечно, привкус окалины от горячего воздуха. Думаю, это как-то связано с наличием в нашей крови железа, которое проявляет себя во время сильной

жары.

— Любопытно. Вам не откажешь в научном складе ума.

— Да. Но это всё продукт нашего собственного организма. А настоящих запахов в Лабиринте нет. И вот, я почувствовал что-то. Мои проводники, возможно, тоже, но их обоняние давно притупилось от частых походов внутрь. Сухой воздух убивает не только легкие или глаза, но и делает грубым всё остальное.

— Согласен. И на что похожи эти ваши запахи?

— Трудно объяснить. Если я скажу, что почуял запах смерти, то погрешу против истины, но общие ощущения были именно такими.

— Смерти, — Сташ задумался.

— Нет, это не запах тления, тела же там и не разлагаются, как вы только что упоминали. Но нечто столь же неприятное.

— У вас есть склонность к магии? — неожиданно спросил Сташ.

— К магии?

Дамматрик старался не раскрывать способности к чарам перед чужими людьми, тем более что они, способности, всё ещё оставались неверными и проявлялись только в моменты наивысшего напряжения. Однако врать Государю и возможному союзнику было бы неразумно. Поэтому он просто пожал плечами, предложив собеседнику самому додумать ответ.

— Говорят, что люди наделенные этим качеством ощущают нечто похожее на запахи, но имеющее иную природу, — добавил Сташ.

Он замолчал и задумался. Кажется совсем не заметив недосказанности, или проигнорировав её.

Дамматрик воспользовался паузой и съел несколько крупных кусочков отварного мяса, подцепляя их двузубой вилкой и макая в кислый чернский соус. Затем попробовал белужьей икры, выложенной горками на соленое рассыпчатое печенье. Государь все еще молчал.

— Кто он, этот ваш Пещерный демон? — решил тогда спросить Дамматрик. — Что вы знаете о нём?

— Это старые предания, истоков которых наши ученые раскопать не смогли. Но древний сюжет неожиданно пережил второе рождение примерно лет семьдесят назад. По преданиям Пещерный демон появился вновь. Егс якобы видели у Западного прохода, но описания разнятся от гиганта, дышащего огнем, до человека, сложенного из валунов точно снеговик из шаров снега. Мы полагали, что всё это придумки старателей, ведь стражи и крепостей в те времена ещё не было, однако, сам факт появления возле Лабиринта кого-то, обладающего магической силой, неоспоримо. Нашлись следы, отголоски магии, ворожбы. А немного позже прозвучало Пророчество.

— И как раз семьдесят лет назад рухнула Вторая Империя, — заметил Дамматрик.

— Не думаю, что события имею связь. Хотя... я бы не стал исключать ничего.

— Позволено ли мне будет ознакомиться с подлинником Пророчества?

Государь взял колокольчик.

— Принеси книгу Авнилы, — приказал он возникшему из-за драпировки слуге.

К удивлению Дамматрика, его скромная просьба пробудила к жизни целую церемонию. Сперва слуги внесли конторку из красного дерева и два многоглавых светильника. Старший из их числа возжег одну за другой свечи. Затем старый придворный в парике с буклями принёс свёрток, покоящийся в колыбели. Пока другие придерживали колыбель, старик аккуратно развернул сверток и достал книгу, которую и возложил на конторку с максимальным почтением.

Дамматрик ожидал увидеть старинный свиток или фолиант в дорогом переплёте, украшенный камнями, золотым тиснением, но исторический источник оказался обычной амбарной книгой, какие широко использовались купцами и лавочниками империи, да и ныне встречались довольно часто.

Государь жестом предложил собеседнику подойти к конторке и ознакомиться с документом. Что Дамматрик не замедлил исполнить.

Внутри амбарная книга оказалась настоящей амбарной книгой — грубая дешёвая бумага, пожелтевшая от времени, с пятнами и вкраплениями плохо переработанного сырья. Она была разлинована всеми этими "приходами", "расходами", "остатками" и не просто разлинована, но и заполнена почти на две трети. Сплошной "дебет-кредет", так сказать. Причём если имперские цифры Дамматрик узнавал, то буквы только наполовину. Некоторые из них напоминали имперское письмо, другие походили на азбуку ладичей. И те и другие, вместе с совершенно незнакомыми знаками едва различались в лезущих друг на друга и витиеватых строчках.

На полях, отчерченных жирной линией, поперёк обычных расчётов шли более поздние записи, но выполненные тем же неразборчивым почерком.

— Это сорпский язык, — пояснил Государь. — Причём купеческая скоропись. На том листке бумаги, который служит закладкой, приведён дословный перевод известного фрагмента. Надеюсь, на языке ладичей вы читаете без труда?

Дамматрик нервно кивнул, затем борясь с волнением, развернул сложенный вдвое лист и прочёл сакральный текст, благо в переводе он был записан ровным каллиграфическим почерком.

"Хейш Прорицатель стоял по колени в болоте, одной рукой придерживая расползающиеся лохмотья, другой черпая грязную жижу и поливая ей бритую голову. Глаза его смотрели за пределы сущего. Хейш говорил: Четвёртая сторона света извергнет демона, пожирающего разум и крадущего ваших чад. Он явит себя миру, чтобы вернуть утраченное и всякий, кто встанет на пути его мести, будет раздавлен. Только народ, чтящий договор, сможет остановить поступь ужаса. Сказав это, Хейш трижды окунулся в болото с головой и, истекая грязными потоками, удалился в лачугу на острове. Я, Авнила, гость из Долгого Поля, записал его слова".

— Н-да, — Дамматрик не скрывал разочарования. — Тут сплошная символика и обычный для пророчества туман. Упоминания, которые мне попадались в литературе, предполагали куда больше конкретики. Но если в подлиннике такая каша...

— Символика легко расшифровывается, — сказал Сташ. — По крайней мере, главное понять можно. Эпитеты оставим поэтам и пропагандистам. Четвёртая сторона — вот ключевое понятие для привязки к реальности.

— И у вас есть подходящая трактовка?

— Разумеется, — Государь отпил вина и кивнул. — В Михьяре традиционно делили, да и теперь ещё делят свет на три стороны. По движению солнца. Полдень, восход и закат. А поскольку ночью солнца не видно, то полночь отсутствует в их системе координат. И они как-то обходятся. Четвёртой стороной, согласно практически единодушному мнению толкователей, в пророчестве назван север. А Лабиринт находится к северу от Михьяра.

— И к востоку тоже.

— Да, но западный проход именно к северу. Плато Лабиринта в бассейне Змеиной выдается дальше на запад, а в Михьяре отступает к востоку.

— Допустим. Так он что, из Михьяра, этот Прорицатель?

— Да. Хейш был михьярцем, по всей видимости, точно не знает никто. Сорпский купец Авнила — он об этом пишет на первых страницах книги — посетил Михьяр по торговым делам и, узнав от жителей о "мудреце на болотах", отправился туда с паломниками. Там на болотах он прожил около недели и записал за это время несколько пророчеств Хейша.

Дамматрик еще раз окинул взглядом неразборчивый подлинник и задумался. Значит, дело приходится иметь с двойным переводом. И даже с тройным, ведь ему самому легче осмыслить текст на родном языке. А в этих каскадах могло что-то и потеряться. Какой-нибудь нюанс, имеющий ключевое значение.

Он вернул закладку в книгу и вернулся за стол. Государь сделал жест, и слуги с должным почтением унесли конторку вместе с книгой.

— "Народ, чтящий договор", — процитировал Дамматрик. — Здесь не идёт речь конкретно о ладичах.

— Слово "ладичи", а надо заметить это самоназвание столь же древнее, как и наш язык, собственно и означает "люди договора", — пояснил Сташ. — Правда Хейш мог об этом не слышать и вообще не знать ничего о ладичах. В его времена наши предки еще жили разрозненно, назывались по княжествам и в сущности мало чем отличались от дикарей. Но ведь Хейш и не делился знаниями, он прорицал!

— Тем не менее, прямого указания нет, — констатировал Дамматрик. — Всего лишь интерпретация.

— Да, — согласился Государь. — И это, надо признать, привносит некоторую смугу в умы. В том числе в умы тех, от кого зависят решения. Поэтому во всех списках, распространяемых среди населения, символы упрощены и речь идёт о ладичах, о Пещерном Демоне и угрозе из Лабиринта.

Хотя их беседу с Государем можно было назвать неформальной и даже доверительной, Дамматрик отнюдь не расслаблялся и чувствовал себя фехтовальщиком, ведущим пусть и не смертельный поединок, но бой с крупными ставками. Монархи они ведь себе на уме. Ещё час назад его арестовали в ресторане и он кожей почувствовал сырость темницы, а теперь вот икру подбедает. И потому вопросы, особенно столь щекотливые, касающиеся власти и её решений, он формулировал особенно тщательно, старательно избегая таких определений, как спекуляция, пропаганда или, скажем, манипуляция.

— А не повредит подобное упрощение? — спросил он и поспешил пояснить. — Всё же для трезвого анализа лучше иметь всю полноту информации.

Государь мышей ловил не хуже опытного котяры. Он раскусил подтекст.

— Я понимаю возникшие у вас сомнения, — сказал он. — Не вы первый. Некоторые убеждены, что пророчество в своё время стало лишь удобным поводом начать войну за объединение мелких уделов. Политической доктриной, так сказать. А в политике, мол, все средства хороши, в том числе и искажение исторических документов.

Дамматрик с трудом удержался от кивка.

— Это не верно, — возразил сам себе Сташ. — То есть относительно политики как раз всё ясно, но вот то, что политика имела место в нашем конкретном случае — обычные домыслы. А чтобы убедиться в правоте моего

тезиса, нужно просто лучше знать историю нашей династии. Вы знаете, например, что мы сами выбираем себе имена?

— По крайней мере, это честно.

— Звучит двусмысленно, — Государь нахмурился.

Всё же Дамматрик слегка расслабился. Допустил вольность. Но отступить уже поздно.

— Знаете, — сказал он. — Многие правители сами берут себе звучные и гордые имена. Добрый, Мудрый, Справедливый, Храбрый, но обычно выдают это за просьбу народа, за решение сената и так далее. А у вас обходятся без лишнего политического тумана.

— Я понял. Нет, у ладичей вообще принято самому выбирать себе имя? Не то детское имя, которое дают родители, а прозвище, какое определяет суть. Причём этот обычай касается не только благородных сословий. У нас половина населения зовется по прозвищам. Кажется это как-то связано с древней традицией сакральности истинного имени, но тут я не могу сказать наверняка.

— Ага.

— Так вот, среди хронистов, да и вообще в народе распространено мнение, будто мой прадед, Колош Собиратель, взял такое имя поскольку решил объединить княжества ладичей в единое государство. Версия хорошо вписывается в историческую логику, в идеологическую основу государства, удобно для пропаганды... но не соответствует истине. Прадед стал Собирателем задолго до той войны. И задолго до того, как идея войны вообще пришла в его голову.

— Вот как? Но почему тогда Собиратель?

— Видите ли, он вообще долгое время не помышлял о политике, а имя взял как учёный, потому что собирал рукописи и книги. Тогда их много попадалось, вывезенных из разорённых библиотек Империи или грабителями или солдатами, или самими библиотекарями. Но не только. Ходили и списки местных удельных хроник, и всякий другой подобный товар. И вот однажды прадед наткнулся на пророчество. Но сразу не поверил ему. Он был, повторюсь, учёным и привык всё перепроверять. И он поехал в Михъяр, и там видимо узнал ещё что-то, что окончательно убедило его в серьёзности предсказания. И вот только тогда он отставил науку и взялся за меч, и началась та самая борьба за объединение.

Дамматрик даже про икру забыл и замер с открытым ртом. Тут было над чем подумать. Много вопросов, а ещё, пожалуй, и ключ к некоторым из них.

— А скажите, Государь, это собрание рукописей вашего прадеда, оно сохранилось? — осторожно поинтересовался Дамматрик.

Сташ с минуту смотрел на него, как бы взвешивая возможный ответ. И даже скорее не сам ответ, а уместность здесь и сейчас и с таким собеседником обсуждения темы, которую он может затронуть ответом. Затем он усмехнулся, а Дамматрик перевел дух.

— Вы, как я погляжу, желаете подчистить все тайны моей страны. Что это, простое любопытство?

— Мы можем оказать помощь в вашем деле, — осторожно сказал Дамматрик.

— Мы?

— Я и мои друзья. У нас что-то вроде товарищества.

— Религиозного?

— Нет. Я бы назвал его скорее учёным. Историческим, если угодно. Но не только историческим.

— Занятно. Какую же помощь могут оказать мне любители хроник и архивной пыли?

— Золото. И всё что можно приобрести на золото. Оружие, наёмники, боевые артефакты, хотя нужно ещё поискать желающих их продать.

— Для учёных неплохой набор... — Государь ещё раз усмехнулся.

— Вам не нужна помощь, — Дамматрик не спросил, он констатировал.

— Не то чтобы у нас совершенно отсутствовали проблемы, — после небольшой паузы сказал Государь. — Но поймите простую вещь — это миссия ладичей. Так предопределено Пророчеством, а значит богами, или в кого вы там верите. И я полагаю, даже настаиваю, не впутывать сюда другие народы или государства. Или пусть даже товарищества.

Он помолчал, продолжая взвешивание и, наконец, решился.

— Однако я бы не отказался от помощи в другом вопросе. И если вы мне поможете, я, пожалуй, удовлетворю ваше любопытство и открою перед вами хранилище.

— Я внимательно слушаю, Ваше Величество, — поклонился Дамматрик.

— Суть просьбы вот в чём...

Государь вдруг умолк, перебросив взгляд за спину гостя.

— Об этом немного позже, — поспешил сказать Сташ и буркнул под нос то, что не предназначалось ушам собеседника. — Она всегда появляется, как только речь заходит о ней.

Дамматрик обернулся и непроизвольно поднялся с кресла.

К столу подходила девушка. Выющиеся золотистые волосы падали на голубое под цвет огромных глаз платье. Широкий пояс обозначал тонкую талию, а тяжёлый кулон на груди, эту самую грудь и подчёркивал. Вокруг шеи был повязан платок.

Дамматрик давно научился воспринимать отстранённо всё то, что используют женщины для усиления красоты и сокрытия изъянов. Можно завить волосы, накрасить губы, подвести брови, а хороший портной создаст шедевр из любой фигуры. Но глаза подделать невозможно, а глаза девушки...

— Папа, ты прячешь от меня гостей, — сказала она без намёка на упрёк или раздражение.

— Извини, — Государь всё это время оставался сидеть. — Позволь представить. Искатель из Валикерста.

— Искатель?

— Моя дочь, принцесса Тайна, — закончил представление Сташ.

— Красивое имя, — произнёс Дамматрик.

— Обычно так говорят, имея в виду не одно только имя, — заметила принцесса, усаживаясь на свободный стул, который, как подумал только теперь Дамматрик, здесь и стоял с самого начала в виду подобной okazji. Он также опустился на место.

— Ты напрашиваешься на комплименты, — заметил Государь без одобрения, но и без осуждения. — Хочешь чего-нибудь выпить?

— Вина, — кивнула принцесса. — Так что вы ищете, Искатель?

"Тайну" — захотелось сказать Дамматрику. Это было порывом и его пришлось придушить. Флирт с принцессой тем более в присутствии грозного папочки показался ему чересчур смелой затеей.

— Я путешествую, Ваше Высочество, — сказал он.

— Вот как? Спасибо, папа, — она взяла кубок, но пить не спешила.

— Да. Можно сказать, я пересёк всю Киеру от крайнего юга до крайнего севера.

— И, разумеется, за время путешествия вы испытали разнообразные приключения?

Принцесса поднесла кубок к губам, но, так и не сделав глотка, отставила. Лишь облизала губы. Похоже, ей не особенно нравились спиртные напитки, пусть и самые лучшие, а вино она попросила, чтобы поставить себя на уровень собеседников, или чтобы позлить отца.

— Не особенно много, Ваше Высочество, — сказал Дамматрик. — Ведь пересекать пришлось главным образом цивилизованные страны, хотя и пережившие неприятные времена. Осколки бывшей империи. Жизнь вообще беспокойная штука, но чего-то опаснее разбойников или взимающих плату за проезд землевладельцев там уже не встретишь. Даже хищных зверей осталось всего ничего.

Он посмотрел на Государя, как бы спрашивая, стоит ли развлекать принцессу рассказами, не отнимает ли это драгоценное время Его Величества? Сташ чуть заметно пожал плечами и Дамматрик, истолковав жест, как разрешение, продолжил:

— Правда, в Золотом заливе мы с друзьями чуть не попал в лапы пиратов, а когда отбились от них, то остались на большом корабле посреди моря и без команды. В парусах мы разбирались плохо, и первый же шторм мог отправить нас на дно.

— Но вы что-то придумали? — догадалась принцесса.

— Ничего особенно хитрого. Мы просто выбросились на ближайший берег.

— Да, действительно. Всё просто.

— За исключением маленького нюанса, Ваше Высочество.

— Какого же?

— Берег, на котором мы очутились, был началом великой пустыни Терфе-Лива, где нет ни пресной воды, ни пищи, зато встречаются ядовитые змеи, скорпионы, хищники. А если этого мало, то там обитают кочевники, какие считают законной добычей всё, что дышит.

— Они людоеды?

— Можно и так сказать. Хотя, строго говоря, человечину они не едят. Они скармливают её своим кровожадным скакунам, ибо передвигаются на разновидностях большого варана.

— Ужас!

— Мы так и не встретились с ними. Зато нас накрыло огненным ветром. Так там называют песчаные бури. Не сказать что они чем-то лучше ваших залесских снежных буранов. Погибать от стужи или от пекла одинаково неприятно. Но буря ладно. Укрываясь от неё, мы оказались в древнем некрополе.

— В некрополе?

— Это огромное кладбище. Город мёртвых.

Тут даже Государь, до того воспринимавший рассказ, как прихоть дочери, заинтересовался.

— Откуда там некрополь, Искатель, если в пустыне живут только кочевники?

— Ваше величество умеет смотреть в корень! — признал Дамматрик. — Этот некрополь относится ко временам, когда никакой пустыни там не было.

— Неужели пустыни появляются и исчезают? — удивился Сташ. — Я полагал, что созданное богами неизменно. Ведь их замысел близок к идеалу.

— Возможно тут поработали не только боги. Мне доводилось проезжать через земли, на которых согласно старым картам должны расти дремучие леса, а я видел лишь поля и деревни.

— Но разве люди способны превратить землю в пустыню?

— Возможно то были совсем не люди, а демоны или герои древности, о которых много сохранилось легенд в городах Южного Берега...

Они проговорили ещё час или два. Затем пришел слуга и прошептал что-то на ухо правителю. Тот развел руками, давая понять гостю, что аудиенция закончена. Все встали, принцесса сняла с шеи платок, и Дамматрик почувствовал, что краснеет, как будто увидел обнаженным много больше чем красивую шею.

— Возьмите на память о нашей встрече, — протянув невесомый кусок ткани, сказала она.

— Тайна! — нахмурился отец. — Дарить предметы туалета мужчинам принцессе не подобает.

— Брось папа, я так редко встречаю интересных людей. А что мне ещё им дарить? Я бы наградила Искателя каким-нибудь орденом, но это твоя прерогатива. Да и по статусу, насколько я помню, бантами не награждают чужестранцев, если они не на нашей службе или не принадлежат к монаршим фамилиям. Вы ведь не из высшей знати?

— Увы, Ваше высочество, но я буду носить платок как орден, — заверил Дамматрик с поклоном.

— Поскольку я спешу, господин Искатель, а у нас с вами осталось ещё одно небольшое дело, мы поговорим по дороге, — сказал ему Государь.

Глава 23. Ильметра. Дорога на Такримур

По Западному Авару, в отличие от Восточного женщины редко путешествовали без сопровождения мужчин. Тем более, молодые, красивые и богато одетые девушки. И под мужчинами, следовало понимать именно мужчин — мужей, покровителей, братьев или отцов, в крайнем случае, дюжину телохранителей, но никак не слугу или случайного попутчика. Тем более не мог по местным понятиям сойти за мужчину безусый юнец.

— Ты, — палец бычка уткнулся в Тейша. — Пойди, на дворе погуляй.

Юнга не двинулся с места, продолжая уплетать яичницу с салом. Ильметра, скрывая улыбку, сделала глоток вина. Вина кислого, как лицо невесты, выходящей замуж по настоянию отца; вина дешёвого, какое только и подавали во всяком трактире на этой дороге, независимо от богатства вывески и заверений хозяина. Такое единодушие не являлось, впрочем, следствием сговора жадных владельцев. Просто на крайнем западе Киеры всем прочим напиткам предпочитали пиво. Вот его-то и варили с душой. А вино закупали что подешевле, следуя больше традиции и давно канувшим в небытие имперским постановлениям, чем желанию угодить постояльцам.

— Не понял! — судя по озадаченной интонации, реплику громила адресовал скорее самому себе, нежели мальчику.

Здоровенный парень подсел к столику, за которым они ужинали, минуту назад. Почти всю минуту он просидел молча, буравя Ильметру взглядом. Видимо таким образом бугай пытался воздействовать на девушку психологически. Подготовить, так сказать, к следующему акту. Но все его усилия пропали даром. Даже не будь Ильметра тем, кем она являлась, вид громилы её скорее рассмешил, чем напугал. Он выглядел как малограмотный селянин, хотя если и был когда-то простым деревенским пареньком, то быть давно перестал. Его аура утратила чистоту пасторали, а тусклые пятна были свидетельством нравственного падения. Власть портит слабую душу, даже если власть эта в данный момент распространяется только на проезжего мальчишку и его с виду беззащитную спутницу.

— Он плохо знает западный диалект, — сказала Ильми. — А главное, выполняет только мои распоряжения.

— Как скажешь, госпожа, — неожиданно покладисто согласился бычок. — Пусть слушает.

Он пожал плечами и ещё минуту собирал в голове из слов следующую фразу.

— Господин Рогкобри предлагает тебе своё покровительство, госпожа.

Тейш криво усмехнулся, видимо припомнив предыдущего охотника до прекрасного тела его госпожи. Строго говоря, тогда Ильметра его госпожой ещё не являлась, а в хозяевах числился как раз тот самый охотник до наслаждений, что попытал удачи — шкипер наёмного судна, решивший вдруг изменить честной профессии.

Кривой усмешкой Тейш ещё и давал понять, что вполне владеет западным диалектом, а будь на месте деревенского олуха кто-нибудь поумней, он сделал бы вывод, что тем самым мальчишка показывает и отсутствие всякого страха. Сделал бы вывод и непременно задумался бы о причинах бесстрашия.

— Я не нуждаюсь в покровительстве, — спокойно ответила Ильметра. — Тем более в одном переходе от цели моего путешествия.

— В этом-то переходе вся суть, госпожа, — ухмыльнулся бычок.

Оказывается, он мог соображать быстро, а говорить складно.

— В ваших холмах что, завелись драконы? Быть может людоеды?

То что она назвала горы холмами задело его не больше чем ухмылка мальчишки.

— Почему обязательно драконы или людоеды? — спокойно возразил он. — Есть и простые разбойники.

— Одно имя ты уже назвал. Правда, не уверена, что сумею произнести его без ошибки. Рого... Робро...?

— Рогкобри, — напомнил бычок, проигнорировав иронию или не поняв её. — Ударение на второй слог.

— Допустим. Передай ему, что раз он не может предьявить дракона, то и я обойдусь без покровителя.

Отправляясь в путешествие, Ильметра подозревала, чем это ей грозит. Не то чтобы она нарочно попирала нравственные устои, бросая вызов общественному мнению Западного Авара или нарываясь на неприятности. Просто кроме Тейша никого путного (в первоначальном значении этого слова) под рукой не оказалось. Друзья и помощники частью остались в Валикерсте, частью разбежались по окрестным землям, вынюхивая следы конца света. В принципе она могла взять кого-то из вновь завербованных Оборном людей, но с малознакомыми провожатыми отправляться в дальний путь не рискнула, да и не захотела, а юнга сам напросился — оставаться среди дядечек, которые некогда собирались его пришить, он до сих пор побаивался.

Впрочем, один человек, которого следовало бы отнести к настоящим мужчинам, Ильметру всё же сопровождал. Вот только не целиком. И сопровождал — пожалуй, громко сказано. Он не ехал на лошади или в повозке, а путешествовал в шляпной коробке.

Как раз её, стоящую на соседнем стуле, Ильметра теперь подцепила рукой, вставая с намерением окончить не слишком интересный разговор.

— Пошли, — бросила она Тейшу.

Юнга махом выдул остатки пива, вытер рукавом губу и, схватив свечу, поспешил за госпожой. Бычок остался за столиком в одиночестве, не сделав даже попытки помешать ей.

Поднявшись наверх Ильметра прежде всего осмотрела комнату, на которую во время заселения едва взглянула. Комната имела крепкую дверь с массивными петлями и засовом, широкое окно, разделённое надвое толстой перекладиной. Перекладина при острой необходимости, например, в случае пожара, легко изымалась, но освободить её от хитрого замка получилось бы лишь изнутри. Воспользоваться той же дорогой в обратном направлении, скажем, с целью обчистить комнату или багаж постояльцев, было невозможно. В общем, хозяин побеспокоился о безопасности постояльцев, и ничего добавлять Ильметре не требовалось. На самом деле даже охранные чары, чуть ли не самые простые из всех, ей давались с трудом. Её магия почти всегда пробуждалась сама собой и формализации не требовала, а охранные чары пробуждаться не желали, если Ильметра не ощущала прямой угрозы вроде воя ночного оборотня или чего-то такого. Сейчас же интуиция подсказывала, что ночью за ней и так не придут. И вообще в трактире не тронут. При всём беззаконии, царящем в брошенном владыками герцогстве Грифа, разбойники скорее всего выберут для злодеяния тихое место, к примеру, в миле-другой за трактиром, где к дороге подступают заповедные рощи.

Ильметру поражало различие в судьбе этих мест с её родными. Казалось бы и там и здесь полоска земли, прижатая к морю горными хребтами. Условия схожие. Но Альпорт вроде бы и не заметил распада империи. Он как и раньше развивался за счет моря, торговли. Пусть некоторые связи прервались, зато нашлись другие. Здесь же все пришло в страшный упадок. Даже единственная сухопутная дорога, что связывала крупнейший порт с Центральной Киерой оказалась запущенной. Когда-то по ней без перерыва шли торговые поезда, дилижансы, имперская почта и знаменитые "рыбные экспрессы", доставляющие в столицу морепродукты в огромных бочках с морской водой. Ради них на каждом переходе были устроены бассейны, куда закачивалась морская вода, чтобы обитатели моря могли отдохнуть, пока в бочках меняют воду.

Ничего этого больше не осталось, лишь превосходную мостовую так и не смогли убить редкие повозки селян и торговцев. С другой стороны, как утверждали местные жители, сам порт Такримур вовсе не захирел, торговля там продолжалась, но моряки, рыбаки и купцы предпочитали переваливать грузы на мелкие суда и развозить товар морем, вдоль берега, и дальше реками, а не рисковать на пустой дороге.

Тейш уже застелил кровать госпожи и теперь, достав из сумки собственное одеяло, глазами подыскивал место, куда бы упасть самому. По грязному полу, где и полагалось спать правильным слугам, гуляли сквозняки. И если сейчас это был теплый ветерок, то ночью, когда бриз тянет от гор к морю, он мог запросто стать ледяным.

— Оставь, — сказала Ильметра, забираясь под одеяло. — Ляжешь со мной. Иначе завтра придётся лечить тебя от простуды, а у нас, как мне кажется, на это не будет времени.

Мальчишка покорно забрался под одеяло, прижался спиной к хозяйке и быстро уснул. И хотя ладонь Тейша среди ночи принялась искать её грудь, а найдя стала поглаживать, это было скорее отголоском младенчества, чем прорастанием мужчины. А она почти не отреагировала на ласку. Чтобы там себе не вообразил милый Дамми, её помыслы, не дающие быстро заснуть, касались сейчас только мести.

Это было странно. Жажда мести пришла не сразу после гибели отца, а только когда появился Вайхель. И дело

было не в банальном сравнении с вином, мол, чем больше выдержка, тем выше наслаждение. Сама её сила, разбуженная Вайхелем, требовала мести. Хотя и не в качестве платы. Скорее это проснулась её сокровенная суть.

Несмотря на то, что Вайхель выполнил первоначальное условие (залог чего путешествовал в шляпной коробке), жажда мести не утолилась. Это могло означать что угодно, в том числе и то, что месть не свершилась полностью. И нечто, ожившее внутри неё, это понимало и требовало большей крови.

Это разбуженное нечто на границе яви и сна иногда вбрасывала в сознание предчувствия, смутные предостережения, послания. Возникло послание и теперь, да такое яркое, детальное, конкретное, какого Ильметра ранее не получала.

Ей привиделось, как они с Тейшем едут по дороге и как разбойники стреляют из подлеска, прикрываясь густыми зарослями кустов. Разбойники почему-то не пытаются заступить им дорогу, потребовать выкуп, просто наброситься, а просто стреляют на поражение. Ценности легче снимать с трупа, не правда ли?

Лошадку под Тейшем убивают первой.левой рукой Ильметра дёргает на себя мальчишку, убирая его с тропы смерти, а правую ногу высвобождает из стремени, чтобы не оказаться придавленной убитой лошадью. В этот момент шелестит вторая волна стрел. Её лошадь валится, а сама Ильметра падает на спину, увлекая за собой юнгу. Оставив его лежать, она поднимается, затем приседает на корточки и из такого неудобного положения бросает в заросли гроздья ножей. Бросает, повинувшись инстинкту, почти без размаха. Затем вскакивает на ноги, достаёт меч (откуда у неё меч?) и врывается в кусты. Двое разбойников лежат убитыми. Один ранен. В раненом она узнаёт давешнего бычка. Несколько лучников убегают в сторону гор. Ещё человек пять или шесть бросаются на неё с пиками, клинками, топорами. Она убивает их одного за другим. Расчетливо, по одному-два удара на каждого. Кровь хлещет из отрубленных конечностей, рассеченных шей, пачкает одежду, руки, попадает на лицо. Вместе с чужой кровью её обволакивают тёмные отражения разбойничьих аур. Не все из них темные, словно ночь, некоторые лишь слегка покрытые дымкой. Но гнев получает новый источник силы. Он наполняет её, как крепкое вино и пускает по жилам огонь. Ильметра оглядывает поле боя и приканчивает раненого бычка.

Жестокость. Откуда в ней столько жестокости? Она поймала себя на мысли, что могла бы легко избежать стычки, но будто сама желает её. Она могла выбрать другой трактир, здесь на подходе к городу они стояли плотно, могла пустить в ход колдовство и отвести бандитам глаза. Могла, наконец, просто разбить пару носов и тем ограничить урок. Но с самого начала, едва почувствовав в трактире западню, она нарочно обостряла ситуацию. Зачем? Ей хотелось пролить кровь? Неважно чью? Ну, то есть, конечно, разбойники они разбойники и есть, к добропорядочным гражданам не относятся. Но её ли это дело?

А с другой стороны, почему нет? Шерифов, какие тут имелись раньше в каждой деревне, давно перебили, дружина герцога разбрелась по мелким дворам, кто-то из них и в разбойники, возможно, пошёл. Деревенские тоже не спешили брать вилы в руки. Некому ублюдков на место поставить, укорот дать. Так почему бы не ей?

В Альпорте горожанин обходился по утрам чашечкой кофе, яйцами всмятку с хлебными палочками или малюсенькой булочкой и каким-нибудь сочным фруктом. Во время путешествий, когда требовалось запастись силами, к трапезе добавляли рыбу. В Западной Киере, особенно в сельской местности, предпочитали завтракать плотно, набивая брюхо жирной пищей и пивом. Словно не знали, придется ли обедать и ужинать. Ни фруктов, ни ягод к столу не подавали, а сваренные в воде яйца считали блажью господ столь высоких по положению, что обязательно должны возить с собой личного повара, которому только и позволено готовить изысканную пищу.

В трактирах же яйца жарили с крупно порезанным горьким луком и салом на огромных сковородах.

Тейш не стал отказываться от местного рациона, а Ильметра заказала к чашечке кофе с мёдом лишь пару крабовых клешней. Её заказ выполнили быстро — кофе здесь варили в общем котле, на всех посетителей сразу, а краба, похоже, принесли вчерашнего, даже не разогрев. Зато Ильметра успела спокойно поесть, прежде чем сразу вслед за яичницей с салом и пивом для юнги, возле стола появился давешний бычок.

— Не передумала, госпожа? — спросил он, не порываясь на этот раз присесть.

Разбойник судя по всему уже настроился на хороший денёк. Даже вроде бы стоя спокойно на месте, он находился в постоянном движении. И не только едва заметно переступая с ноги на ногу. Он излучал энергию, рвался куда-то каждой частичкой тела, поигрывал мускулами, а его лицо меняло выражения так часто, как у комедианта, когда тот тренируется перед зеркалом. Даже одежда будто жаждала плотнеть дорожной пыли или грязи — смотря по погоде — и подцепить пару репьев, пока владелец будет ёрзать в засаде.

— Тебя как звать, парень? — спросила Ильметра, выковыривая из клешни остатки мяса палочкой с зазубриной, что заменяла здесь специальную вилочку более приличных заведений.

— Кестри, — тот едва заметно пожал плечами.

— Слушай, Кестри, позови-ка лучше хозяина, — она отложила остатки краба, медленно вытерла руки и уголки губ куском ткани, что здесь заменял салфетку. — Хочу сказать ему пару слов.

— Какого хозяина ты имеешь в виду? — казалось, бычок растерялся.

— Ну не трактирщика же! — фыркнула Ильметра. — Твоего хозяина позови. Рогкообри. Буду говорить с ним.

Кестри, подумав, кивнул, развернулся и вышел из зала. Ильметра отметила, что он вышел во двор через дверь, ведущую к конюшне. Вряд ли предводитель ночевал с лошадьми, а, значит, шайка действительно приготовилась выступить, и бычка послали просто убедиться в наличии клиента или, например, в том, что клиент не медлит со сборами.

Скоро в обеденный зал вошёл молодой человек в шляпе. Довольно красивый и богато одетый. Его движения выдавали аристократа, или человека долгое время проведенного в высшем обществе.

— Рогкообри, — представился он, присаживаясь.

Шляпу, однако, не снял.

С минуту они молча изучали друг друга. Ильметра еще не умела читать такие сложные ауры, а поэтому попыталась угадать характер оппонента по внешнему виду. Аристократизм его не был напускным, слишком много мелочей, которые даже хороший актер не продумывает. Он запросто мог быть своим среди сенаторов Альпорта. Но больше ничего за минуту она прочесть не смогла. Насколько он вероломен? Порядочен? Честен? В рамках своего промысла, разумеется. Насколько умён? Красивое лицо как бы затмевало все остальные черты характера. А разбойник, видимо уже составив представление о жертве, вытащил из кармана коробку, похожую на пенал для карандашей и вещьцу похожую на точилку всё для тех же карандашей. Из коробки он достал длинную и тонкую сигару, а "точилкой" воспользовался, чтобы её обрезать. Придвинув массивный подсвечник, прикурил от свечи. Но говорить первым не стал.

— Я тебе не по зубам, красавчик, — сказала Ильметра, сделав плоток кофе. — Так что вот тебе моё предложение: давай разойдёмся мирно. Так сказать, каждый своей дорогой.

— Докажи, — он выпустил в потолок струйку дыма. — Докажи, что не по зубам.

— И какое доказательство сможет тебя убедить? — удивилась Ильметра.

— Твоя гипотеза, тебе и изыскивать доказательства.

Вот ещё грамотей из леса, прах его побери! Двинуть бы ему под кадык и всё доказательство. Но под кадык, наверное, не выйдет. Уверен в себе мерзавец, наверняка кое-чему да обучен. Ну, раз хочет поиграть в умника, пусть.

— Видишь ли, красавчик, природу иных вещей можно подтвердить, только растерев их в пыль, — сказала Ильметра и показала на его лицо ложечкой для мёда. — Попортить эту вот красоту и всё остальное. Так что подумай еще раз. Ведь если я начну доказывать, от твоей шайки мало чего останется.

— Слова, — произнёс он, пожав плечами.

— Слова — оружие слабых, не так ли? — ухмыльнулась Ильметра.

— Где-то так, — согласился разбойник.

Разговор получался глупым, ненужным, несмотря на звучащую заумь, а драться Ильметре отчего-то совсем не хотелось. Вроде как силу растрчивать на пустяки.

— Что за имя, Рогкообри? — спросила она. — Здесь, как я помню, такие не встречаются.

— Верно. Не здесь я родился. И имя получил не здесь.

— Герцогство Розы? — предположила Ильметра. — Это там, что не имя, то шип. Только горло царапать.

— Соображаешь.

— Если бы ты довольствовался только деньгами, я заплатила бы, — задумчиво сказала Ильметра. — Мне не жалко денег. Но ведь ты хочешь большего?

— И теперь даже больше чем прежде, — согласился разбойник.

— Зачем? Тебе мало здешних девок?

Он ухмыльнулся, пустив дым уже в её направлении. Вышло не особенно учтиво. Похоже, смещение акцентов в разговоре разбойник принял за слабость. Взгляд его остановился на слегка ослабленной шнуровки её блузки. Что он там рассмотрел?

— На этот пирожок рот не разевай, — сказала Ильметра, поправив блузку. — Продолжай забавляться в конюшне со своим Кестри и все останутся целы.

Предводитель поморщился.

— Что не Кестри? Может вы вместе с ним развлекаете лошадей? Знаешь, я не спешу, — как бы подтверждая, что действительно не спешит, Ильметра откинулась на спинку стула. — Могу задержаться здесь на неделю, пока не договоримся, или пока не прибудет какой-нибудь караван с хорошей охраной. Им, возможно, хватит и одних только денег.

Аккуратно положив сигару на коробочку, так что она продолжала свободно тлеть, Рогкообри изящно щёлкнул тонкими пальцами, привлекая внимание подручных, а потом изобразил несколько знаков. Всё это время он оставался сидеть спиной к залу. Но шайка все знаки срисовала уверенно. Ильметра вздохнула, заметив, как Кестри кивнул, словно хозяин мог его видеть, и скрылся за входной дверью.

Ну что ж. Убеждения не действуют. Видимо всё же придётся немного пошуметь. На мысль Ильметры сразу откликнулись потаённые силы, потребовав устроить здесь и сейчас кровавую мясорубку. Она с трудом подавила вскипающий в крови гнев. В конце концов, разбойник не имел отношения к её мести.

Между тем обеденный зал почти полностью опустел. Даже хозяин и служанка куда-то пропали. Теперь кроме них здесь находилось только несколько подручных Рогкобри, неуклюже изображающих селян, и Кестри, который вернулся с мотком верёвки. Иного оружия план разбойников, похоже, не предусматривал. Напрасно.

Она улыбнулась возникшей идее.

— Хочу тебя предупредить, что я нахожусь под защитой Лейсона из Альпорта! Слышал о таком?

— Нет. Ни про Альпорт не слышал, ни про Лейсона, — Рогкобри пожал плечами. — Но пусть он тебя защитит, если сможет.

— Он сможет.

— Его даже нет здесь, — фыркнул разбойник.

— Но он здесь.

Предводитель шайки поморщился, будто от зубной боли. Раздавил остаток сигары об основание подсвечника. Пустой разговор определённо его утомил, а последняя уловка жертвы выглядела и вовсе наивной. Он уже начал вставать, поднял руку, чтобы подать знак подручным, готовым скрутить девчонку. И тогда Ильметра резко взмахнула рукой.

Нож, оставляя за собой светящийся след, вошёл в плечо Кестри, заставив того выронить верёвку и заорать скорее от страха, нежели от боли. На самом деле свечение Ильметры добавила ради показухи, она не умела творить смертоносные заклинания, вроде тех, что испепеляют человека на месте, но и такой простенький фокус выглядел со стороны, вполне зловеще. Со стороны могло показаться, что она метнула огненное копьё.

— Сидеть! — кончик ещё одного ножа смотрел на Рогкобри.

Предводитель шайки опустил на место. Стоило отдать ему должное, Рогкобри лишь слегка побледнел, а в остальном сохранял невозмутимость. Неважно. Ильметра сделала шаг назад, нащупав свободной рукой шляпную коробку, лежащую на соседнем стуле.

— Ну, давай, Лейсон, отработывай, — буркнула она, скидывая крышку. — Ты же мужик, прах тебя побери, и не зря же я таскала тебя через половину мира.

Медленно, подчёркивая значимость происходящего, она подняла голову за волосы, а потом резко выставила её вперёд.

— Истину реку вам! — замогильным, но отчётливым, слышным в каждом уголке зала, голосом заговорил Лейсон. — Одумайтесь покуда не поздно. Не переступайте черту заветную, жизнь от смерти отделяющую. Отступитесь от девы или головы ваши пополнят её коллекцию...

Для пущей убедительности он вытаращил глаза. Даже Тейша картина впечатлила. Он перестал жевать. А разбойники просто остолбенели.

— Ведьма! — выкрикнул кто-то из членов шайки.

Некоторые из них, подстёгнутые криком, бросились к дверям, другие застыли на месте. Рогкобри побледнел ещё сильнее. На западе с колдовством сталкивались редко. Тем более с колдовством, что оживляет мёртвую плоть. Про восставших покойников здесь даже сказок не сочиняли, как утверждал Ривси, прошерстив местный фольклор. Герцогство жило морем, и умерших хоронили в море, даже если для этого приходилось доставлять их по несколько дней из внутренних областей. Ни единого погоста во всём герцогстве на картах не значилось. Хотя, куда скажем девают трупы разбойники? Неужели отволакивают к морю?

— Вы все! — Ильметра обратилась к тем разбойникам, что ещё остались в зале. — На выход!

Она вернулась на место.

— Ну а теперь, если не возражаешь, поговорим.

Рогкобри кивнул.

— Ты доел, малыш? — спросила Ильметра у юнги.

— Я бы так не сказал, госпожа, — ответил смущенный Тейш. — Но аппетит пропал точно.

— Вот и славно. Нечего набивать по утрам брюхо жирной дрянью. Сходи, собери вещи и спускайся обратно. Если тебя попытаются остановить... — она испытующе посмотрела на Рогкобри. — Я почувствую. Ничего не бойся.

— Да госпожа.

— Иди.

Тейш ушёл. Рогкобри ждал.

— Ты по-прежнему мечтаешь затащить меня в... — она хотела сказать "в постель", но подумала, что посреди лесов и овражков вряд ли таковая имеется. В кусты? Звучит как-то пошловато. Наверное, всё же красавчик имеет какое-то логово, а в нем что-нибудь пристойное. Шкуру там медвежьей, или добытый на большой дороге хелтский

ковёр...

— Нет, — разбойник избавил её от поиска нужного слова. — Эта мысль покинула меня вместе с аппетитом твоего мальчишки.

— Я так и подумала. Что ж, одной проблемой меньше. Но ведь есть и другие?

Он пожал плечами, мол, взяла в руки колоду, так сама и сдавай. Ильметра задумалась.

— Поступим мы следующим образом. Поедешь со мной. Лошадь у тебя есть, полагаю, вот её и возмёшь. Оружие оставишь здесь. Будешь всё время рядом, а если волчата попытаются тебя отбить, твоя голова слетит первой. Повезёт засолю её, и будет у меня еще одна про запас.

— Они не попытаются, — сказал Рогкобри.

— Ну, тем лучше для них. Проводишь меня до ворот Такримура, там и распрощаемся.

Довольно долго они ехали молча. Породистая лошадка разбойника заметно тяготилась обществом товарки явно крестьянских кровей, купленной Ильметрой наспех перед отъездом вкупе с двумя такими же скотинками. Рогкобри то и дело удерживал животное от попыток втихую прибавить шагу или напротив отстать.

Тейш в седле, ведя в поводу ещё одну лошадку с поклажей, держался позади. Путешествие проходило спокойно. С погодой им повезло. Дорога выглядела прилично. Шайка следила за ними издали, но попыток отбить жоака не делала.

На полпути подневольный попугачик достал сигару и прикурил от весьма редкой и дорогой зажигалки, вроде тех, что делают на заказ алхимики и механики для монархов и богачей.

— Кто ты? — спросил он, выпуская дым.

Ильметра на всякий случай огляделась по сторонам — не стала ли сигара знаком к атаке.

— Этот вопрос следовало задавать вчера, — не без ехидства заметила она. — Прежде чем присылать бычка и навязывать услуги.

— И всё же.

— Моё имя ничего не скажет тебе. А моё дело способно напугать больше, чем то маленькое приключение за завтраком.

— Имя сгодилось бы для общения, — рассудил Рогкобри. — А о деле догадаться не трудно.

— Вот как?

— В этих краях боевая магия редко нарушает покой обывателя. А напугать моряков чем-то ещё непросто. Семь лет назад в Такримуре произошла серьезная заварушка. Я так думаю, она-то тебя и интересует.

— Верно, — кивнула она. — Зовут меня Ильметра.

— Очень приятно, Ильметра.

— Не думаю что уж очень, — возразила она. — Да, тот случай действительно интересует меня. Не он один, но и он тоже. Ты сможешь рассказать какие-нибудь подробности?

— Вряд ли. Лучше расспроси рыбаков. Они могли что-то видеть.

— Расспрошу. Но мнение рыбака и мнение человека, вроде тебя — это два разных мнения.

— Я не свидетель, — Рогкобри усмехнулся. — Промышлял тогда на стороне.

— Однако я не поверю, что ты пропустил мимо ушей столь шумное событие. Наверняка ведь попытался что-нибудь выяснить?

— Да уж, не без этого.

— Вот и расскажи. Заодно дорогу скоротаем.

Он подумал.

— Нечего особенно рассказывать. В городе произошла серьёзная стычка. Настоящая резня. При том использовалась магия. Какая именно, сказать не могу, мы здесь народ темный и в этом не смыслим. Но наших, в смысле местных жителей, заварушка затронула мало. Только городскую стражу потрепали, что попыталась вмешаться уже в самом конце. С обеих сторон дрались чужаки. Матросы и пассажиры с двух кораблей. Колдуны. После боя и те и другие ушли, забрав и трупы и раненых. А корабли, поговаривают, потонули. Оба. Отсюда и скудость сведений.

Если уж говорить (или думать) начистоту, давешняя бойня интересовала Ильметру постольку поскольку. Послужила хорошим поводом отправиться в Такримур. Поводом, какой удовлетворил друзей, ищущих следы конца света, а заодно прикрыл истинную причину её поездки. А истинной причиной являлось сугубо личное дело. Несмотря на трофей в шляпной коробке, капитан Ники Торадо, её отец, оставался не отомщённым. По мере выяснения подробностей, Лейсон если и оказался причастен к гибели отца, то только косвенно, за что он уже расплатился сполна. Может быть, стоило даже оставить ему и кое-чего ещё кроме головы. Сия шаловливая мыслишка почти заставила Ильметру улыбнуться.

Итак, друзья и коллеги капитана успокоились, но дочь его горела мщением. И мщение это подогревалось

какой-то своенравной сущностью, возникшей в девушке вместе с колдовскими навыками. А единственная зацепка вела в Такримур.

Когда Вайхель допрашивал бандитского главаря, то не обратил внимания на упомянутый между делом груз. Нанимателя интересовала сила, что стояла за Лейсоном, в ней он почувствовал угрозу своему странному делу. Но Ильметра хотела выяснить имя настоящего виновника. И потому, когда Вайхель уже отступил, вытянула из головы все подробности злополучного рейса и его груза, заказанного неуловимой Сейлой.

Груз и правда был необычным. Очень крупным. Шеститонный ящик, сбитый из крепких даже не досок, а брусьев. А что находилось внутри, не знал и сам Лейсон. "Капитан Торадо", — сказала голова Лейсона. — "Забирал этот груз вместе с обычной контрабандой и тем, что её маскировало, в безымянной пиратской гавани на Четырёхгорном острове. Забирал у человека по имени Продж. О нём мне ничего неизвестно, кроме того, что он родом из Такримура".

Тогда название города Ильметре ничего не сказало. Один из далёких портов упоминаемых в рассказах отца, где сам капитан не бывал, но встречался иногда с тамошними судами. Однако, прибыв в Валикерст, где их компания решила свить гнездышко, Ильметра вдруг обнаружила, что этот самый Такримур находится не так уж и далеко от их нового пристанища. Каких-то четыреста-пятьсот миль по вполне торной дороге. В сравнении с тем, что осталось у них за спиной — сушая безделица. По прямой так и вообще рядом, впрочем, тогда пришлось бы переходить через горный хребет.

Ей, конечно, захотелось побывать в порту и разыскать этого Проджа. Хотя бы расспросить о грузе и об отце, найти зацепку к разгадке его гибели. Но друзья-страховщики уже вовсю впряглись в новое дело. Обзаводились крышей, вербовали людей, собирали и анализировали массу документов. Строго говоря, Ильметре следовало присоединиться к ним, ведь она голосовала за контракт. Но все попытки заняться чем-то полезным терпели неудачу. Она всё время думала об отце, ощущала недомощие. И вдруг товарищи, просеивая информацию о магических происшествиях, наткнулись на слух о крупном столкновении в Такримуре с использованием боевой магии.

Это был знак судьбы. Ильметра вцепилась в новую тему как клещ. Подняла документы, расспросила редких выходцев с Дальнего Запада и, наконец, отправилась в путь. Нет, она не намеревалась обманывать товарищей, подменяя общее дело личным. Она собиралась выведать о заварушке всё, что только сможет, но заодно найдёт и этого самого Проджа.

— Продж, — произнесла Ильметра. — Тебе знакомо такое имя?

Рогкобри выбросил сигару, докурив её до половины. То ли он так поступал всегда, то ли дым начал скапливаться под шляпой и есть глаза.

— Я слышал о нескольких Проджах, — ответил разбойник равнодушно, но как-то ехидно улыбнулся при этом. — Какого ты имеешь в виду?

— Тот, кого я ищу, возможно как-то связан с контрабандистами.

— Но сударыня, — еще шире улыбнулся Рогкобри. — В Такримуре все как-то связаны с контрабандистами. Это же порт, крупнейший на всём чёртовом западе. Даже тот, кто хорошо зарабатывает на сельди, не брезгует иной раз сделать ходку-другую на острова, а потом перебросить товар в мелкие порты Киеры.

— Как может целый город жить за счёт наркотиков? — удивилась Ильметра.

— Наркотиков? Нет. У вас, южан, странное представление о контрабанде. Основу нелегальной торговли Такримура составляют бумажные ткани. Их ввоз обложен такой дикой пощиной в нашем герцогстве, как и во многих других странах, что впору говорить о полном запрете импорта. А всё потому, что бумажные ткани с рабовладельческих плантаций выходят сильно дешевле местных льняных. Ну, ещё дают хорошую прибыль сахар, ром, табак, если опять же ввозить всё это в обход пощины. В общем, есть на чём заработать бедному рыбаку.

— Но ты не похож на рыбака. Выбрал иной заработок?

— Точно. Не люблю моря. Там чувствуешь себя в руках судьбы, а я напротив предпочитаю держать судьбу в руках.

— До поры до времени, пока не повстречаешь ещё большего любителя играть с судьбой, — Ильметра задумалась. — Слушай, Рогкобри, а ты не хотел бы некоторое время поработать на меня? Могу пообещать, что обойдётся без выходов в море.

— Нет, — он ответил сразу, словно давно ожидал вопроса.

— Я хорошо заплачу.

— Оставь, — разбойник скривился. — Одно дело спасовать перед магией, и совсем другое пойти в услужение ведьме по собственной воле. Я бы возможно и рискнул, любопытства ради. Но парни не поймут. Разбегутся.

— Они так тебе дороги?

— Других-то у меня нет.

Он подумал и посоветовал.

— В городе есть один человек. Зовут его Льец. Он торгует чужими секретами. Человек опасный, коварный, но ты, полагаю, справишься.

Глава 24. Рыбный порт

Полуостров, на котором расположился Такримур, делил обширный залив на две гавани. Малая гавань называлась Коммерческой и давно уже отошла под власть торговых картелей, а большая так и называлась Большой — там за уплату небольшой пошлины мог вставать всякий желающий, если конечно его не смущал вид плавающих потрохов и запах гнилой плоти.

Город пропах рыбой насквозь. Пропах пряной сельдью, известной во всей Киере, пропах копченой треской, вяленой скумбрией, поджаренным в масле анчоусом и всеми видами свежей рыбы. Но больше всего город пропах рыбой гнилой. Рыбачьи деревушки окружили Большую гавань, точно стая гиен разлагающуюся тушу. Шхуны и шаланды с трюмами полными серебристой шевелящейся массы возвращались с Пенной банки или с других отмелей, подходили то к одной, то к другой из деревушек и отрывивали добычу. Улов потрошили прямо на берегу, работая семейными артелями на больших разделочных столах. Годная часть шла в бочки, в коптильни, на решетку жаровен, а отходы смывали обратно в море. Чайки собирались на пиршество со всего побережья, но даже их плотные тучи не могли очистить гавань от всех остатков и те бултыхались, мешаясь с грязной пеной, отходами жизнедеятельности горожан, оседали на дне, покрывали слизью и чешуйками камни, косы, причалы. Зловоние отступало, когда ветер задувал с востока или с севера, делалось крепче при западном ветре и становилось невыносимым, когда тот менялся на южный. Невыносимым он правда был только для чужаков, сами обитатели порта давно перестали различать запахи.

Постоялый двор "На холме" пользовался у гостей Такримура популярностью именно в силу расположения. До носов постояльцев доносилось лишь слабое отражение привычной городской атмосферы.

Во всём остальном заведение оставляло желать лучшего. В комнатах было холодно, всюду гуляли сквозняки, а еда в основном состояла из той же рыбы, разве что не гнилой. Неспроста большинство приезжих расценивало постоялый двор "На холме" как временное пристанище, на период, так сказать, адаптации, а, попривыкнув к запаху, перебиралось вниз, подыскав апартаменты получше. Отдельные неженки — приказчики или закупщики так и не спускались с холма за всё время визита, предпочитая вызывать контрагентов наверх. Местные на таких нерадивых сотрудиниках хорошо зарабатывали, подсовывая не самый лучший товар.

Ильметра к неженкам не относилась, но задержалась наверху дольше обычного. Гостиница имела ещё два преимущества, ценимых далеко не всеми постояльцами — отсюда хорошо просматривался город, а также все подходы к холму, но при этом сохранялась возможность незаметно покинуть постоялый двор и даже скрыться из города через пролом в стене. Встреча с шайкой Рогкобри в который раз напомнила Ильметре об осторожности.

Прежде чем обращаться к всеведающему Льецу, она намеревалась составить собственное мнение о событиях. Торговцу секретами ведь не закажешь полный отчёт о случившейся семь лет назад резне, он обязательно упустит детали, не зная, что именно её интересует. Вот запросы сперва и следовало сформулировать. Ведь чтобы получить ясные ответы, нужно поставить конкретные вопросы. Это аксиома. И нет причин её игнорировать. Тем более что время не поджимает.

А вот с Проджами выходила немного другая история. Ильметра, конечно, могла заняться поисками самостоятельно, но, будучи здесь чужой, потратила бы на это слишком много усилий. Гораздо проще было для начала составить список из всех Проджей, потом собрать короткие справки, а с помощью них если и не выяснить, который Продж ей потребен, то хотя бы проредить список.

Однако и тут срочной надобности в Льеце не возникло. Зачем обращаться к торговцу секретами по целиком легальному делу? Существовал ведь и более удобный путь. Стоило лишь задаться вопросом, где собирают сведения обо всех жителях города или порта? Ответ напрашивался сам собой — в налоговых службах. Вот туда и следовало идти.

В Такримуре ненавидимая всеми контора существовала под вывеской Департамента Общественного Блага. Но, как любил говаривать Шохальц: назови старого ишака Фаворитом, он всё одно не обгонит лошадь. Здесь сборщики податей в смысле алчности и коррупции не уступали "Чёрным Жнецам" герцогов Единорога или Службе Взыскания Альпорта. В данный момент, однако, Ильметре такая приверженность профессиональным традициям вполне устраивала.

Чиновник с характерным пузом, с трудом помещающимся в стандартный мундир, привычным движением смёл со стола "монету отзывчивости" и лицо его приняло умеренно благожелательный вид.

— Слушаю вас, сударыня.

— Дело у меня целиком личное, — Ильметра постаралась выглядеть и говорить попроще. — Я ищу дядюшку. Он должен жить где-то в Такримуре. Всё что я о нём знаю так это то, что его зовут Продж. Ни второго имени или прозвища, ни рода занятий, ни даже точного возраста мне узнать не удалось. Наши семьи, видите ли, не были

дружны и о дядюшке в разговорах предпочитали молчать.

— Но, сударыня, у нас проживает два десятка людей с таким именем, — чиновник развел руками. — Два десятка, это самое малое.

Ильметра улыбнулась и слегка подправила тональность в сторону льда.

— Согласитесь, — сказала она. — Если бы Продж у вас жил один, разве стала бы я отнимать время у столь занятого человека, как инспектор Департамента Общественного Блага?

— Оно так, — налоговый прищурился, видимо корректируя оценку посетительницы. — Но и вы согласитесь, сударыня, что такого рода деятельность потребует некоторых усилий.

Ильметра нарочито вздохнула. Оно конечно, заглянуть в ведомости и выписать оттуда адреса всех Проджей довольно хлопотно. Особенно если ведомости составлены в алфавитном порядке. К счастью у неё имелось средство, способное стимулировать любую, даже такую трудоемкую работу.

— Об этом не беспокойтесь, — сказала Ильметра. — За каждый адрес вы получите по точно такой же монете. И ещё по одной, если дадите от себя краткую характеристику на каждого Проджа. Возможно, какие-нибудь бытовые детали, события из жизни человека освежат мою память и позволят найти пропавшего члена семьи. Больше Проджей — больше монет. По-моему это честная сделка.

Чиновник, как всякая уважающая себя старая рыбина, не схватил наживку сразу.

— Вот что. Приходите завтра, сударыня, — предложил он, стараясь выглядеть равнодушно и вместе с тем любезно. — В это же время. Я постараюсь что-нибудь для вас сделать.

— Что-нибудь меня не устраивает, — ответила Ильметра. — Тем паче завтра. Адреса мне нужны сейчас, и я готова подождать, сколько будет необходимо. Прямо здесь. Если же вы сильно загружены другими делами, что ж, я поищу менее занятого человека. При входе в контору я заметила список инспекторов. Там кажется имён семь или восемь помимо вашего.

Чиновник задумался, оценивая вероятность того, что заработок уплывёт в руки товарища и конкурента, сидящего в соседней комнате и, похоже, пришёл к выводу, что дама настроена решительно.

— Хорошо, — кивнул он. — Но здесь ждать неудобно.

— Не беспокойтесь, я как-нибудь потерплю.

— Неудобно во всех смыслах, — пояснил чиновник. — Это может скомпрометировать как меня лично, так и нашу уважаемую организацию.

Как бы не так. Скомпрометировать такого может только жена начальника, обнаруженная в его постели. Другое дело — нежелание делиться с сослуживцами шальным доходом. Ведь она предложила гораздо больше, чем обычно платят за подобную услугу.

— Понимаю, — кивнула Ильметра. — Что вы предлагаете?

— На той стороне площади есть кальянная "Ифрит" с таким смешным джинном на вывеске. Мы могли бы встретиться в ней скажем... вечером, когда я закончу службу.

— Это же через пять часов?

Пять часов слишком мало для архивных поисков. Следовательно, никаких поисков и не предвидится. Скорее всего, ведомости действительно составлены в алфавитном порядке и переписать адреса дело четверти часа, даже если чиновник плохо учился в школе. В таком случае, зачем ему столько времени? Бойтесь покинуть контору в часы работы? Вряд ли. Всё что она почерпнула из наблюдений за местной жизнью противоречило образу дисциплинированного чиновника. А не задумал ли её новый друг связаться с кем-то заинтересованным в деле за пределами конторы?

— Вы же сами просили составить короткие справки.

— Короткие, — подчеркнула она интонацией. — Всё, что вспомните по ходу дела. Род занятий, круг общения, состояние.

— Что же вы предлагаете?

— Два часа, — сказала она. — И вот что. Если за эти два часа вы пошлёте кого-нибудь из сотрудников хоть куда-нибудь, то в кальянную можете не приходить. Меня там уже не будет.

Уже в "Ифрите" (ждать оказалось вполне уютно среди всех этих ковров, бронзовых блюд с чеканкой и керамики с письменами) она поняла, что допустила ошибку, запрещая чиновнику отправлять посыльного. Сама оборвала возможную ниточку. Ведь если чиновник действительно попытался бы с кем-то связаться, то велика вероятность, что именно с тем, кто как-то причастен к делу. Иначе, зачем подавать весть? С другой стороны, у неё пока нет под рукой ресурсов, чтобы устроить качественную слежку. Не юнгу же посылать шпионить? Так что пусть всё идёт, как идёт.

Жители неохотно рассказывали о событиях семилетней давности. Будь на её месте Оборн, он просто угощал бы очевидцев пивом в ближайшем кабаке, и вытягивал бы без труда и лишних подозрений любые подробности.

Совмещал бы, так сказать, приятное с полезным. Она же парней в кабаке позвать не могла. Её не так бы поняли. А скорее не поняли бы никак. Приходилось расспрашивать приказчиков в лавочках, ловить скучающих служанок и желающих заработать мальчишек. И даже при все её осторожности люди воспринимали с подозрением и опаской молодую смуглую чужеземку.

Но общая картина мало-помалу складывалась. Стычка вспыхнула около полуночи возле главного пирса Первого Торгового Картеля, где целый месяц стоял иноземный барк "Ящер". Затем волна потасовок прокатилась по улицам города от набережной Коммерческой гавани, до набережной Большой гавани и затихла возле частного причала господина Мортони, где стоял с неделю другой заморский корабль под названием "Молния". Вот между экипажами этих двух кораблей и шла основная битва. Нешуточная битва, следовало бы добавить.

Судя по всему, горячие ребята с "Молнии" устроили дерзкий налёт на "Ящер" и стянули оттуда какой-то ценный груз. С этим грузом они отступали к своему кораблю, а не менее горячие парни с "Ящера" пытались украденное вернуть. Не вышло. Отход был подготовлен умело, по всей видимости, человеком, склонным всё планировать заранее. Сперва, преследователей контратаковали возле Рыночной площади. Там жестокий бой продолжался около четверти часа. Именно тогда, в дело решили вмешаться городские стражники и понесли потери. А возле самого пирса Мортони парни с "Ящера" попали в хорошо подготовленную засаду — лучники и арбалетчики просто расстреляли их с крыш ближайших домов. Когда "Молния" попыталась выйти в море, "Ящер" с остатками команды бросился наперехват. Ещё в гавани между кораблями завязалась дуэль с применением огненных снарядов и магии. Такой иллюминации город не видел даже в праздник открытия сезона ловли сельди, когда со специальных плотиков пускали дешёвые тарсийские фейерверки. Сражение так и не закончилось чьей-то победой и продолжилось в открытом море.

— Иной раз так полыхало, аж светлее дня становилось, — рассказывал смотритель Южного маяка. — Оба корабля как на ладошке. И так три часа. То с одного молния слетит, то от другого шар огненный прыгнет. Паруса горят, мачты занялись, кое-где по палубам огоньки мечутся. Затем вдруг стихло всё. Огни погасли. Унялись. Может, громы-молнии у них кончились, может, потеряли в темноте друг друга. Но, скорее всего, потонули оба. К этому многие у нас склоняются.

— Почему?

— Повреждений и те и другие получили изрядно. Считаю, без парусов остались. А если, как в городе поговаривают, ещё на земле побили большую часть команды, то малыми силами вряд ли вытянули. Не сразу так опосля потонули. К нам-то не вернулись точно, а до ближайшей гавани трое суток ходу при попутном ветре. И это если судно в порядке, а с их ранами и за неделю не дойти... А с другой стороны, у них ведь маги на борту были, так что всё может быть.

— А на берег выброситься они не могли? — Ильметра припомнила собственные приключения.

— Могли. Но таких мест на нашей стороне немного, всё больше скалы. И после сшибки все такие места народ сторожил, обломков ждал. Грех не поживиться. Но ничего не дождался.

— Значит никаких следов крушения?

— Никаких, барышня.

Дорога к маяку шла по берегу Большой гавани. Возвращаясь в город, Ильметра расспрашивала рыбаков. Переходя от деревеньки к деревеньке, выискивала взглядом подходящего человека и предлагала монетку в двадцать стотинков в обмен на некоторые ответы. Рыбаки, однако, шли на разговор не за монетку, многие вовсе отказывались принять плату, просто рады были отвлечься от тяжёлой работы. А тут такой повод — человек давешними разборкам интересуется. Много ли они в жизни видели других развлечений?

— Старики всегда говорили, что за шальными деньгами гнаться себе-от дороже, — ответил очередной рыбак, отказываясь принять плату.

— Так ты же и не гоняешься — возразила Ильметра. — Я сама предлагаю.

— Каждую стотинку заработать нужно, — пояснил тот. — А если само-от в руки плывёт, тут как бы не с бедой заодно.

Он задумался.

— Вот как раз лет семь назад был такой-то случай. В соседней артели вытащили акулу и отдали мальчишкам для баловства. Слыхал-от, у вас на юге акул кушают?

— Плавники только, — пожал плечами Ильметра.

— Вон как? У нас-от нет. Брезгуют. И вот мальчишки, значит, выпотрошили акулу, и нашли перстень. В акулах-от много чего находят, но перстень-от редкость. Дорогой, тяжёлый был, видать из золота. Ну, слушок-от быстро по берегу прошёл о находке-от, а старики сразу сказали — к беде шгучка пришла. И точно. На следующий-от день в их деревеньку ворвался колдун. Злой, понятно. Добрым-от тут делать нечего. Прежде чем выяснилось, что к чему, от домов одни головешки остались. Но колдун-от не успокоился. Куда там. Заставил рыбаков выйти в море на Пенную банку, где они акулу и упромыслили, значит. Про этот случай мало кто знает, потому что уже на

другой-от день полыхнуло в самом городе. Не до маленькой деревеньки-от стало.

История мало походила на сведение счётов или торговую войну. Слишком велики ставки, слишком избыточны задействованные силы. И потом груз. Кровавая карусель вращалась вокруг чёртова ящика. Но для похищения обычного груза силы тем более казались несоразмерными. Что там стоит пара тонн табака или сахара? Кто будет отбивать такой груз с помощью первоклассных магов, и кто будет защищать его не менее могущественными боевыми чарами? Если только ящик набили золотом или серебром или иной какой драгоценностью. Но и тут концы не сходились. Все драгоценности от природы компактны, их проще распахать по карманам, по сумкам и отступить удобнее, и легче сбить со следа погоню. Рассыпаться по городу и гонять комаров дубиной. Наркотики? Их еще легче разделить по заплечным сумкам.

И всё же именно груз являлся ключевым звеном кровавой резни. И вот о нём ни один очевидец не мог сказать ни то что слова, но даже догадки.

Ильметра не обладала сыскными талантами Оборна, или аналитическими способностями Дамматрика. Она начала работать в конторе только после пропажи отца, и весь её агентурный опыт состоял в том, чтобы сыграть пару раз подружку Оборна на каких-то бандитских стрелках. Не могла она воспользоваться и колдовством, как сделал бы Ривси. Во-первых, она не знала заклинаний поиска, как и многих иных заклинаний, поскольку они вообще не слишком ей помогали. Во-вторых, она ещё толком не освоилась с даром. Ну а, в-третьих, до сих пор не выяснила, что именно искать. Ящик?

Из всех даров у неё оставалась лишь интуиция. Но интуиции требовался толчок. Ильметра раза три прошла маршрутом от пирса до пирса, надеясь, что какая-нибудь деталь подтолкнёт мысль в нужном направлении. Но пока что интуиция молчала. Впрочем, небольшой переулочек возле рыночной площади отчего-то притягивал её. Туда она и направилась.

Глава 25. Головоломка

Парень лениво подвигал челюстями и сплюнул табачную жвачку девушке под ноги. Ильметре показалось, что струйка бурой жижи плеснула ей прямо в душу.

— Ты чего, стерва, тут вынюхиваешь?

Парень был уродлив, как бородавчатая обезьяна, и грязен, как тарсийский дервиш. Больше того, он испускал зловоние, какое почитают за божественную благодать именно тарсийские дервиши. Хотя одежда, судя по состоянию, была снята с приличного человека не так уж давно.

Его напарник хихикнул. А поскольку перед этим он позабыл сплюнуть, то слюна, перемешанная с табачной жвачкой, потекла на подбородок и свесилась омерзительными сосульками рядом с другими такими же. Лицо напарника носило явные признаки слабоумия.

— Ну, тебя, во всяком случае, вынюхивать не нужно, — ответила Ильметра. — Такая падаль перебивает даже запах гнилой рыбы.

— Так наша курочка с норовом? — спросил парень, наклоняясь и вытаскивая из голенища сапога кривой нож.

Нож он достал для острастки. Как и многие до него парень полагал, будто справится со смазливой девкой голыми руками. А вот пугнуть, увидеть в глазах жертвы страх, похоже, ему нравилось.

— Ощипанная курочка с норовом, — поддакнул слабоумный напарник.

Он тоже вытащил нож.

Ильметра шагнула назад, парни двинулись следом. Но все же дистанция между ними слегка увеличилась. Это обеспечило её от внезапного удара ножом. Она почувствовала, что может прямо сейчас, сходу убить обоих, но... у трупов имени хозяина не спросишь. Откочерыжить голову для допроса, как Вайхель, она пока ещё не умела. А значит придётся потом долго выяснять, кому она перешла дорогу и связано ли это с её розысками, а если связано, то с которыми именно? Нет, лучше поговорить с живыми.

— Что за наезд? — спросила она, делая еще один почти незаметный шаг назад. — Вам нужны деньги?

— Деньги? — острием ножа парень очертил в воздухе двойной круг. — Поверь, они никуда не денутся. Хотя сказать по правде, живое тело обыскивать приятнее.

— Живое, да, — подал голос второй.

— А предьяву толкнуть не забыли? — Ильметра выудила из памяти пару слов из диалекта альпортского дна. — Или так, по беспределу бабу зажмурить собрались?

Не факт, что здешний криминальный жаргон был похож на южный, но её поняли. Уродец только ухмыльнулся, зато его приятель оказался попроще.

— Господину Проджу не по нутру когда о нём что-то вынюхивают, — сказал слабоумный, поигрывая ножом. — Совсем не по нутру.

Ну, вот и всё. Имя прозвучало. Продолжать тягостный разговор нет смысла. Значит, один из Проджей почувал чужой интерес и решил щёлкнуть по любопытному женскому носику. Который именно, догадаться нетрудно. Вряд ли к ней подослал головорезов старый рыбак Продж, едва сводящий концы с концами. Двух Проджей, торгующих

морепродуктами мелким оптом и ещё одного — корабельного мастера так же можно спокойно исключить — чужой интерес честных людей не испугает. А вот Малыш Продж, "уважаемый человек", как охарактеризовал его чиновник, но обложивший данью фабрикантов сельди, как позже узнала Ильметра, вот он вполне подходит на роль злодея. Правда оставался актуальным вопрос, тот ли он, кто ей нужен? Поразмыслив пару мгновений (на большее рассчитывать не приходилось) Ильметра пришла к выводу, что такой расклад маловероятен. Скорее всего криминальный авторитет просто блюдёт свой бизнес и воспринял её расспросы, как непонятную угрозу.

— Выходит, я перешла дорогу Малышу Проджу? — уточнила Ильметра.

На сей раз оба соперника не удостоили её ответом или хотя бы кивком. Парень ловко перекидывал нож из ладони в ладонь, словно рукоятка жгла ему руки. Ильметре почему-то вспомнился отец, который вот также перебрасывал картофелину только что выуженную из углей. Он любил выбираться с дочерью из города на дикий берег лимана. Они сидели у костра, и она слушала истории о далёких странах, бурях, островах.

Приятное воспоминание никак не вязалось с происходящим. Наличие перед глазами двух уродов как бы оскверняло светлую память о Ники Торадо. Загнанный в глубины души гнев нашёл повод, чтобы пробиться наружу. И теперь она ему не мешала.

Сделав обманное движение рукой, и развернув чуть-суть тело, ногой Ильметра ударила по колену уродца. Слабоумный напарник не успел среагировать и вскоре получил ребром ладони под кадык.

Она постаралась прикончить ублюдков без боли и быстро, чтобы парни даже не успели осознать неминуемой гибели и не переполнились сопутствующем смерти страхом. Ей вовсе не улыбалось получить в качестве прощального подарка грязное отражение ауры распадающейся души. Несмотря на предосторожности их души оказались достаточно тяжёлыми. Они не упорхнули облачком, как полагается, но рухнули на землю подобно помоям из ведра и разлетелись грязными брызгами. Омерзительные, как табачная жвачка отражения прилипли к её собственной ауре.

Ощущение было неприятным и неожиданным. После убийства похотливого шкипера ничего такого Ильметра не ощутила. Наверное потому, что не собиралась в тот раз убивать, а сейчас сделала это намеренно. Что называется, взяла грех на душу. И теперь, чтобы очиститься от эдакой дряни, нужно будет, по крайней мере, неделю провести в медитациях или целый месяц не есть мяса. Или найти чистильщика душ. Точных рецептов очищения Ильметра не помнила. Читала об этом в книжках, слышала в разговорах, но даже не подозревала, что когда-нибудь пригодится самой. Не собиралась она идти в душегубы. Впрочем, сожалеет поздно. У неё теперь не имелось в распоряжении ни месяца, ни недели. Следовало поспешить. Малыш Продж не успокоится, мало того, наверняка появятся и другие недовольные. Всё же глупо она поступила, отправившись в Такримур без друзей. Оборн просто не довёл бы дело до поножовщины, а к молодой девушке всякие мерзавцы липнут как мухи.

И всё же, почему её так тянуло именно в этот переулочек?

На следующий день она ещё раз решила пройтись по всему маршруту боёв семилетней давности. Ильметра не особо надеялась на успех, но на Суконной улице её настойчивость, наконец, вознаградилась.

— Магия? — переспросил зеленщик. — А как же, сударыня, своими глазами видел. Я уже заснул к тому времени, а тут шум, крики. Высунулся в окно, а они тащат этот свой ящик. Человек двадцать, как муравьи жука облепили. Впереди двое идут, дорогу указывают. И большой же, скажу я вам, ящик. С фургон примерно. А фургоны, сударыня, даже на колёсах за лошадьми Суконной улицей не ездили — дом Рилса-резчика мешал, он фасадом на треть за красную линию выходил. А исправить старик не давал, нет, говорил, закона такого дома ломать. Так что сами мы корзинами товар носили, на ишаках вьючных, на мулах. А эти чужеземцы спешили сильно чтобы обход искать — позади них уже разгорался бой. Тогда один из тех двоих, что впереди шли, капюшон-то откинул — оказалось барышня это. Она руками эдак махнула, пустила огонь, вроде того, что на мачтах во время грозы возникает, с жутким треском таким. И снесла бедняге Рилсу всю красоту! Да так, что в пыль! Ничего крупнее щебёнки от фасада-то не осталось. Повезло Рилсу, что спит крепко, и на шум к окну не пошёл, не то бы и косточек не нашли. А так проснулся он от грохота, а в двух шагах от кровати уже улица начинается, а на улице сущее светопреставление. Забрался старик под одеяло, словно дитё малое, так до утра и дрожал. К утру всё остальное у него поседело, что старость не тронула.

Зеленщик замолчал, переживая прошлое. Ильметра не торопила. Рассматривала прилавок с фруктами и сладкими травами.

— Фасад-то справный был и красивый с барельефами, горельефами, резьбой, — продолжил зеленщик. — А теперь что? Денег на ремонт Рилс собрал, но на белый камень не хватило. И резьбы никакой. Не та уже хватка у старика. А кирпич он и есть кирпич. Да и то сказать нынче такого кирпича как раньше не делают. Красный, но не такой тёмный какой клали лет пятьдесят назад. Вон взгляните на новую кладку. Смех один. Однако, как говорят, нет худа без добра. Теперь зато и фургону проехать можно. Сносить-то по закону и правда не позволялось, а раз само вышло, то на отстройку разрешения уже не дали. Красная линия! Закон!

Грызя купленное у зеленщика яблоко, Ильметра внимательно осмотрела дом. Прежний фундамент стал частью мостовой, но отличался от брусчатки более крупным и мягким камнем, отчего за семь лет поистерся примерно на дюйм. Какое-то смутное подозрение зародилось среди хаоса мыслей. Улочка была узкой, но всё же по меркам купеческого района вполне обычной. Возвращаясь к лавке зеленщика, она измерила расстояние самым примитивным способом — переставляя ноги впритык пяткой к носку.

— Хорошие у вас яблоки, дедушка, — улыбнулась Ильметра, доставая монетку. — Дайте-ка мне ещё парочку.

Немного нервничая, она подошла к тому переулку, где накануне на неё напали парни Малыша Проджа. Трупы, понятно, уже убрали, но неприятные воспоминания заставили Ильметру поёжиться. И тут обнаружилась зацепка. Даже навскидку переулок казался чуть уже Суконной улицы в её прежней ширине. И сносить здесь нечего — по обеим сторонам тянулись глухие массивные стены соляных погребов. Старые стены, что характерно.

— Занятно, — буркнула она, меряя тем же способом ширину переулка.

По свидетельствам очевидцев сражение прокатилось именно здесь, да и стены до сих пор сохранили местами подпалины от ударов магического огня. А если обходить переулок через площадь то получался слишком большой крюк. Но факт есть факт — тот ящик, что тащили по Суконной улице, здесь не прошёл бы. Никак.

— Занятно, — повторила Ильметра и отправилась назад.

Вышла на улицу Грешников, откуда поднимались лестницы к рыночной площади. Тащить громоздкий ящик по ним? Ширина вполне позволяла, не позволял уклон. Здесь потребуется вдвое больше людей, а места для них не оставалось. Правда можно поступить иначе — положить на ступени слези и втянуть ящик воротом, как поступают местные грузчики, когда сталкиваются с подобной проблемой. Что ж, вариант. Но всё равно не сходится. Там наверху огромный рынок с узкими рядами. Там легко затеряться, конечно, но ещё проще застрять. А ведь во время той стычки на рынке не пострадала ни одна лавочка. Об этом многие говорили, потому что сами на рынке были и оттуда со страхом наблюдали за приближающимися сполохами. Но пронесло. За что молитвы и жертвы потом еще долго воздавались всевозможным богам.

Ильметра вернулась обратно, к небольшой площади, на подходах к которой, судя по разговорам, шли самые упорные стычки. Здесь она осмотрелась. Кроме той улицы, по какой отступали с боем похитители и улицы Грешников, площадь пересекала Речная улица, достаточно широкая, чтобы протащить ящик, вот только один её конец упирался в ворота таможенных складов, а второй загибался назад к Коммерческой гавани. На мостовой были проложены чугунные рельсы, по каким с помощью лошадей перевозили грузы с картельных пирсов.

— Занятно, — произнесла Ильметра в третий раз.

Другим концом злополучный переулок выходил на Красную улицу. Здесь располагались ремесленные лавки и мастерские. Шорники, оружейники, галантерейщики и даже один мебельщик.

Если бы она знала заклинание поиска и зарядила бы его на абстрактный ящик, то куда бы оно привело? На склад где хранятся ящики или в мастерскую, где их делают? Ну, так в этом она могла обойтись и без заклинаний.

В первую очередь она зашла в лавку мебельщика. На удачу. Но чутьё уже заставляло подрагивать кончик носа.

— Семь лет назад вам заказывали ящик, — Ильметра начала с блефа.

— Не понимаю о чём вы, сударыня, — человек лет пятидесяти заметно побледнел.

Ага, сработало!

— Не понимаете? — уперлась она взглядом в мебельщика, стараясь придать лицу строгий и чуть раздраженный вид. — Не помните, что случилось семь лет назад?

— Нет, сударыня.

— Так я напомню, — улыбнулась Ильметра и подняла руку.

Маленькая искорка соскочила с пальца и, пролетев перед глазами хозяина, вонзилась в стену. В том месте, куда попал огонь зашипело, точно масло на сковороде, а к потолку поднялась струйка дыма.

— Желаете, чтобы я спалила лавку или достаточно маленькой демонстрации?

Мебельщик молчал.

— Дело-то простое, — с циничной усмешкой сказала Ильметра. — Я бы даже сказала классическое. Тот, кто вам угрожал карами за длинный язык далеко, а я близко. О нашем разговоре он может узнать только от меня или от вас. Мне распространяться незачем, так что ваша безопасность находится исключительно в ваших руках.

Она выложила на прилавок три массивных золотых империаля.

— С другой стороны есть весомый аргумент в пользу сотрудничества.

Приятно, чёрт возьми, иметь неограниченный кредит.

— Два ящика, — сказал мебельщик. — Та дама заказала мне два одинаковых по размеру ящика.

— Какая она из себя?

— Чем-то похожа на вас, — голос мебельщика дрожал. — Молодая чужеземка. Хотя вы будете чуть смуглее, пожалуй.

— Между ящиками имелось различие, не так ли? — спросила Ильметра. — Да не тряситесь вы, поздно уже

трястись.

— Они различались, — кивнул мебельщик. — Один из них следовало оплести изнутри сеткой из серебряной проволоки. Причём так, чтобы крышка в торце разъединяла сетку в определённых местах, какие можно быстро соединить через особые отверстия.

— Недёшево обошлось?

— Материал предоставлял заказчик, — хозяин пожал плечами. — И проволоку, и доски, и даже гвозди.

— И ящик с серебром у вас забрали загодя, — предположила Ильметра.

— Да. Именно так.

— А той ночью в мастерской оставался второй ящик?

— Да. Но меня здесь уже не было. Я, согласно договорённости, передал ключи от мастерской, а сам уехал в предместье к брату.

— Хотите добрый совет? — Ильметра прищурилась. — Сваливайте из города.

— Та дама дала мне точно такой же совет, — буркнул мебельщик. — И я честно последовал ему. И вернулся сюда только через год. Но, как видите, это не помогло.

— Я очень рада, что вы вернулись. Но на вашем месте не искушала бы судьбу ещё раз.

Ильметра покинула мебельную мастерскую в хорошем расположении духа. Даже грязные пятна от убиенных бандитов не так тревожили душу. Ну что ж. Вот теперь можно отправиться и к почтенному Льецу.

— Милая девушка, — проскрипел Льец точь-в-точь как скрипел Шохальц, читая бесконечные нотации молодым компаньонам. Хотя внешне два старика разнились как небеса и пекло. Льец оказался невысок ростом и худ. Его кожа напоминала цветом старый пергамент, а фактурой засохшую грушу. Но зато в торговце секретами чувствовалась воля, которой их боссу явно недоставало. — Я занимаюсь чужими тайнами, это чистая правда. Но кто вам сказал, будто я знаю обо всём на свете? Допустим, ко мне приходят обиженные слуги, брошенные девушки, обманутые компаньоны и продают за пару стотинков собственных господ, товарищей, неверных любовников. Это интрижки, милая барышня, не более того. Правда, они позволяют продержаться на плаву моей скромной конторе. Но кровавая резня? Боевая магия? Боги меня упаси совать нос в такие дела.

— Господин Шо... то есть, простите, Льец. Человек, что порекомендовал обратиться к вам, предупредил меня о вашей подозрительности. Но ваше имя он назвал первым, как только узнал предмет моих интересов.

— И вы, конечно, имеете рекомендательное письмо от этого человека?

— Конечно, нет. Зато мне есть чем заплатить за сведения.

— Очень хорошо, что вы затронули этот щекотливый вопрос, милая леди. Некоторые невежды и наивные люди полагают, будто тайны сами плывут ко мне в руки, и склонны платить лишь за бумагу и чернила, на которых они записаны, а такая коммерция не приносит дохода.

— За настоящие секреты я даю настоящую цену, — заверила Ильметра.

— Это внушает некоторую надежду.

— Кстати о надежде, — Ильметра улыбнулась. — Некоторые невежды и наивные люди полагают, будто могут легко обвести вокруг пальца доверчивую девушку, тем более чужеземку. Или того хуже подослать к ней пару громил и получить деньги безо всякой работы.

— Подумать только! — нарочито возмущился Льец.

— Представьте себе, — кивнула Ильметра. — Они потом удивляются, обнаружив в штанах гадюку. Но я предупреждаю только однажды.

— Гадюку?

— Это всего лишь образ. Метафора. Действительность выглядит несколько проще и непригляднее. Помните два свеженьких трупа в переулке возле Рыночной площади?

Строго говоря, никаких дел с ублюдками или их хозяином она не вела. И предупреждать о чём-то не имела возможности. Но пусть Льец задумается. Хоть какая-то польза от гадости, которую пришлось на себя взять. Табачная жижа пойманных отражений всё ещё отравляла душу.

— Редкие мерзавцы, — кивнул Льец так, словно прочитал её ощущения. — Должен заметить, никто не пролил по ним и слезинки.

Он стал серьёзен и спросил:

— А вы не боитесь связываться с Малышом Проджем?

— Зачем же я буду болтать и тем более признавать что-либо, — Ильметра пожала плечами. — Ведь след убийцы, кажется, так и не взяли?

— Не особенно и искали. Но, видите ли, сударыня, некоторым людям вовсе не нужны исчерпывающие доказательства. Они ведь не в суде собираются выступать. А для возмездия достаточно будет намёка.

— О! Это не ваша забота, господин Льец.

— Хорошо. Давайте вернёмся к нашему делу, — согласился торговец секретами. — Какую сумму вы намерены потратить на получение интересующих вас сведений?

— Цену называет продавец, — равнодушно сказала Ильметра. — Покупатель либо соглашается, либо уходит.

— Только в том случае если продавцов несколько, — возразил старик. — Но мой товар уникален и прежде чем его предложить, я вынужден справиться о платёжеспособности клиента.

— Законное желание, — она вытащила из потайного кармашка, устроенного возле манжеты, камушек и положила перед торговцем.

— Я не ювелир, — произнёс он равнодушно.

Но глаза выдали старика. Они блеснули точь-в-точь как у Шохальца, когда тот увидел бриллианты впервые. В этом смысле два паука мало чем отличались.

Ильметра усмехнулась.

— А я не ломовая лошадь, чтобы тащить монетой сумму, в какую оценивают этот бриллиант. Впрочем, это ведь не проблема, верно? Позовём оценщика, он освидетельствует камушек. Вот только какой оценщик подтвердит качество информации? Я, знаете ли, мулов на развод не покупаю.

— Я работаю честно, сударыня.

— Надеюсь.

— Итак? — он достал бумагу, открыл чернильницу и обмакнул перо, но перехватив её взгляд успокоил. — Я делаю заметки тайнописью, понятной только мне. Они помогают привести мысли в порядок. Вам не стоит беспокоиться о возможной утечке.

— Хорошо. Прежде всего, меня интересуют оба судна, — сказала она. — Откуда они пришли на самом деле? Быть может, привезли какой-нибудь необычный груз? Какой? Матросы с "Ящера" целый месяц ошивались на берегу. Должны же они были о чём-то рассказывать в кабаках и борделях? О чём говорили, какие страны упоминали, каких людей?

Она прислушалась к скрипу хозяйского пера и в задумчивости почесала кончик носа.

— Второе. Мне нужны данные с таможенных складов. Как я понимаю, там хранится конфискат или товары, предназначенные для транзита. Но почему бы мытарям не подработать на стороне? Не принимали ли они накануне стычки или после неё на хранение некоего крупногабаритного груза? И если да, то от кого принимали, кому отдавали? Всё, что можно узнать об этом грузе.

Но если, уважаемый господин Льец, по ходу дела вы наткнётесь на что-то ещё, на любую информацию по этому делу, от сомнительных слухов, до серьёзных улик, я буду признательна. И вообще любая информация тех дней мне интересна. Даже если она не связана напрямую с кровопролитием. Любые необычные вещи.

И даже если вы, господин Льец, напишите целую книгу о тех событиях, я с удовольствием куплю рукопись. А возможно даже издам. Есть у меня друзья, любители всяческих мемуаров и трактатов на историческую тематику.

Глава 26. След на ту сторону

Больше на Ильметру не нападали, хотя она кожей чувствовала постоянное чужое внимание. Кто это, всё тот же Малыш Продж или в ходе расследования Ильметра задела ещё чьи-то интересы? Холодок на спине не давал ответов, лишь предупреждал. Как ни пыталась она провериться, используя трюки, которым её научил Оборн, заметить топтунов не удалось. Да и ладно, ей своё нужно делать.

Оборн утверждал, что в великом деле добычи информации главное условие успеха вовсе не способности или интуиция отдельного сыщика, а тотальный охват. Хотя бывают и исключения, но в общем случае десяток простых парней способен раскопать больше, чем один смышлёный. Если конечно информация будет стекаться в нужные руки, вернее в голову (совсем-то без мозгов обойтись невозможно).

Десятка парней в распоряжении Ильметры не имелось. Она крутилась одна, если не считать юнги, который по сути сидел на хозяйстве. Присматривал за головой Лейсона и лошаждками, заботился о хлебе насущном и смотрел, чтобы служанки во время уборки не стянули господские вещи.

Так что одна, всё одна. До сих пор она ещё не осмотрела пригороды, не потолкалась на рынке, не побывала у рыбаков, что поселились по берегу Коммерческой гавани. Скалы не позволяли там устроиться многим, как в Большой гавани, но пара-другая деревенок худо-бедно среди камней приткнулась. А рыбацьи семьи по убогости своих жилищ и необходимости работать на воздухе — сети чинить, лодки смолить, рыбу разделывать, — почти всегда на виду и сами видят всё, что происходит вокруг.

С них она и начала, пока Льец исполнял заказ.

О Продже, впрочем, ни в одной из деревень не слышали, зато про события семилетней давности кое-что в копилку историй добавили.

— Человек какой-то среди ночи переплыл гавань, — рассказал один из рыбаков. — Может с корабля, может из города, не знаю. Выбрался из воды возле деревеньки Рупти. Ну, как деревенька, одна семья там жила тогда. Эти самые Рупти. Три брата, их жёны да старик отец. В артель ещё двух парней взяли. Вот и всё.

— А как он выглядел, кто такой, откуда? — попыталась уточнить Ильметра.

— Кто ж знает? Я сам его не видел. Рано утром ушёл он вместе с братьями на шхуне. Они-то, братья, как раз на промыслы собирались. Вот и прихватили его с собой. Но с промысла шхуна не вернулась. Мы думали что потонула. Зимой помянули даже братьев, как положено. Мы, обычно, по зиме потери считаем. А через год вернулись вдруг братья и шхуна цела-целёхонька. Долго, стало быть, жить будут. Примета такая. Верная. Тем более, что больше они на промысел не ходят.

— Почему же?

— Кто ж знает? Разбогатели сильно в тех краях, куда их буря занесла. Так что бросили ловлю. Кто в город подался, лавку завёл, кто здесь среди селёдочных баронов пристроился.

— Можно переговорить с ними?

— А чего ж нельзя? Все пятеро живы-здоровы. Вот как к Южному маяку по дальнему берегу Большой гавани дорога идет, сразу за городом по правую руку дом будет из красного кирпича. Там складские приказчики обитают. Спросите Рупти Мазилу, вам покажут.

— Вы будете Рупти Мазила?

— Я, сударыня, он самый, — подтвердил упитанный краснощёкий крепьш в фартуке и крагах до локтя. — Сельди заказать хотите? Если много, то только на следующий сезон. Нынешний почти весь расписан.

— Я похожа на торговку селёдкой?

— Всякое бывает, — оглядев еще раз девушку сказал бывший рыбак.

— Расскажите мне о человеке, которого вы семь лет назад увезли из Такримура.

— Э нет, сударыня, — засмеялся Мазила. — На память я жалуюсь. Отшибло как раз лет шесть назад. После бури той ничегошеньки не помню.

— У меня есть хорошее средство, — Ильметра выложила пять империалов один за другим. — Но если вам оно не подходит, я поищу ваших братьев.

Взгляд помощника селёдочного барона сосредоточился на стопке монет.

— Кстати, — заметила Ильметра. — Ваших братьев я всё равно навещу и двух старых приятелей тоже. Так что советую обойтись правдой.

Мазила посмотрел по сторонам и кивнул ей на подсобку за конторкой. Там оказалась вполне уютна комната с маленьким оконцем под потолком. Половину комнатки занимали стеллажи с бумагами, коробками, корзинами и бутылками, а посредине стоял стол и несколько плетеных стульев.

Ильметра села на тот что стоял под оконцем. Мазила, сняв фартук и перчатки, спросил хочет ли она пива или вина, получив ответ, достал бутылку с вином. Присел напротив, разлил вино по бокалам. Пододвинув один ей, из другого отпил.

— А что работать пошли? — поинтересовалась Ильметра, сделав глоток. — Денег-то вам изрядно отвалили.

— Верите ли, не могу без дела сидеть, — усмехнулся Мазила. — Свой бизнес завести умишком не вышел. А вот приказчиком — самое то. Про засол сельди мало кто больше меня знает.

— Хорошо. Расскажите как дело было.

— Зашли мы на Пенную банку для отвода глаз, — приказчик начал сразу с главного. — Там шхун много промышляет, легко затеряться. Потолкались среди них, перекликнулись парой слов со старыми друганами, чтобы, значит, отметить, да в темноте и рванули через океан на запад. Месяц шли, даже больше. На остров Привальный не заходили. Таков уговор был. В Сет тоже не пошли, хотя и ближе было. А пришли напрямик в колонию Радуга. Там и распрощались с благодетелем. Он условие поставил — раньше чем через год, чтобы не появлялись мы дома. Но золота отвалил много.

— У вашего пассажира имелось золото? — уточнила Ильметра. — Но он решил простых рыбаков нанять?

— С собой-то у него золота не было, это точно. Он почти голый на нашу сторону гавани приплыл. А в Радуге раздобыл где-то. Может знакомых встретил, а может продал книжечку свою. Больше вроде бы нечего ему продавать было.

— Какую книжечку?

— Он когда к нам пришёл, у него книжечка была с ладонь или чуть больше, в таком мешочке кожаном, непромокаемом. Кроме неё может быть пара монет только. Он их как аванс нам отдал. Да ещё перстень! Поначалу-то обещал им расплатиться, если денег не добудет, говорил, что вещица цены немалой. Но потерял в дороге.

— Потерял?

— Обронил в воду. Мы с ним на Пенной банке как раз акул высматривали. Он и обронил перстень с куском рыбыны. Говорил, подманить акулу хотел... странный человек был, но честный. Успокоил нас, сказал, что всяко добудет денег. Так и вышло.

— Докладываю. — Льец лучился самодовольством. — Откуда точно пришёл "Ящер" мне узнать не удалось. Матросы оказались не из болтливых, да и времени много прошло, но по документам корабль привёз генеральный груз для Первого Картеля с островов Радости. Сахар, патоку, ром, табак. Всё законно. За давностью лет могли что-то забыть, но факт остаётся фактом — обычный груз. Разве что корабль слишком долго торчал у пирса, хотя ремонта не требовал.

Ильметра молча кивнула. Многого она и не ждала.

— Теперь "Молния". Опять же по документам она пришла из Сета, без груза, однако среди матросов заметили много южан, каковые в Сете большая редкость. С кораблями, пожалуй, всё. Не густо, но уж что есть, то есть.

— Южан вроде меня? — уточнила Ильметра.

— Никак нет, сударыня, смуглых вроде вас много встречается, а эти гораздо темнее были. Чернее, я бы сказал. Эбены, у нас их зовут.

— Таможня, — напомнила Ильметра.

— Да, милая девушка, таможня. Никаких сведений о крупном грузе на таможенных складах мы не нашли. Но вот что любопытно. Как раз после тех событий, буквально через пару дней, пропали трое работников таможни. Совпадение?

— Их имена известны?

— Да. Двое охранников склада Вирж Бульжник и Кеелоп, а также старший инспектор Продж.

— Продж? — удивилась Ильметра. — Все трое пропали, вы говорите?

Вот оно в чём дело! Этого парня она упустила из вида по весьма прозаической причине. Список департамента содержал налогоплательщиков. А тот, кто умер или пропал, налогов уже не платил и в списке соответственно не состоял. Ей стоило поинтересоваться старыми ведомостями. Но вряд ли она догадалась бы поднять списки семилетней давности, ведь искомый Продж встречался с её отцом всего год с небольшим назад. Так что случай помог.

— Так вы его искали, когда напоролись на Мальша? — догадался Льец.

— Возможно.

— Не возможно, а наверняка, юная леди, — заявил Льец. — Поверьте опыту, совпадений в таких делах не бывает.

Она не стала объяснять старику, что дела-то разные. Как могли быть связаны между собой заварушка в Такримуре семилетней давности и предполагаемая трагическая гибель отца недалеко от Альпорта меньше года назад? Или как-то могли? Допустим, Продж, который таможенник, пропал семь лет назад, а искомый ею Продж появился чуть больше года назад на Четырёхгорном острове. Разница в шесть лет. Снимает ли это вопрос? Возможно, если бы не одно обстоятельство — и там и здесь фигурировал массивный груз, ящик. Два совпадения? А вот это уже чересчур. Льец прав, так не бывает.

Значит история отца связана со знаменитой резнёй. Надо же, как оно повернулось!

Открытие резко изменило направление усилий. Раньше она воспринимала стычку как прикрытие основной миссии. Но теперь оказалось, что тут-то и следует искать причину всего.

— Есть и другие любопытные совпадения, — продолжал между тем Льец. — За неделю до резни таможня продала с аукциона конфискованную у контрабандистов шхуну. Ничего особенного, но обычно такие аукционы проводятся в последний день месяца. И догадайтесь, кто хлопотал о внеочередных торгах?

— Продж?

— Ну вот. Сами понимаете, что с вашим Проджем дело нечисто.

— А когда эта шхуна ушла? И кто стал владельцем?

— В том-то и фокус, что покупку оформили на подставное лицо, причём не особенно старались придать ему правдоподобность. А ушла шхуна через два дня после кровавой бойни. И с тех пор о ней ничего не известно.

Очень интересно. Это уже четвертый корабль, связанный с заварушкой, если считать рыбацкую шхуну. Дела...

— Но самое интересное я приберёг напоследок, — не унимался торговец секретами. — Не знаю уж, что вы конкретно ищите, милая леди, в чистое любопытство при таких расходах, я, уж извините, не верю, но чувствую, эти сведения стоят затраченных средств.

Он отпил воды из стакана. Ей, что любопытно, старик воды не предложил. Ну так она ведь и не говорила почти, всё больше слушала.

— Так вот, — продолжил Льец столь же скрипучим голосом. — Через два месяца после означенных событий некто очень богатый человек проводил собственное расследование. Его звали Ширфид, хотя имя, скорее всего вымышленное. Честно говоря, тогда многие пытались выяснить подробности и я в их числе. Кто-то из любопытства, кто-то с надеждой поживиться, кто-то из страха за судьбы города. Ширфид же, во-первых, был иностранцем, как и вы, а во-вторых, его интересовали точно те же вопросы.

— Так, — кивнула Ильметра.

— Но за единственным исключением, — Льец сделал театральную паузу и поднял палец. — Он ни разу не спросил о "Ящере".

— Из чего можно сделать вывод, что он сам с "Ящера" или, по крайней мере, представляет тех же людей, — подвела итог Ильметра.

— Верно.

— И как далеко ему удалось продвинуться в расследовании?

— Он справлялся в таможне и о грузе, и о шхуне, из чего я делаю заключение, что ваш конкурент узнал всё. Причём, увы, намного раньше вас.

Проклятье! Ильметра рассердилась и отметила возбуждение своей потаенной силы. Но изливать гнев тут было не на кого и девушка лишь сильнее сжала кулак.

— И вот что ещё следует отметить, — добавил Льец. — Этот самый Ширфид вёл дело гораздо деликатнее. К мне он, во всяком случае, не обращался и вообще действовал без посредников или наёмников. К тому же он заранее знал, что искать. Зря по городу не шастал, трупов не оставлял, воды не мутил. Вот взять вас для сравнения. Сейчас полгорода знает о ваших поисках, пусть без подробностей, а про Ширфида не узнал никто. Он так ловко спрашивал, что люди выкладывали ему всё до мельчайших деталей, а потом напрочь забывали о разговоре. Думаю, без колдовства здесь тоже не обошлось. Но колдовства мягкого, которое само по себе малозаметно. Они вспоминали о Ширфиде, только услышав от моих людей точно такие же вопросы.

Ильметра кивнула, признавая, что действовала грубо.

— Но! — Льец еще раз поднял палец. — Его преимущество обернулось против него самого. Он не очень старательно заметал следы, видимо, надеясь на забывчивость собеседников, что и сыграло нам на руку. И хотя мы так и не узнали, откуда пришёл "Ящер", зато можем назвать корабль, на котором два месяца спустя, прибыл в Такримур Ширфид.

— И?

— Он прибыл на почтовом шлюпе "Пеликан" с Привального острова. Ничего особенного. Шлюп местный делает регулярные рейсы на ту сторону.

— Я не слишком сильна в географии.

— Привальный — это остров посреди океана, в аккурат на полпути от нас к порту Сет.

— Ах да, рыбаки упоминали о нём. И где на борт поднялся наш Ширфид?

— В Сете и поднялся.

Итак, в число подозреваемых можно занести некоего Ширфида. Он хозяин или как минимум представитель владельца украденного груза, и значит, имел серьёзный мотив. Вот только он встал на след семь лет назад. То есть, если он как-то причастен к предполагаемой смерти отца, у него ушло почти шесть лет на розыски. А почему бы и нет? Ведь это она знала, что Продж в конце концов объявился на Четырёхгорном, а неизвестному наверняка пришлось прочёсывать в поисках маленькой шхуны все три океана. Мог он наткнуться на след, когда груз уже переправили на "Молот"? Вполне.

Обдумывая собранную из разных источников информацию, она разложила фрагменты хронологически. Что получается. За месяц до кровавой резни пришёл "Ящер", спустя три недели "Молния". Женщина с "Молнии" делает заказ мебельщику и видимо договаривается с таможенниками. Затем, за три дня до бойни некий человек переплывает Коммерческую гавань и уходит на рыболовной шхуне. Он явно бежит от чего-то. Возможно, бежит с "Ящера", который стоит неподалёку. А через день в соседней гавани мальчишка вытаскивает из рыбы перстень и в деревеньку наведывается колдун. Он берёт шхуну и отправляется на Пенную банку, где выловили рыбину с перстнем. Тут-то начинается заварушка в городе.

Можно предположить, что колдун и есть тот загадочный Ширфид. Он отсутствовал в городе во время нападения, а потом, через два месяца, попытался взять след. А отсутствовал он, потому что искал кого-то на той стороне океана и этот кто-то, возможно, тот самый человек, что переплыл Коммерческую гавань и удрал с рыбаками. Перстень. Перстень фигурирует в обеих историях.

В руках Ильметры появилась ниточка и не одна, как минимум две. И не кончик ниточки, а серединка да ещё с узелком, приплетающим к кровавой резне и судьбе отца чью-то ещё судьбу, и ей теперь предстояло решить, в какую сторону по какой из ниточек двигаться дальше? Одна ниточка вела на Четырёхгорный остров и затем к Альпорту, то есть к концу всей истории. Дама с "Молнии", кстати, походила по описаниям на ту самую Сейлу, хотя предположение показалось Ильметре слишком натянутым. От Сейлы они в конце концов и сбежали. Что же теперь вернуться и пригласить на разговор? Это если она ещё там, а не идет по их следу. В этом случае скоро сама объявится в Валикерсте у парней. Нет, с Альпортом следует подождать.

Две ниточки уходили в прошлое и в неизвестность — туда, откуда пришли два корабля, между экипажами

которых произошла стычка. И, наконец, беглец.

Этот самый Ширфид выяснил не всё. Он прозевал мебельщика, хотя всё равно как-то вышел на таможеню и он, похоже, не знал про Четырёхгорный остров, потому что здесь этого названия не прозвучало. С другой стороны, в Альпорте они давно изучили всё, что могли, а настоящие причины крылись где-то у истоков запутанной истории.

А вот вторая ниточка с беглецом показалась Ильметре более перспективной. Её конкурент не вышел на братьев Рупти, которые перевозили беглеца, так как те вернулись много позже, а значит есть шанс, что Ширфид так и не нашёл пассажира. И разыскав его можно многое прояснить.

Тейш снял со стоящей на спиртовке кастрюльки горячую махровую салфетку и пристроил на лице Лейсона. Он только что закончил со стрижкой и бритьем. Оказалось, что волосы на отрезанной голове продолжали расти, а юнга, ещё во время службы на злополучном корабле наловчился управляться бритвой и ножницами. Теперь это пришлось кстати.

— Тейш, мне нужна твоя помощь.

— Вряд ли речь идет о бритье, — произнёс задумчиво юнга, споласкивая бритву и убирая её в футляр.

— Разве что подмышки, но их я тебе не доверю. Нет, мне нужна настоящая помощь.

— Слушаю, моя госпожа.

В голосе юнги послышалось облегчение. Ему явно надоело присматривать за головой Лейсона и лошадьми, и хотелось чуток размяться.

— Я слишком примелькалась в городе, а ты всё время торчал в гостинице.

— Не по своей воле, госпожа, — возразил с обидой в голосе Тейш.

— Тем не менее. Мне нужно чтобы ты потолкался у пирсов Коммерческой гавани и послушал, не собирается ли какой из кораблей отплыть в колонию Радуга? Это на той стороне океана, в Халиаре.

— Понял.

— Но сам не спрашивай ни о чём. И вообще интереса к кораблям не проявляй, только слушай. А если спросят, чего трёшься, соври что ищешь товарища из Биная. Вспомни какого-нибудь знакомого морячка.

— Ваши уважаемые друзья, госпожа, сильно сузили круг моих знакомых морячков.

— Придумай что-нибудь. Но корабль найди.

Конец Первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net